

**УБИЙСТВО
СТОЛЫПИНА**

МОЛОДЕЖНОЕ РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ
АГЕНТСТВО «ИнфА»

infA

КООПЕРАТИВ «КУРСИВ»

©Молодежное рекламно-информационное агентство «ИнфА», 1990
©Кооператив «Курсив», 1990

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

Свидетельства и документы

Составитель А. Серебренников.

МОЛОДЕЖНОЕ РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ
АГЕНТСТВО «ИнфА»

КООПЕРАТИВ «КУРСИВ»

РИГА, 1990

От составителя

1 сентября 1911 г. в Киеве, на торжественном спектакле в Городском театре, в присутствии императора и высших сановников 24-летним помощником присяжного поверенного Богровым был смертельно ранен председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин. Личность погибшего, несомненно крупнейшего государственного деятеля предреволюционной России, необычность обстоятельств, при которых произошло покушение, а также ставшая известной прикосновенность убийцы одновременно и к революционерам и к департаменту полиции — все это ошеломило страну. Леволиберальная оппозиция выдвинула ложное фактически, но для пропаганды эффектное решение «загадки Богрова»: будто бы убить Столыпина ему, Богрову, поручила охранка, выполняя, в свою очередь, задание то ли придворных кругов, то ли самого царя. По другой версии пойти на террористический акт Богрова заставили революционеры, угрожая, в случае отказа, казнить его самого как разоблаченного провокатора. Обе эти версии охотно приняла и советская историография.

Цель сборника, составленного из документов, свидетельств и воспоминаний современников, не только восстановить картину покушения и сопутствующих общественно-исторических обстоятельств, но и указать, где находится ключ к «загадке Богрова». Ответственность за выстрелы Богрова несет тогдашнее общество. В течение трех десятилетий оно фактически поощряло террор: со злой радостью встречало известия о покушениях, героизировало убийц, творило культ «сверхчеловека», живущему «по ту сторону добра и зла».

Все подстрочные примечания принадлежат составителю.

От издателя

Дотошный читатель, очевидно, обратит внимание на различия в написании различных титулов и наименований официальных учреждений того времени. Мы сознательно решили не приводить их к единому знаменателю, сохраняя, тем самым аромат эпохи.

ПО ГАЗЕТАМ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
ВѢСТИНИКЪ

№ 100 — Петрогр., 21го августа (6го сентябрь)

— 1906 —

LE DRAPEAU DU TRAVAIL.

ЗНАМЯ
≡
ТРУДА.

— Въ борьбѣ фронтъ былъ призѣнъ —

Центральный Органъ

Партии

Социалистовъ-Революционеровъ

№ 38.

Сентябрь 1906 г.

ОСОБЫЙ ЖУРНАЛЪ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ

27 и 31 Октября и 1 Декабря 1906 года.

О пересмотрѣ постановлений, ограничивающихъ права
евреевъ.

1 СЕНТЯБРЯ

**ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
ВЕСТНИК**

2 сентября 1911

Телеграмма «С.-Петербургского Телеграфного Агентства»

Киев, 1 сентября. В городском театре Председатель Совета Министров Столыпин выстрелом из револьвера ранен. Злумышленник задержан.

РЕЧЬ

2 сентября 1911

(По телеграфу от нашего корреспондента)

КИЕВ, 1 сентября, 11 час. 52 мин.

(Срочная)

Задержанный на месте преступник едва вырван из рук публики, пытавшейся учинить над ним самосуд. Преступник назывался помощником присяжного поверенного Богровым. Одна пуля попала в ногу скрипачу оркестра Берглеру.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ

ВЕСТНИК

2 сентября 1911

* В киевском городском театре, во втором антракте оперы «Царь Салтан», Председатель Совета Министров стоял у рампы, повернувшись лицом к публике, и беседовал с подходившими к нему лицами. Вдруг из рядов поднялся и быстро направился к П. А. Столыпину неизвестный во фраке, лет 28, и, приблизившись на расстояние двух шагов, выхватил браунинг. Раздались два коротких сухих выстрела. Статс-секретарь П. А. Столыпин схватился рукой за правую сторону груди, затем опустился в кресло. Левая рука окровавлена. Силы покидают раненого, лицо бледнеет. Окружающие под-

хватывают его и несут на руках к выходу. Бледное лицо Столыпина сохраняет спокойствие. Несутся негодующие крики по адресу стрелявшего. Публика в страшном напряжении нервов настойчиво требует исполнения гимна, занимает места, ждет. Взвивается занавес. Государь Император приближается к барьеру ложи. На сцене вся труппа исполняет гимн. Артисты, хор опускаются на колени. Многие протягивают сложенные, как на молитву, руки. К небу несется мольба «Боже, Царя храни». Театр в течение нескольких минут дрожал, пока Государь не покинул ложи. Под наблюдением врача раненый в полном сознании перенесен в карету скорой помощи, перевезен в лечебницу Маковского на Мало-Владимирской улице. Пуля попала ниже правого соска, засела в позвоночнике. К раненому вызваны: лейб-медик Боткин, профессора — Оболонский, Волкович, Афанасьев и другие врачи. От операции решено пока воздержаться. Столыпина посетили Министры, лица Государевой Свиты, начальствующие. После выстрелов неизвестный, согнувшись, бросился бежать в боковой проход, но был схвачен офицером и другими лицами. При нем найдены документы на имя помощника присяжного поверенного Богрова. Вторая пуля, ранившая Столыпина в руку, рикошетом ранила в оркестре концерт-мейстера Берглера в ногу.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК 2 сентября 1911

* По доставлении в лечебницу Председатель Совета Министров просил передать Государю Императору, что он готов умереть за Него, просил успокоить жену и пригласить священника.

2 СЕНТЯБРЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ 3 сентября 1911

Ночь на 2 сентября прошла в городе крайне тревожно. Известие о злодейском покушении на жизнь председателя совета министров разнеслось по городу с быстротою молнии.

Когда я, в 3-м часу ночи, прошелся по улицам города, то видел еще много народа, потрясенного событием.

Негодующие возгласы, горькие слова пронизывали то и дело ночную тишину.

Того оживления, того ночного движения, которое было все эти дни до злодейства, уже не было.

Рестораны, кафе были пусты, как никогда.

Извозчики проезжали без седоков. Исчезли веселые, изящные автомобили.

Погасли все огни.

Имя П. А. Столыпина было на устах у всех прохожих.

На телеграфе творилось что-то невероятное.

Телеграммы шли без конца — и все срочные. «Простых» телеграмм не было. Весть об ужасном злодействии разносилась по всему миру.

Телеграфная проволока работала беспрерывно.

Не говорю уже о газетных и служебных телеграммах.

Масса телеграмм шла на имя частных лиц, которым с ужасом сообщалось об этом неслыханном злодействии.

Публике тут же, на телеграфе, сообщали подробности. Корреспондентов прямо-таки осаждали, расспрашивая обо всем.

И тут — те же возгласы, та же невыразимая скорбь...

Вышедшие на рассвете газеты брались с бою.

Стоят на улицах группами и читают.

Женщины плачут, крестятся.

Передать негодование, царящее в городе решительно всюду, во всех слоях, нет возможности.

РЕЧЬ

3 сентября 1911

Бюллетень о состоянии здоровья Председателя Совета Министров Столыпина от 2 сентября.

12 час. дня. Констатированы две огнестрельные раны — одна в правой половине груди, другая в кисти правой руки. Входное отверстие в груди находится в области 6-го межреберного промежутка, внутри от сосковой линии; выходного отверстия нет, пуля прощупывается сзади под 12-м ребром в расстоянии 3 поперечных пальцев от линии остистых отростков. Ранение в первые часы сопровождалось значительным упадком сил и сильными болями, которые Министр переносил стоически. Первая половина ночи проведена тревожно. К утру наступило улучшение. Температура 37, пульс 92.

Академик Рейн. Проф. Волкович. Проф. Малков. Проф. Яновский. Д-р Афанасьев. Пр.-доц. Дитерихс.

3 СЕНТЯБРЯ

НОВОЕ ВРЕМЯ

4 сентября 1911

Допрос П. А. Столыпина

Киев, 3 сентября. В лечебнице, где помещается раненый председатель совета министров, был следователь по особо важным делам Фененко. Следователь подробно допросил П. А. Столыпина о моменте покушения на него Богровым.

Показания министра записаны судебным следователем и скреплены подписью раненого министра.

Следствие

Корреспондент «Нов. Вр.» телеграфирует из Киева данные, добытые следствием.

Следствие производят следователи по важнейшим делам Фененко и жандармский подполковник Иванов. Точное имя преступника Мордко Гершович Богров.

В бытность студентом он участвовал в революционных организациях, несколько раз был арестуем, но всегда очень скоро получал освобождение.

Богров состоял членом революционного совета студенческих представителей в разгар студенческих беспорядков в Киевском университете в 1906 и 1907 годах. Одновременно он был агентом-сотрудником киевского охранного отделения.

По утверждению начальника названного охранного отделения подполк. Кулябко, Богров тогда выдал многих серьезных политических преступников и этим заставил относиться к нему с полным доверием.

Производящие следствие считают несомненным, что Богров действовал по поручению комитета социал-революционеров и специально для этого приехал в Киев из Петербурга. Сам Богров отрицает это, говорит, что действовал по собственной инициативе.

Явясь к Кулябко, он сказал следующее: «петербургские социалисты-революционеры решили убить Столыпина и Кассо. Для осуществления приговора в Киев командирована революционерка, носящая прозвище Нина Александровна, сопровождаемая революционером с кличкой Николай. Я могу предложить услуги по наблюдению за прибывшими, которых знаю в лицо, и выдам их, если они появятся подле Столыпина или Кассо».

Кулябко отнесся к его словам с полным доверием и поручил Богрову охрану Столыпина. О готовящемся покушении Кулябко доложил секретарю Столыпина Граве и адъютанту, прибавив, что для охраны Столыпина принятые все меры.

Богрову был выдан билет в сад Купеческого собрания. Богров сказал Кулябко, что ему необходимо хорошо изучить наружность Столыпина, тогда ему был выдан билет в театр за час до начала спектакля.

Следствием установлено, что Богров волновался, колебался. Сам он признался, что он социалист-революционер, что, прибыв в театр и увидев слабость охраны, стал думать о совершении более ужасного покушения, но от этого удержала его боязнь еврейского погрома. Установлено, что после первого акта Богров вышел из театра, причем при выходе у него отобран был билет. По-видимому, он осматривал подъезд Царской ложи.

Когда он решил войти обратно в театр, полицейский офицер не пустил его: Тогда Богров предъявил билет агента охранного отделения, но несмотря и на это, полицейский офицер не пустил Богрова, а позвал Кулябко. Тот приказал впустить Богрова.

Во время второго антракта Богров ходил по коридору. Здесь его встретил Кулябко и сказал: «сейчас конец антракта, а следующий и последний акт будет очень короток,— идите на площадь и стерегите Нину Александровну у подъезда».

Богров ответил: «хорошо»; повернулся, пошел по коридору в противоположную от Кулябко сторону и направился прямо в партер к Столыпину.

Богров будет предан военному суду.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК

4 сентября 1911

Бюллетень о состоянии здоровья председателя Совета Министров от 3 сентября 10 ч. утра.

В состоянии здоровья статс-секретаря Столыпина наступило некоторое улучшение, температура 37,0, пульс 88, дыхание 24, сон удовлетворительный; боли и тошнота меньше. При настоящем течении болезни в оперативном вмешательстве надобности не встречается.

Проф.: Рейн, Цейдлер, Волкович, Малков, Яновский, прив.-доц. Дидрихс, доктор Афанасьев.

НОВОЕ ВРЕМЯ

4 сентября 1911

При больном безотлучно находится его супруга, там же находится и секретарь П. А. Столыпина г. Граве, разбирающий поступающую почту и телеграммы.

Ст.-секр. Столыпин и его супруга получают тысячи телеграмм.

Личный доступ к больному совершенно закрыт. Двери главного входа закрыты и охраняются полицией.

НОВОЕ ВРЕМЯ

4 сентября 1911

КИЕВ. 5 ч. 34 м. дня. Из достоверных источников сообщаю: В свое время П. А. Столыпин сказал в известной речи в Государственной Думе и затем подтвердил в циркуляре, что так называемыми «сотрудниками» можно пользоваться только для получения сведений о замыслах революционеров, но ни в каком случае не употреблять их для целей охраны. На этой точке зрения П. А. Столыпин стоял очень твердо. Возникает недоумение, каким образом после этого Богров, бывший именно «сотрудником», мог очутиться в театре в роли охранника.

4 СЕНТЯБРЯ

СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО

5 сентября 1911

КИЕВ, 4 сентября

Содержащийся в Косом Капонире Богров заболел. Возбужденное состояние прошло. Полученные в театре побои дают себя чувствовать. Был вызван сегодня врач, оказавший медицинскую помощь. Состояние духа удрученное. Следствие по делу закончено. Завтра будет составлен обвинительный акт. Богров на следствии подробно рассказал свою жизнь и дал много весьма важных показаний.

КИЕВ, 4 сентября

Главная цель производящегося следствия выяснить, действовал ли Богров совершенно самостоятельно или по поручению революционной организации. Относительно истинной роли, которую играл Богров, здесь все более склоняются к мнению, что он был настоящим, непритворным агентом охраны, пока революционеры не начали его сильно подозревать. Дальнейшая гипотеза такова: организация, к которой в целях сыска принадлежал Богров, предложила ему альтернативу — либо убить премьера и тем доказать вздорность относительно его сомнений, либо самому быть убитым за сношения с охраной. Богров выбрал первое.

КИЕВ, 4 сентября.— В общем состоянии здоровья статс-секретаря П. А. Столыпина наступило некоторое ухудшение. По словам врачей, никаких оснований для серьезных опасений теперь, однако, нет.

КИЕВ, 4 сентября.— Явление воспаления брюшины продолжается. Температура 36,6, ср. пульс 116—120, дыхание 28. Положение очень серьезное.

5 СЕНТЯБРЯ

РЕЧЬ

6 сентября 1911

КИЕВ, 5 сентября, 2 ч. 32 м.

Официальный бюллетень от 12 час. 30 мин. дня гласит: «С ночи ослабление деятельности сердца приняло угрожающие размеры, пульс 132, очень слабого наполнения; воспалительные явления со стороны брюшины без резких изменений, температура 37, общее состояние тяжкое».

КИЕВ, 5 сентября

Сейчас в помещении клуба националистов идет совещание лидеров всех киевских правых организаций. Обсуждается вопрос, как реагировать в случае наступления печального конца. По слухам, лидеры правых призывались к полицеймейстеру, который от имени высших властей предупредил, что в случае беспорядков будут приняты самые решительные меры.

Согласно телеграмме, поданной в Киеве в 1 ч. 30 мин. пополудни, здоровье статс-секретаря Столыпина с каждой минутой ухудшается. Болезнь прогрессирует. Пульс, упавший на короткий срок, заработал снова с силой большей, чем показано в последнем бюллетене. Температура — 35,5°. Средства, применяемые врачами, не производят действия.

НОВОЕ ВРЕМЯ

6 сентября 1911

КИЕВ. В 10 ЧАС. 12 МИН. ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ ТИХО СКОНЧАЛСЯ. В ИСТОРИИ РОССИИ НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ГЛАВА.

6 СЕНТЯБРЯ

РЕЧЬ

7 сентября 1911

КИЕВ, 6 сентября

Еврейское население Киева в панике

Весть о смерти П. А. Столыпина, быстро облетевшая город, усилила и без того сильную панику. На вокзале творится нечто невероятное; пробиться к вокзалу невозможно. Там

скопились тысячи евреев. Отправляются двойные поезда во всех направлениях. Настроение крайне угнетенное.

РЕЧЬ

7 сентября 1911

КИЕВ, 6 сентября

Извещение киевского, подольского и волынского генерал-губернатора жителям города Киева: «Наблюдаемое ныне повышенное среди жителей города Киева настроение, порождающее в некоторых слоях населения опасения возможных волнений, побуждает меня, в целях успокоения населения, сим заявить, что мною приняты меры к предупреждению и предотвращению каких-либо нарушений порядка. Вместе с тем считаю необходимым предварить население города, что всякие насилия и беспорядки мною будут подавляемы самым решительным образом. Подлинное подпись Трепов».

РЕЧЬ

7 сентября 1911

Союз Михаила Архангела выпустил воззвание, в котором призывает своих членов, а также других лиц сохранять на улицах самый строгий порядок и восстановлять таковой в случае малейшего его нарушения.

7 СЕНТЯБРЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК

8 сентября 1911

* Государем Императором, при отъезде из Киева, дан на имя киевского, подольского и волынского генерал-губернатора следующий Высочайший Рескрипт:

«Федор Федорович! Оказанный Нам в дни Нашего пребывания в древнем столичном городе Киеве и других посещенных Нами местностях Юго-Западного края радушный прием всех

слоев населения глубоко тронул Меня и Государыню Императрицу.

«Наше светлое настроение омрачено злодейским покушением в Моем присутствии на верного слугу Моего, доблестного исполнителя своего долга, Председателя Совета Министров. Но доходящее до Нас со всех сторон выражение искреннего возмущения по поводу совершенного злодеяния убеждает Нас в том, что все благомыслящее население Киева, как и прочих посещенных Нами местностей, преисполненное одного желания торжественно встретить своего Монарха, испытывает вместе с Нами чувства скорбного негодования.

«В памяти Нашей неизгладимо сохранится навсегда выраженная Нам любовь к Родине и Престолу населения города Киева и представителей края: дворянства, земства и крестьянства.

«Представлявшаяся Мне депутация от шести Западных губерний, в коих ныне введено земское положение, убеждает Меня в том, что все слои населения приложат, согласно указаниям Моим, силы и знания свои на пользу края и Нашей дорогой России.

«Поручаю вам объявить всему населению Юго-Западного края и города Киева Мою и Государыни Императрицы искреннюю благодарность за оказанный Нам горячий прием».

9 СЕНТЯБРЯ

РЕЧЬ

10 сентября 1911

ПОГРЕБЕНИЕ П. А. СТОЛЫПИНА

(От петербургского телеграфн. агентства)

КИЕВ, 9 сентября.— Серое, пасмурное утро. Флаги на консульствах приспущены. Со стороны лавры мчатся автомо-

били и вереницей тянутся экипажи. Для желающих не хватает места в вагонах трамвая. Они целым потоком направляются в лавру. Открытый сначала широкий доступ в дверь лавры, затем, во избежание давки, несколько ограничивают. Около Великих ворот быстро образовалась огромная толпа, заполнившая всю площадь и Трапезную церковь, где у тела покойного всю ночь дежурили чины министерства внутренних дел, с товарищем министра Лыкошиным во главе. Прибывают представители и депутаты высших государственных учреждений, приехавшие из Петербурга, высшие представители местных и иногородних ведомственных и общественных учреждений и монархических организаций. В числе присутствующих: обер-прокурор св. синода, главноуправляющий землеустройством и земледелием, министры юстиции и торговли и промышленности, председатель Государственной Думы Родзянко, члены Государственных Совета и Думы, петербургский и московский городские головы. Из рук в руки переходит подписной лист, быстро покрываемый подписями сановников и общественных деятелей, жертвующих значительные суммы на памятник П. А. Столыпину. Непрерывной волной идут депутаты с венками. Количество их превысило 200.

К 10 ч. утра церковь наполняется. Многие за недостатком места ожидают во дворе. Гроб утопает в венках и цветах. Остальные венки размещены у солей и по сторонам церкви. Собравшееся духовенство встречает митрополита у входа в церковь. В 10 ч. утра митрополитом, в сослужении многочисленного белого и черного духовенства, начинается торжественная заупокойная литургия. Поют лаврские певчие и хор Владимирского собора. После литургии священнослужители произносят три речи. Особенно прочувствованное слово сказано епископом холмским Евлогием. Затем совершается панихида и прощание с усопшим. Приток венков не прекращается. В 2 ч. звон колоколов возвещает вынос тела. Во дворе широким полукругом у могилы выстроились с хоругвями духовенство от великой лаврской церкви до самой могилы. Справа и слева расположились представители монархических организаций со стягами, позади и слева представители городского самоуправления, по сторонам и сзади множество фотографов и кинематографистов. Против входа в церковь стоят ученицы профессиональных классов и ученики лаврского двухклассного училища. Выстроившиеся у стены великой церкви жандармы берут на караул. Хор Миргородского полка исполняет «Коль славен». Депутации студентов-академистов университета и молодежи «Двуглавого Орла» выносят часть венков. На шести подушках несут ордена покойного. За

многочисленными певчими Трапезной церкви в белом облачении попарно выходят шесть дьяконов, 54 священника и архимандрита, 4 епископа и митрополит.

Гроб несли обер-прокурор св. синода Саблер, министры Щегловитов и Тимашев, т. с. Лыкошин, председатель Государственной Думы Родзянко, Балашев, Лерхе, Владимир Бобринский и другие. Вдову, по ее желанию, вел под руки статс-секретарь Кривошенин.

Могилу, по заделке ее, окружили члены совета министров, член Государственного Совета Пихно, председатель Государственной Думы Родзянко, Балашев, Гучков, Лерхе и другие члены Государственной Думы и чины министерства внутренних дел.

О. Б. Столыпина, слова которой, сказанные Государю Императору: «Ваше Величество, как видите, Сусанины не перевелись на Руси», облетели весь Киев, сохраняла все время геройское самообладание, как и все члены семьи покойного.

По отъезде из лавры товарищ министра внутренних дел Лыкошин и чины земского отдела поднесли О. Б. Столыпиной икону Спасителя, которою т. с. Лыкошин благословил сына усопшего. Икона вложена в серебряный венок с надписью: «Счастлив умереть за Царя».

Сегодня, в день погребения председателя совета министров статс-секретаря П. А. Столыпина, согласно полученным с.-петербургским телеграфным агентством в огромном числе телеграмм, повсеместно в Империи были совершены заупокойные литургии и отслужены панихиды в присутствии местных административных властей, гражданских и военных чинов, представителей общественных учреждений, учащихся и при громадном стечении народа (СПА).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК

10 сентября 1911

Государь Император Высочайше повелеть соизволил, независимо от хода предварительного следствия по делу о посягательстве на жизнь Председателя Совета Министров, Министра Внутренних Дел, статс-секретаря Столыпина, произвести широкое и всестороннее расследование действий киевского охранного отделения в этом деле.

Производство означенного расследования, с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения, возложено на сенатора, тайного советника Трусевича, при содействии лиц, командируемых в его распоряжение.

9—11 СЕНТЯБРЯ

РЕЧЬ

10 сентября 1911

КИЕВ, 9 сентября. 11 ч. 33 м.
(Срочно)

Сегодня, в четвертом часу дня, в Косом Капонире началось заседание военного суда по делу Богрова. Среди свидетелей был Кулябко. Приговор вынесен в десятом часу. Богров приговорен к смертной казни через повешение.

КИЕВ, 9 сентября, 11 ч. 59 м. в.
(Срочная)

Председательствовал военный судья ген. Рейнгартен; обвинял военный прокурор Костенко. Обвинительный акт занимает три листа. Накануне Богрову предложили выбрать защитника по соглашению или воспользоваться правом иметь казенного защитника. Богров отказался.

Свидетелей было вызвано 12; явилось 7. Обвинение было предъявлено по 279 ст. св. воен. постановл. и 102 ст. уголовн. улож. Во время разбора приезжал Щегловитов. Суд совещался 20 минут. Союзники* ходатайствуют о разрешении присутствовать при казни.

Накануне суда Богрову вручили обвинительный акт, который он принял спокойно. Богров попросил карандаш и бумагу, обещая дать важные показания. В этом ему было отказано. Из арестованных в связи с делом Богрова освобождено 75; осталось тридцать под арестом.

Суд состоялся в полутемной камере одного из бастионов киевской крепости Косой Капонир, слабо освещенной керосиновыми лампами. Суд под председательством военного судьи генерала Рейнгартена, состоял из двух полковников и трех подполковников. Кроме судей присутствовало около тридцати посторонних, в том числе Щегловитов, Трепов, командующий войсками Иванов, прокурор палаты Чаплинский, прокурор окружного суда Брандорф, комендант крепости Медер, гу-

* Имеются в виду члены Союза русского народа.

бернский предводитель дворянства Куракин, высшие военные и гражданские чины, судейские и другие.

РЕЧЬ

11 сентября 1911

КИЕВ, 10 сентября

Заседание суда продолжалось 3 часа. В восемь часов 20 минут объявлен приговор, который Богров выслушал спокойно.

По слухам, он жаловался, что его плохо питают, и просил дать есть. Председатель распорядился просьбу эту удовлетворить. Через час приговор объявлен в окончательной форме. Говорят, что Богров дважды хотел застрелить Кулебко, но был подкуплен его доверчивостью, а мысль стрелять в Столыпина явилась у него в самом театре, куда он был послан для охраны.

Свое ходатайство присутствовать при казни Богрова союзники объясняют опасением, что его подменят.

Сегодня произведены новые освобождения арестованных в связи с Богровым, в том числе тетка, дочери, прислуга, оставшаяся в квартире Богрова. Часть арестованных переведена в тюрьму.

КИЕВ, 11 сентября

Кончились 24 часа, Богров кассации не подал; приговор конфицирован. По слухам, родственники Столыпина просят отсрочить казнь впредь до выяснения результатов ревизии Трусевича.

12 СЕНТЯБРЯ

НОВОЕ ВРЕМЯ

13 сентября 1911

БЕСЕДА Д. БОГРОВА С РАВВИНОМ В ДЕНЬ КАЗНИ

Из Киева «Нов. Вр.» сообщают:

В день казни Богров, беседуя в Косом Капонире с раввином Алешковским, сказал:

— Передайте евреям, что я не желал причинить им зла, наоборот, я боролся за благо и счастье еврейского народа.

На упреки Алешковского, что Богров своим преступлением мог вызвать еврейский погром, осужденный резко ответил:

— Великий народ не должен как раб пресмыкаться перед угнетателями его.

Полагают, что перед казнью Богров хотел продолжить беседу с раввином и что-то передать через него еврейству.

РЕЧЬ

13 сентября 1911

Исполнение смертного приговора надъ Богровымъ.

КИЕВ, 12 сентября

Так как Богров отказался от принесения кассационной жалобы, то приговор был конфирирован через 24 часа по объявлении: а именно, 10 сентября, в 10 часов вечера, и немедленно направлен к исполнению. Однако казнь была отложена на сутки, ввиду того, что не принято казнить под воскресенье.

Вчера, с вечера, начались приготовления к казни. Была сооружена на Лысой горе виселица; палач нашелся среди каторжан, содержащихся в Лукьянинской тюрьме. Палач поставил, однако, условием, чтобы его затем поместили в другую тюрьму, мотивируя свое требование тем, что боится расправы с ним других каторжан.

Прилегающая к Лысой горе местность была тщательно осмотрена полицией и оцеплена сотней казаков и ротой пехоты. Все официальные лица собрались в первом часу ночи в помещении печерского полицейского участка. Сюда приехал

также губернатор, который, убедившись в том, что все в порядке, возвратился домой.

В начале второго часа все выехали на почтовых лошадях к месту казни. Присутствовали при совершении казни полицеймейстер, оба его помощника, пять участковых приставов, много околоточных и городовых, товарищ прокурора и помощник секретаря окружного суда, городовой врач и общественный раввин.

Тут же стояла группа представителей киевских правых организаций, человек около 30, во главе с Савенко. Говорят, что правые добились разрешения присутствовать при казни для того, чтобы убедиться, что Богров действительно будет казнен.

Двое городовых вывели Богрова из тюремной кареты, держа его под руки. Богров был без кандалов. Товарищ прокурора, показывая пальцем на Богрова, обратился к представителям правых:

— Ну, господа, опознайте,— это он?

В ответ раздалось: «Как же? Он самый! Ведь я его в театре здорово побил. Он и в том самом фраке, в котором был в театре».

Помощник секретаря громким голосом прочитал приговор, который Богров выслушал спокойно.

Товарищ прокурора обратился к нему с вопросом, не хочет ли он что-нибудь сказать раввину.

Богров ответил:

— Желаю, но в отсутствии полиции.

Товарищ прокурора заметил, что это невозможно.

Тогда Богров заявил: «Если так, то можете приступить».

После этого Богрову связали назад руки и подвели при свете факелов к виселице. Палач накинул саван. Уже под саваном Богров спросил: «Голову поднять выше, что ли?» Его подвели к табуретке и указали, как подняться.

Палач накинул петлю и выбил из-под ног табуретку.

Богров повис.

Выждали законные 15 минут.

Из толпы правых кто-то сказал: «Небось больше стрелять не будет».

Другой голос возразил: «Теперь не время разговаривать».

По истечении 15 минут палач снял мертвое тело, к которому направился врач. Правые последовали за врачом. Последний констатировал смерть. Труп положили в вырытую близ виселицы яму, накрыли его досками, засыпали и сравняли землю. К трем часам утра все было кончено.

ОТКЛИКИ СОЦИАЛИСТОВ

LE DRAPEAU DU TRAVAIL.

ЗНАМЯ ≡ ТРУДА.

"Въ борьбѣ обратиши твои права свое!"

Центральный Органъ

Партии
Социалистовъ-Революционеровъ

№ 38.

Октябрь 1911 г.

Цена: 30.

Заявления Центрального Комитета П. С.-Р.

Ввиду появившихся во всех почти русских газетах известий о причастности Партии Соц.-Рев. к делу Дм. Богрова, Центр. Комитет П. С.-Р. заявляет:

Ни Ц. К-т, ни какие-либо местные партийные организации не принимали никакого участия в деле Дм. Богрова.

Мы не знаем, кто такой Богров. По одной версии, он — раскаявшийся охранник, по другой — анархист, поступивший в охрану с революционными целями. Быть может, есть какая-либо третья, пока еще необнаруженная, но соответствующая действительности? Неизвестно...

Допуская даже, что Богров анархист, решившийся поступить на службу в охрану с революционными целями, мы все же не имеем никаких данных для суждения о том, что привело его к такому решению? Легкомыслие? Недостаток моральной чуткости? Наклонность к авантюрам? Или, быть может, безрассудная уверенность, что при наличии царящей кругом апатии и разрухи человеку с революционным темпераментом остается лишь одно: действовать на свой личный страх и риск? Опять-таки неизвестно...

Мы можем с уверенностью констатировать лишь два факта. Первое: Богров несомненно какою-то ценою — большою или малою, это существа дела не меняет — купил то исключительное доверие, которое оказала ему охрана и благодаря которому он сумел попасть на торжественный спектакль в Киеве. Второе: с момента выстрела в театре вплоть до петли на шее, Богров держал себя с достоинством, благородно, геройски.

Из общественной жизни

Убийство Столыпина вызвало настоящий взрыв холопских чувств. И в самом театре, где оно произошло, и в печати, и в городских думах и земских собраниях, и в разных обществах целый потоп негодующих и возмущенных чувств по адресу Богрова, и патриотических и верноподданнических чувств по адресу властей предержащих. «Где же тот народ, за который борются революционеры и во имя которого они совершают свои террористические акты?» — ехидно вопрошают «Голос Москвы».

Народ молчит!.. Но именно поэтому и нужны террористические удары, чтобы вывести его из апатии и летаргии, чтобы ободрить и вдохновить его на борьбу за свои интересы, за свою свободу и свои права, чтобы призвать его к этой борьбе примером мужества и самопожертвования. И с точки зрения причинности, и с точки зрения целесообразности молчание народа, его задавленность — показатель в пользу террора, а не против него.

Но лакеи и боящиеся за свою лавочку торговцы приличий не знают, и вот «Русское Слово» в № от 3/16 сентября открыло свои сообщения по делу Столыпина следующим воплем:

«Безумие. Покушение на убийство П. А. Столыпина с любой точки зрения является актом безумия, стоящим за пределами здравого смысла. Нет надобности говорить о том, что убийство есть всегда убийство. Стреляние из-за угла в беззащитного человека на всех языках заклеймено одним и тем же термином. Мы не будем углубляться в обстановку безумного покушения, учиненного агентом сыскной полиции, не порвавшим своих связей с террористами. Моральное уродство людей выступает во всей своей наготе. Афишируя это уродство такими позорными актами, террористы выдают себе заслуженную аттестацию, против которой люди здравого смысла возражать не станут. Россия не нуждается в проявлениях дикого варварства. Наша родина стремится к мирному и безостановочному развитию своей внутренней жизни. Террористы являются закоренелыми врагами нашего прогресса. Они очень хорошо знают, что их дикие, безумные выступления открывают дорогу реакции. И эти люди говорят, что они геройски приносят себя в жертву высшим интересам родины!.. Пусть же они знают, что на их безумие Россия ответит гневным негодованием, которое выразится в общем осуждении кровавой мести и варварской расправы».

Заграничная пресса о смерти Столыпина

The Labour Leader (Орган «Независ. Рабочей Партии»— социалистической — Кир-Гарди, В. Андерсон, Рамзэй Макдональд и др.— The Independent Labour Party).

«Столыпин обратил Думу в фарс и мошенническую проделку. Он, именно он, бросил тысячи людей в зараженные тюрьмы и послал тысячи на виселицу. Он разрушил последние остатки свободы Финляндии. Столыпин возобновил в России царство террора и вызвал проклятия всех русских свободолюбивых людей. Сравнительно с «галстучным» Ст-м злодеи в Дантовом аду кажутся почти непорочными. Акт Богрова показал, что Ст-н пожал, что поселял, и что его политика обратилась на его собственную голову. Будем надеяться, что новый заместитель Ст-на переменит политику террора на иную и тем избежит участи своего предшественника».

«Он не может воротиться — и, конечно, многие тысячи русских благоговейно поблагодарят за это господа. Его смерть и обстоятельства ее да будут благодетельным предостережением другим, подобным ему тиранам».

«В России одним чудовищем меньше и нравственная атмосфера мира стала оттого чище. Ужасная это вещь — убить человека! Но честь уничтожения чудовищ в древние времена принадлежала богам».

Avanti, 20 сент. (Орган социалистической партии)

«Смерть Столыпина заслуженная. Пред этой могилой человечество может лишь вздохнуть с облегчением. Русская революция предложила Столыпину 5 лет перемирия, чтоб ввести реформы. Столыпин принял его для того, чтоб убивать, вешать, ссыпать, организовать погромы, разогнать Думу, закрывать школы, университеты, уничтожать газеты. Столыпин в течение 5 лет был бичом Святой Руси. И вот один встал и говорит: этому должно положить конец. Oportet ut ipius morietur pro populo. Необходимо, чтоб один пожертвовал собой для спасенья тысяч. И этот человек нашелся. Еврей, в сердце которого взошли семена ненависти его расы, поруганной, преследуемой, убиваемой, осмеиваемой. Чтоб совершить ужасную месть, он решился надеть ненавистную маску агента тайной полиции. Чтоб совершить месть, он пожертвовал своей честью. Всемогущество ненависти! Казнь не могла не удастся. Столыпин не мог ее избежать. И он ее не избежал.

Поединок двоих людей. Трагедия целого народа. Страсти всего человечества. Пролог или эпилог исторического периода? Ближайшие события дадут ответ. Сегодня пред нами гроб зловещего министра зловещего царя. Боярская Русь плачет и проклинает. Мужицкая Русь облегченно вздыхает. А завтра? Кто знает! Но в этот год Немезида ликует. О Столыпине история будет говорить с отвращением, а его убийца будет окружен ореолом мучеников, которые взошли на Голгофу для спасения людей, для свободы народа».

«Правда», 15 сент. (Еврейская газета, издающаяся в Нью-Йорке на жаргоне)

«Мы надеемся, что пуля, угодившая в Столыпина, верно попала в цель, что она выполнила свое назначение, что мудрая пуля освободила Россию от ее несчастья, мир — от гнусного создания, человечество от великого позора.— Мы не боимся и нас не пугает возможность, что человек, стрелявший в не-человека (изверга), — еврей; что рука, вновь поднявшая в России знамя борьбы, знамя свободы, это — еврейская рука. Еврейская кровь добровольно была принесена на алтарь справедливости для того, чтобы омыть еврейскую кровь, которую убитый проливал и проливает ежедневно не ручьями, а морями. В России не найдется не только ни одной партии, которая стала бы оплакивать смерть Столыпина, нет ни одного лица, за исключением его собственной семьи, которое пролило бы хотя одну настоящую и искреннюю слезу у холодного тела николаевского министра. Мы не знаем ни одного русского, который был бы так ненавидим каждым классом, каждой партией, всяким оттенком российского общества. Почему? Потому что у Столыпина не было партии, которой бы он служил; у него не было идеи, принципа, за который бы он боролся; у него не было веры, в которую бы он верил, у него не было Бога, которому бы он служил. Политическая программа премьера Столыпина, его вера и его деятельность имели только одну цель, одну задачу. Советник Николая не может быть министром, он должен быть лакеем; доверенное лицо русского деспота не может быть канцлером, оно должно быть палачом. И Столыпин порешил жить и умереть Николаевским лакеем, Николаевским вешателем!»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССИЙСКОЙ СОФИ-
АЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

СОЦИАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

В. И. ЛЕНИН

СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ*

Умерщвление обер-вешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контрреволюции. Поэтому событие 1 сентября, очень маловажное само по себе, вновь ставит на очередь вопрос первой важности о содержании и значении нашей контрреволюции.

Столыпин был главой правительства контрреволюции около пяти лет, с 1906 по 1911 г. Это — действительно своеобразный и богатый поучительными событиями период.

Политическая биография Столыпина есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии. Столыпин не мог поступить иначе, чем он поступал, при том положении, в котором оказалась при революции монархия.

Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские».

* Полный текст статьи В.И.Ленина, посвященной убийству Столыпина, см.: Полное собрание сочинений, т. 20, с. 324—333.

СТОЛЫПИН

БИОГРАФИЯ*

Петр Аркадьевич Столыпин родился в 1862 г., детство провел в имении Средниково под Москвой. По окончании курса в с.-петербургском университете в 1884 г. он начал свою служебную деятельность в министерстве внутренних дел, через два года причислился к департаменту земледелия и сельской промышленности министерства земледелия и государственных имуществ, в котором последовательно занимал различные должности и особенно интересовался сельскохозяйственным делом и землеустройством. Затем перешел на службу в министерство внутренних дел ковенским уездным предводителем дворянства и председателем ковенского съезда мировых посредников и в 1899 году был назначен ковенским губернским предводителем дворянства. Служба предводителем дворянства близко ознакомила П. А. с местными нуждами, завоевала ему симпатии местного населения и дала административный опыт. В это время он был выбран почетным мировым судьей по инсарскому и ковенскому судебно-мировым округам. В 1902 г. покойному было поручено исправление должности гродненского губернатора, через год он был назначен саратовским губернатором. Начало революционной смуты ему пришлось провести в должности губернатора в Саратове и принять решительные меры против революционной пропаганды и особенно по прекращению беспорядков в Балашовском уезде. В Саратове же он принимал живое участие в деятельности местных благотворительных учреждений. Местный отдел попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых избрал его в свои почетные члены. Когда в 1906 году совет министров во главе с графом С. Ю. Витте вышел в отставку и новый совет министров было поручено сформировать И. Л. Горемыкину, покойному был предложен пост министра внутренних дел. С этого времени — 26 апреля 1906 г. — П. А. являлся до дня своей кончины деятельным руководителем министерства. После распуска первой думы покойному всемилостивейше повелено быть 8 июля 1906 г. председателем совета министров с оставлением в должности министра внутренних дел. С этого момента началась талантливая государственная деятельность Столыпина, направленная на умиротворение России путем стойкой борьбы со своею волей и путем разработки

* Журнал «Исторический вестник», т. 126, октябрь 1911. Редакционная статья (без подписи).

и проведения в жизнь новых законов. Став во главе совета министров, П. А. сумел вдохнуть в деятельность совета единодушие, возвратить государственной власти поколебленный престиж и укрепить его. Революционные партии террористов не могли примириться с назначением убежденного националиста и сторонника сильной государственной власти на пост премьер-министра, и 12 августа 1906 г. произвели покушение на его жизнь взрывом министерской дачи на Аптекарском острове. Было убито 27, ранено 32 лица (в их числе тяжко пострадала дочь и ранен малолетний сын Столыпина), но П. А. остался невредимым. Провидение сохранило его жизнь, и покойный с прежней энергией и увлечением отдался всецело государственной деятельности. Горячий приверженец порядка и законности, он шел прямым путем к скорейшему осуществлению нового уклада государственного строя согласно высочайшим предначертаниям. Просвещенный политик, экономист и юрист, крупный административный талант, он почти отказался от личной жизни и свою удивительную работоспособность, незнакомую с утомлением, вложил в дело государственного успокоения и строительства. Только летом, и то на самое непродолжительное время, он позволял себе отдых, уезжая преимущественно в свое имение, но и там не переставал давать направление правительенному механизму государства. Заболев весной 1909 г. крупозным воспалением легких, он согласился покинуть Петербург только по настойчивым требованиям врачей и провел в Крыму около месяца. Наибольшее время П. А. посвящал руководству и председательству в совете министров, созывавшемся обычно не менее двух раз в неделю, и в разного рода совещаниях по текущим делам и по вопросам законодательства. Заседания эти часто затягивались до утра. Утренние доклады и дневные приемы чередовались у него с личным внимательным просмотром текущих дел, просмотром русских и иностранных газет и тщательным изучением новейших книг, посвященных особенно вопросам государственного права. Неоднократно он, как председатель совета министров, выступал в государственной думе и государственном совете защитником правительенных проектов. Он всегда являлся блестящим оратором, говорил вдохновенно, сжато и дальне, развивая мастерски и ярко руководящие положения законопроекта или давая ответы и объяснения по различного рода запросам о действиях правительства. В 1909 г. покойный присутствовал при свидании Государя Императора с германским императором в финляндских шхерах. В разное время он совершил несколько поездок по России, знакомился с результатами

землеустроительных работ и с работами по хуторскому и отрубному разверстанию. Немало он приложил также стараний к улучшению водоснабжения в Петербурге и к прекращению холерной эпидемии. Государственные заслуги покойного были отмечены в короткое время целым рядом царских наград. Помимо нескольких высочайших реабилитирований с выражением признательности, П. А. был пожалован в 1906 г. в гофмейстеры, 1 января 1907 г. назначен членом государственного совета, в 1908 г.— статс-секретарем.

Как человек покойный отличался прямодушием, искренностью и самоотверженностью преданностью государю и России. Он был чужд гордости и кичливости благодаря исключительно редким качествам своей уравновешенной натуры. Он всегда относился с уважением к чужим мнениям и внимательно к своим подчиненным и их нуждам. Враг всяких неясностей, подозрений и гипотез, он чуждался интриганства и интриганов и мелкого политика. По своим политическим взглядам П. А. не зависел от каких-либо партийных давлений и притязаний. Твердость, настойчивость, находчивость и высокий патриотизм были присущи его честной, открытой натуре. П. А. особенно не терпел лжи, воровства, взяточничества и корысти и преследовал их беспощадно; в этом отношении он был горячий сторонник сенаторских ревизий.

Покойный был женат на дочери почетного опекуна О. Б. Нейдгарт, имел пять дочерей и сына.

Таковы достоверные и правильно освещенные газетные биографические сведения о почившем, позволяющие нам обозреть общие черты его характера и жизненной деятельности сначала в провинции, а затем во главе правительственной власти. Обращаясь к частностям, мы прежде всего должны отметить те необычайные условия, среди которых так быстро и рельефно выступила на фоне русской жизни фигура недавнего саратовского губернатора, тогда еще мало знакомого бюрократическому, светскому и общественному Петербургу.

У всех в памяти буйный состав первой государственной думы с ее «товарищескими выступлениями», знаменитым выборским возвзванием и полным нежеланиям перейти от хлестких и революционных речей к тому практическому делу, ради которого было призвано народное представительство и которого так страстно ожидала от него застоявшаяся в нужных ей поступательных реформах Россия. С первого же дня заседания нашего молодого парламента можно было достаточно убедиться, что он не пригоден к той роли, которая ему была предназначена, и через несколько месяцев непрерывных столкновений с представителями власти его вынуждены

были распустить. Следующий состав государственной думы пытался занять ту же позицию, что и дума первого призыва, и стране угрожала опасность, что вся деятельность г. г. депутатов сводится к систематической оппозиции правительству, исключительной критике и резким выступлениям, при какой политике действий совершенно парализовалась та программа, которая достаточно определенно была высказана в высочайшем манифесте по случаю роспуска первой думы.

На этот призыв к миру и деятельной работе депутаты второго призыва ответили с первого же заседания выступлениями по примеру своих недавних предшественников. Когда П. А. Столыпин, облеченный к тому времени властью председателя совета министров, прочел свою декларацию в заседании 6 марта 1907 г., ему посыпались возражения и сделана была попытка подорвать авторитет правительства. Вот на эти-то попытки и ответил Столыпин своею знаменитою, отныне историческою, речью, которая сразу очертила его боевую, наступательную на революцию позицию и создала из него тот оплот силы, власти и законности, которые до того отсутствовали и которые возвращали правительству его авторитет в населении. Этюю речью он сразу поднялся над всею думою и явил собою того истинного «богатыря мысли и дела», о котором упомянуто в манифесте.

Столыпин сказал следующее:

«Господа, я не предполагал выступать вторично пред государственной думой, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях государственной думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы. Я им пользоваться не буду.

«Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявить: это его долг перед думой и страной. В настоящее время я утверждаю, что государственной думе волею монарха не дано право выражения правительству неодобрения, порицания или недоверия. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы предполагать, что люди, которым вручена была власть во время великого исторического перелома, во время неустройства всех законодательных государственных

устоев, чтобы люди, сознающие всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали тяжести взятой на себя ответственности. Но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы, от царской резиденции, волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространились крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целости русского народа, или действовать и отстоять то, что было ей вверено. Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекало на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство, несомненно, не могло не задеть частных интересов. В то время правительство задалось целью — сохранить те заветы, те устои, начала которых были положены в основу реформ императора Николая II. Борясь исключительными средствами и в исключительное время, правительство ввело и привело страну во вторую думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут, волею монарха, нет ни судей, ни обвиняемых, что эти скамьи (показывает на места министров) не скамьи подсудимых — это место правительства.

«За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и все, дадим ответ перед историей. Я убежден, что та часть государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более, я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений.

«В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правитель-

ства, у власти паралич и воли, и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты, может ответить только двумя словами: не запугаете».

Эта историческая речь создала сразу имя Столыпину, и фраза «не запугаете» была тем сигналом, которым было объявлено населению, что наступил конец параличного состояния государственной власти, что она возвращается к своей ответственной обязанности и готова без страха и трепета встретить написк внутренних врагов. Гипноз страха, малодушия и слабости отныне как бы покинул стоявших у кормила русского государственного корабля, и явился лишь вопрос, каков будет курс этого корабля и поскольку кормчий будет в силах и состоянии твердо держаться намеченного курса. Как и можно было ожидать, вторая государственная дума, поставившая себе, по словам некоторых ее представителей, главною задачей «осаду власти», не могла и по существу этой задачи, и по методам ее выполнения, удовлетворить требованиям премьер-министра: работа законодательная в ней не подвигалась, и она утопала в словоизвержениях известного пошиба, доставшихся ей по наследию от ее предшественницы. Оказалась она в некоторых своих частях родственною и с революционными элементами населения. Ропщук ее совершился, а дабы и третья дума не оказалась в законодательном противодействии правительству, по инициативе Петра Аркадьевича, выборный закон был изменен в смысле дачи большего значения элементам сословным и национальным, благодаря чему депутаты являлись как бы более ответственными перед пославшими их и дабы последним был облегчен правильный способ избирательства более сознательных элементов в думу. Этим законом Столыпин создал третью думу, с которой, хотя и не без некоторых трений порою, ему и удалось провести законные циклы сессий.

Если Столыпин сразу после своей исторической речи 6 марта 1907 года завоевал симпатии думского большинства, то с течением времени эта симпатия — и общественная, и отчасти личная — стала как будто несколько бледнеть и слабеть. Это ослабление достигло значительных размеров к началу текущего года, и против него образовались своего рода неприязненные блоки, где в трогательном единодушии, достойном лучшей доли, сошлись элементы крайней правой и крайней левой и даже с участием здесь еще вчерашних умеренных политических друзей. Такого рода блоки образовались как в стенах Таврического дворца, так и дворца Мариин-

ского, в государственном совете, этой нашей верхней палате. Если оппозиция премьер-министру в кругах государственной думы и не могла вызывать особого удивления, то оппозиция верхней палаты достойна внимания и тем более, что исходила она из такого центра, откуда ее менее всего можно было ожидать. Оппозиция П. А. слева обосновывалась теми соображениями, что он слишком будто бы консервативен и национален, оппозиция справа находила его слишком либеральным, конституционным и уступчивым. Вот и извольте тут разобраться! Любопытнее всего то, что противодействие, опирающееся на соображения второй категории, как теперь выясняется, было не столько действием политического порядка, сколько исходило из соображений личной неприязни, на каковом чувстве сошлись как алчущие власти, так и потерпевшие крушение в своей еще недавней блестящей карьере. В походе против Столыпина немалую роль сыграли, между прочим, граф С. Ю. Витте и П. Н. Дурново.

В первый раз кампания правых против Столыпина должна была проявиться на преобразовании русской миссии при японском правительстве в посольство. Правые хотели подчеркнуть на этом акте покушение «революционного Столыпина» на прерогативы монарха, который должен был провести это помимо думы. Затем решено было оставить этот повод и ожидать более удобного случая. Случай нашелся в штатах морского министерства. Когда эти штаты, пройдя через думу и государственный совет, не удостоились высшего утверждения, Столыпин подал в отставку. Третье столкновение Столыпина с этой компанией было в вопросе о введении земства в западных губерниях. Оппозиция в стенах Мариинского дворца была поддерживаема союзом русского народа и дворянской организацией, ставшими в неприязненное отношение к Петру Аркадьевичу за его нежелание признавать руководящее значение этих общественных групп и стремление вводить эти группы в рамки законности, согласно началам, положенным в основу реформированного строя.

Мы не станем восстанавливать здесь всей хроники недавних событий и, если отмечаем ее здесь в общих чертах, то чтобы показать, поскольку трудно было положение Петра Аркадьевича в его борьбе на два фронта и в особенности по отношению справа, где каждый раз пускались в оборот такие опасные соображения, как желание якобы главы совета министров умалить прерогативы верховной власти. Быть может, в силу именно такой опасности покойный сановник и вынуждал пускать в ход экстраординарные меры, без

наличья которых невозможно было отстаивать государственные мероприятия, неотложные в своем проведении.

Если оппозиция справа связывала в значительной мере ему руки в борьбе за создание и упрочение в России нового строя, то немало палок в его рабочие колеса было вставлено и слева, причем агитация его мероприятиям велась всегда чрезвычайно последовательно, безостановочно и довольно даже искусно. Но если с этой оппозицией были в его распоряжении как-никак средства борьбы, легко почерпаемые из особенностей его психики, индивидуальности и дарования, то труднее дело было там, где борьба не всегда зависела от него лично. Мы разумеем в данном случае не область думской и советской борьбы, а область революционную, которая не могла простить Столыпину его мужества, с которым он гордо поднял брошенную правительству революционную перчатку. Для революции он был особенно опасен, опасен и своим мужеством, и той позицией, которую он занял в качестве представителя мирной русской прогрессивной эволюции, в нормах, преподанных ему высочайшими манифестами. Он не лукавил с последними, не старался их использовать по своему личному политическому усмотрению, а действовал как министр-реформатор, поставленный на свой пост царем-реформатором. Такого рода политика действий неминуемо должна была привести к недалекому замирению России, приведению ее в политическую норму, а отсюда к ее культурному росту, благополучию и мощи, что никогда не входило и не входит в революционные программы, так как этим самым их аннулирует, с одной стороны, и с другой — не соответствует интересам инородческим и иноземным, играющим в тех программах всегда, хотя и скрытую, видную роль. Революция, не желавшая сложить свое оружие перед Столыпиным и чувствуя в нем силу победителя, направила свою решительную деятельность против него лично, и вот последовал известный взрыв его дачи на Аптекарском острове, где оказались в числе многих жертв взрыва пострадавшими его дочь и сын. В общей сложности убитыми оказалось 27 человек и 32 человека ранеными. Силою взрыва от брошенной бомбы разворочены были прихожая, дежурная комната и следующая за нею приемная, а также разрушен подъезд, снесен балкон второго этажа, опрокинуты выходящие в сад деревянные стены первого и второго этажей. Сила страшного взрыва была такова, что частями разрушенных стен и выброшенных из дома предметов меблировки; а также мелкими осколками стекла, раздробленными почти в крупу, была обсыпана вся набережная перед дачей. Трупы убитых, вырытые работавшими пожарными

и солдатами, оказались большей частью с оборванными частями тела, многие имели вид бесформенного мяса, без голов, рук и ног.

Событие на Аптекарском острове не привело к результатам, намеченным революционерами и косвенно ожидаемым левыми группами. Столыпин остался невредим, проявил во все течение события того дня удивительное благородное мужество и самообладание и, конечно, сохранил свою историческую служебную роль России. На этот раз у врагов Столыпина дело не вышло, сорвалось, как срывались и все прочие на него натиски вплоть до катастрофы 1 сентября текущего года. Таким образом, мы видим нашего председателя совета министров на всем протяжении его кипучей деятельности в пользу обновления и умиротворения России в состоянии постоянного боевого напряжения и борющимся и направо и налево, как силою своего удивительного ораторского таланта, так порою искусною мирною политикою, а в другие поры — политикою решительных резких действий. При всех коллизиях он сравнительно удачно выходит из трудных положений, но это требует от него громадного напряжения сил и непрерывного делового круговорота, благодаря чему он и ставит все общество, все законодательные и исполнительные учреждения, всю Россию в такое же вращение, как-то поспевая самолично входить всюду своим импульсом, своюю инициативою и контролем. При этом общие основные положения его политики действий остаются неизменными. Беседуя с одним представителем иностранной прессы, он так формулировал эту политику, насколько она отражается на современном положении России:

«Все заботы правительства направлены к проведению в жизнь прогрессивных реформ. Неустанное развитие городов идет об руку с экономическим подъемом сельской и деревенской жизни. Правительство содействует проникновению в сознание широких народных масс той великой истины, что единственно в труде народ может обрести спасение.

«В центре забот правительства стоит преуспеяние института мелкой земельной собственности. Настоящий прогресс земледелия может совершаться только в условиях личной земельной собственности, развивающей в собственнике сознание как права, так и обязанностей. Наши усилия в этом направлении не пропадают даром. В России все трудятся, и если в Петербурге есть люди, немного занимающиеся политикою и критикующие земельную политику правительства, то в общем преобладает настроение бодрого оптимизма

и веры в будущее. Земледелец, обладающий земельной собственностью, защитник порядка и опора общественного строя.

«Легко сказать: «дайте стране все свободы». И я говорю: надо дать свободы, но при этом добавлю, что предварительно нужно создать граждан и сделать народ достойным свободы, которые Государь соизволил дать. Поэтому исполнение моей программы рассчитано на много лет.. Я горячо верю в блестящую будущность России. Впрочем, Россия и теперь велика, богата и сильна...»

Коснувшись в одной из своих думских речей нашей внутренней политики в ее карательных частях, он говорил: «Для благоразумного большинства наши внутренние задачи должны быть и ясны, и просты. К сожалению, достигать их, идти к ним приходится между бомбой и браунингом. Вся наша полицейская система, весь труд и сила, затрачиваемые на борьбу с разъедающей язвой революции,— конечно, не цель, а средство, средство дать возможность жить, трудиться, дать возможность законодательствовать, да, господа, законодательствовать, потому что были попытки и в законодательное учреждение бросать бомбы! А там, где аргумент — бомба, там, конечно, естественный ответ — беспощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтожением кары, не облегчением возможности делать зло, а громадной внутренней работой. Ведь изнеможенное, изболевшееся народное дело требует укрепления; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это с низов. И тогда, конечно, сами собою отпадут и исключительные положения, и исключительные кары. Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россию подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой. Путь к исцелению России указан с высоты престола,— и на вас лежит громадный труд выполнить эту задачу. Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это случится тогда, когда из-за их обломков будет уже видно, по крайней мере в главных очертаниях, здание обновленной, свободной,— свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия,— преданной, как один человек, своему государю России, и время это, господа, наступает, и оно наступит, несмотря ни на какие разоблачения, так как на нашей стороне не только сила, но на нашей стороне и правда».

Нельзя не сознаться, что работа при таких условиях была не из легких, и можно только удивляться его всепоглощающей энергии, которая позволила ему в короткий пятилетний срок его премьерства достичнуть таких значительных относительно результатов, принимая при этом в расчет нашу общую способность за все скоро и энергично браться и так же скоро остывать и переходить в расслабленное состояние бездеятельности и знаменитого «авось». Столыпин ни этой бездеятельности, ни этого «авось» не терпел и, горя сам в работе и кипя законопроектами, побуждал все окружающее, не исключая и наших законосовещательных учреждений, работать не покладая рук и быть постоянно начеку нужд России.

«Кипя, волнуясь и спеша», Петр Аркадьевич, однако, ясно сознавал, что он — лицо, пожертвованное благу реформированной России. Уходя из дома, он, по его словам, никогда не был уверен, что вернется цел и невредим, и всегда чувствовал себя под Дамокловым мечом опасности. Вопрос сводился только к тому: когда и где пробьет его последний час. День 12 августа 1907 г. прошел для него лично благополучно, но четыре года спустя враги его спровоцировали свое торжество над ним.

**«ИМ НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ
ПОТРЯСЕНИЯ, НАМ НУЖНА
ВЕЛИКАЯ РОССИЯ»**

СТОЛЫПИН

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТИНИКЪ

№ 190 — Четв. стр., 21го августа (6го сентября)

— 6 1906 —

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ*

За последние два года революционное движение проявляется с чрезвычайным напряжением. С весны этого года оно особенно усилилось. Почти не проходит дня без какого-либо нового злодеяния. Военные мятежи в Севастополе, в Свеаборге, в Ревельском порту и в Кронштадте, убийства должностных лиц и полицейских чинов, нападения и грабежи следуют один за другим. За одно нынешнее лето из числа высших должностных лиц убиты: командир черноморского флота Чухнин, самарский губернатор Блок, временный варшавский генерал-губернатор генерал-от-кавалерии Вонлярлярский, помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части генерал Маркграфский и командир лейб-гвардии семеновского полка генерал-майор Мин. Независимо от сего, произведен ряд возмутительных, сопровождавшихся многочисленными жертвами, покушений на должностных лиц, каковые, например, покушение в Севастополе на коменданта крепости Неплюева и на Председателя Совета Министров на Аптекарском острове. Наконец, полиция каждодневно терпит громадный урон убитыми и ранеными.

Преступления эти ясно доказывают, что революционные организации напрягли все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работе Правительства, расстроить его ряды и применением грубого насилия прекратить всякую работу мысли и всякую возможность созидательной жизни государства. Встревоженные этим население и общественные группы обращают свои взоры к Правительству и ждут авторитетного заявления, как о причинах угнетающих общественное сознание.

* Первая публичная декларация Столыпина по вступлении на пост председателя Совета министров.

ние злодеяний, так и об отношении к ним государственной власти.

Ввиду этого Правительство считает необходимым заявить, что еще до распуска Государственной Думы революционные круги деятельно подготавляли, с одной стороны, вооруженное восстание, которое должно было, по их расчетам, осуществиться при помощи войска и флота, с другой же — всеобщее аграрное движение, обещавшее будто бы объять всю страну. Революционный натиск должен был быть поддержан проникшими в Государственную Думу представителями крайних партий, стремившимися к захвату исполнительной власти и превращению Думы в учредительное собрание. Успех дела в народе обеспечивался, по мнению революционеров, объездами сельских местностей и устною проповедью неприкосновенных членов Думы, из сочувствовавших их учению. В то же время имелось в виду путем всеобщей забастовки приостановить всю экономическую жизнь страны.

После распуска Государственной Думы, быстрого подавления кронштадтского и свеаборгского мятежей, неудачи задуманной общей забастовки и принятия решительных мер против аграрных беспорядков, крайние революционные группы, желая ослабить впечатление неудачи их замыслов и не допускать творческой работы Правительства, решили, путем уничтожения высших должностных лиц, произвести впечатление в стране, а на Правительство навести панику. Хотя такие отдельные террористические акты знаменуют скорее бессилие революции в деле осуществления движения общего, чем успех ее, но вся обстановка подобных преступлений, по жестокости своей, располагает общество к смятению и тревоге более даже, чем длительное революционное движение.

В чем при таких обстоятельствах должна заключаться обязанность Правительства и что оно должно предпринять? Ответ на это может быть один: цель и задачи Правительства не могут меняться в зависимости от злого умысла преступников: можно убить отдельное лицо, но нельзя убить идею, которою одушевлено Правительство. Нельзя уничтожить волю, направленную к восстановлению возможности жить в стране и свободно трудиться.

Преступная деятельность несомненно затрудняет достижение конечной цели, но так как эта цель не может быть поставлена в зависимость от явлений случайных, то здравый государственный разум указывает на необходимость устранить препятствие, напрячь все силы и идти вперед к решению намеченной задачи. Из этого ясно, что злодейства должны пресекаться без колебаний, что если государство не даст им

действительного отпора, то теряется самый смысл государственности. Поэтому Правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу. Долг государства остановить поднявшуюся кверху волну дикого произвола, стремящегося сделать господами положения всеуничижающие противообщественные элементы. В видах борьбы с ними местным властям даны самые определенные указания: за нерешительность по отношению к ослушникам Царской воли на них ляжет тяжелая ответственность. Администрация употребит все усилия, все предоставленные ей законом средства, чтобы остановить проповедь насилия и проявления ее на деле. Если разрушительной пропаганде удастся вызвать среди темной части населения аграрные беспорядки, то они будут остановлены вооруженною силою и ответственность за жертвы ляжет на подстрекателей.

Наряду с сим Правительство не могло не обратить внимания на то, что и обыкновенное судебное производство не вполне приспособлено к обстоятельствам настоящего времени и не дает возможности достаточно быстрой репрессии за преступления, выходящие из ряда обыкновенных. Поэтому признано необходимым издать временные правила о военно-полевом суде для осуждения обвиняемых в наиболее тяжких преступлениях в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны. По этим правилам судопроизводство и приведение приговора в исполнение значительно приближаются к моменту совершения преступления. Независимо от сего, ввиду развивающегося за последнее время нового тягчайшего вида преступления — пропаганды в войсках — изданы также временные правила об усилении наказуемости за этого рода преступления. Таким образом, болезнь, которую переживает наше Отечество, вызвала необходимость приспособления к ней государственного организма, с целью побороть зло без ущерба для жизненности государства.

Все эти мероприятия, необходимые для обеспечения свободы жить и трудиться, являются, однако, лишь средством, а не целью.

Они несомненно поглощают значительную часть времени и труда, которые были бы без этого посвящены производительной государственной работе по вопросам, предуказанным с высоты Престола, но было бы величайшою ошибкою видеть в ограждении государства от преступных покушений единственную задачу государственной власти, забывая о глубоких причинах, породивших уродливые явления.

Правительство не может, как того требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолою, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо. Не соответствовало бы обстоятельствам и интересам России и другое, предлагаемое противниками первого мнения, решение: обратиться исключительно к проведению в жизнь освободительных реформ, рассчитывая на то, что крамола в этом случае сама собою прекратится, потеряв всякий свой смысл. Мнение это не может быть принято уже потому, что революция борется не из-за реформ, проведение которых почитает своею обязанностью и Правительство, а из-за разрушения самой государственности, крушения Монархии и введения социалистического строя. Таким образом, путь Правительства ясен: оградить порядок и решительными мерами охранить население от революционных проявлений и, вместе с тем, напряжением всей силы государственной идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой истинной свободе.

Обращаясь к способам достижения последней цели, Правительство сознает, что перед ним стоят вопросы разного порядка. Одни подлежат разрешению Государственной Думы и Государственного Совета, и по этим вопросам высшая администрация обязана подготовить вполне разработанные законопроекты, которые служили бы основанием для суждения в законодательных учреждениях. На это должен быть использован весь промежуток времени до созыва Государственной Думы. Другие, по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены в жизнь немедленно. Это такие вопросы, которые вытекают из начал, возвещенных в Высочайших Манифестах, частичное разрешение которых не может связать свободы действий будущих законодательных учреждений и направление которых уже предрешено. На первом месте в ряду этих задач стоит вопрос земельный и землеустроительный. Практический почин в этом вопросе дан Высочайшим повелением о передаче крестьянскому поземельному банку удельных оброчных статей. Последующими распоряжениями Правительство даст возможность местным землеустроительным комиссиям ныне же фактически начать устройство быта малоземельных крестьян, как использованием во всех местностях, где существует земельная нужда, наличного земельного запаса, так и облегчением в этом отношении частной самодеятельности крестьян. Реальная работа на

местах даст богатый материал будущей Государственной Думе в этом в высшей степени сложном вопросе.

Ныне также будут проведены некоторые неотложные мероприятия в смысле гражданского равноправия и свободы вероисповедания. Предположено отменить отжившие ограничения, стесняющие крестьян и старообрядцев с определением прав последних точными законодательными постановлениями. Равным образом и в области еврейского вопроса безотлагательно будет рассмотрено, какие ограничения, как вселяющие лишь раздражение и явно отжившие, могут быть отменены немедленно и какие, как касающиеся существа отношений еврейской народности к коренному населению, являются делом народной совести, почему предрешение их стеснило бы последующую работу законодательных учреждений. Расширение сети народных школ, в связи с планом введения всеобщего обучения, и улучшение материального обеспечения народных учителей уже намечены Правительством к ближайшему осуществлению путем внесения на этот предмет в смету будущего года 5 1/2 миллиона рублей.

Насколько широка область подготовляемых законопроектов для представления в будущую Государственную Думу, видно из того, что, независимо от работ по замене существующих временных правил о собраниях, союзах и печати постоянными законоположениями, Правительство разрабатывает в настоящее время целый ряд вопросов первостепенного государственного значения; важнейшие из них следующие:

- 1) о свободе вероисповедания;
- 2) о неприкосновенности личности и о гражданском равноправии, в смысле устранения ограничений и стеснений отдельных групп населения;
- 3) об улучшении крестьянского землевладения;
- 4) об улучшении быта рабочих и, в частности, о государственном их страховании;
- 5) о реформе местного управления, которое предполагается организовать таким образом, чтобы губернские и уездные административные учреждения были поставлены в непосредственную связь с преобразованными органами самоуправления, включающими и мелкую земскую единицу;
- 6) о введении земского самоуправления в Прибалтийском, а также Северо и Юго-Западном крае;
- 7) о введении земского и городского самоуправления в губерниях Царства Польского;
- 8) о преобразовании местных судов;
- 9) о реформе средней и высшей школы;
- 10) о подоходном налоге;

11) о полицейской реформе, направленной, между прочим, к слиянию общей и жандармской полиций;

12) о мерах исключительной охраны государственного порядка и общественного спокойствия, с объединением нынешних различных видов исключительной охраны в одном законе.

Наконец, рядом с этим, деятельно продолжаются подготовительные работы по предстоящему, согласно Высочайшему повелению, созыву всероссийского поместного церковного собора.

Поставить себе целью безусловное поддержание и упрочение порядка и одновременное подготовление и проведение необходимых преобразований и твердо надеясь на успешность работы будущих сессий законодательных учреждений, Правительство вправе рассчитывать на сочувствие благоразумной части общества, жаждущей успокоения, а не разрушения и распада государства. С своей стороны Правительство считает для себя обязательным не стеснять свободно высказываемого общественного мнения, будь то печатным словом или путем общественных собраний. Но если этими способами разумного проявления общественного сознания воспользуются для проведения идей революционных, то Правительство, не колеблясь, должно будет и впредь предъявлять к своим агентам безусловное требование всеми законными мерами ограждать население от обращения орудия просвещения и прогресса в способ пропаганды разрушения и насилия.

В. А. МАКЛАКОВ*

Напряженная борьба с внешними проявлениями революционной стихии не помешала, однако, Столыпину в исполнении другой и главной задачи: подготовки тех законопроектов, которые должны были обновить русскую жизнь, превратить Россию в правовое государство и тем подрезать Революции корни. 8 месяцев, которые были ему на это даны распуском Думы, потеряны не были.

* В. А. Маклаков «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника», Париж, 1942, стр. 28—30.

Василий Алексеевич МАКЛАКОВ (1869—1957) — присяжный поверенный, член II, III и IV Думы от Москвы. Правый кадет, с 1906 член ЦК партии. В июне 1917 назначен послом Временного правительства во Франции.

Объем работы, которую с этой целью правительство в это время проделало, делает честь работоспособности бюрократии. Эту работу невозможно определить объективным мерилом. Я пересчитывал законы, которые созыва Думы правительство в нее почти ежедневно вносило. В первый же день их было внесено 65; в другие дни бывало и больше; так 31 марта было 150. Но такой подсчет ничего не покажет. Законы не равнозначны; наряду с «вермишелью» пришлось бы ставить и такие монументальные памятники, как организация местного суда, преобразование крестьянского быта и т. п. Достаточно сказать, что не только 2-я Дума, но 3-я и 4-я до самой Революции не успели рассмотреть всего, что было заготовлено именно в первое междудумье.

Важнее, чем количество, общее направление законопроектов, их соответствие поставленной цели.

Я раньше указывал, что идеи либерализма не были исконным credo Столыпина; он необходимость их понял, но все же считал второстепенными. Главную задачу свою для торжества правового порядка он полагал не в провозглашении их; подход к этому у него был другой. Чтобы правильно понять его, полезно сделать одно отступление. В порядке изложения оно сейчас не на месте и об нем следовало бы говорить в другой комбинации. Я предпочитаю сейчас же на него указать: без него вся политика Столыпина не будет понятна.

Если Столыпин и признавал значение «свободы» и «права», то эти начала он все-таки не считал панацеей, которая переродит наше общество. Громадное большинство населения, т. е. наше крестьянство, по его мнению, их не понимает и потому в них пока не нуждается. «Провозглашение» их не сможет ничего изменить в той среде, где еще нет самого примитивного права — личной собственности на землю, и самой элементарной свободы — своим добром и трудом располагать по своему усмотрению и в своих интересах. Для крестьян декларация о гражданских «свободах» и даже введение конституции будут, по его выражению, «румянец на трупе». Если для удовлетворения образованного меньшинства он эти законы вносил, то копий за них ломать не хотел. Только когда желательность их поймут и оценят крестьяне, сопротивляться им будет нельзя и не нужно. Главное же внимание его привлекало пока не введение режима «свободы» и «права», а коренная реформа крестьянского быта. Только она в его глазах могла быть прочной основой и свобод и конституционного строя. Это было его главной идеей. Не дожидалась созыва Думы, он по 87 ст. провел ряд законов, которые подготовляли почву к дальнейшему. Указ 5 октября

1906 г. о равноправии крестьян, 9 ноября о выходе из общины, 12 августа, 27 августа, 19 сентября, 21 октября — о передаче Крестьянскому Банку ряда земель и т. п.

Эти указы в своей совокупности должны были начать в крестьянском быту новую эру. Но настоящего государственного смысла этих реформ Столыпин в то время еще не высказывал. Может быть, он не хотел идеологических возражений и справа, и слева. «Справа» потому, что эта программа была по существу «либеральной», т. к. ставила ставку на личность, «слева» потому, что там издавна питали слабость к коллективу, к демократической общине. Столыпин не находил полезным подчеркивать, куда этими законами он ведет государство.

Свою настоящую мысль с полной ясностью Столыпин высказал только позднее, уже перед 3-й Государственной Думой.

П. А. СТОЛЫПИН

РЕЧЬ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 16 НОЯБРЯ 1907 Г.*

«Господа члены Государственной Думы! Слушая раздававшиеся тут нарекания и обвинения против Правительства, я спрашивал себя: должен ли я, глава Правительства, идти по пути словесного спора, словесного поединка и давать только пищу новым речам в то время, как страна с напряженным вниманием и вымученным нетерпением ждет от нас серой повседневной работы, скрытый блеск которой может обнаружиться только со временем. И, конечно, не для пустого спора, не из боязни того, что Правительство назовут безответным, так же, как понапрасну называли его в прошлой Думе безответственным, выступаю я с разъяснением, но для того, чтобы повторно и сугубо выяснить, в чем именно Правительство будет черпать руководящие начала своей деятельности, куда оно идет и куда ведет страну. Только то Правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей. Мысль Правительства, определенно выраженная в прочитанном мною заявлении от имени Правительства, несомненно затемнена последующими речами, вследствие этого я и попросил слова. Я обойду мимо те попреки, которые тут раздавались слева относительно акта 3 июня.

«Не мне, конечно, защищать право Государя спасать в минуты опасности вверенную Ему Богом Державу. (Аплодисменты справа и в центре.) Я не буду отвечать и на то обвинение, что мы живем в какой-то восточной деспотии. Мне кажется, что я уже ясно, от имени Правительства, указал, что строй, в котором мы живем, это строй представительный, дарованный Самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех Его верноподданных. (Аплодисменты справа и в центре.) Но я не могу, господа, не остановиться на нареканиях третьего характера, на обвинениях в том, что Правительство стремится создать в России какое-то полицей-

* «Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин». Сост. Е. В. [Е. Верпаховская], изд. составителя, Спб, 1909, стр. 112—118.

ское благополучие, что оно стремится скать весь народ в тисках какого-то произвола и насилия. Это не так. Относительно того, что говорилось тут представителем Царства Польского, я скажу впоследствии. Покуда же скажу несколько слов о двух упреках, слышанных мною от последнего оратора: о том, что говорилось тут о судебной несменяемости и о том, что я слышал о политической деятельности служащих. То, что сказано было относительно несменяемости судей, принято было тут за угрозу. Мне кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мне кажется, что для всех, прибывших сюда со всех сторон России, ясно, что при теперешнем кризисе, который переживает Россия, судебный аппарат — иногда аппарат слишком тяжеловесный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имеет несомненно и политический характер. Вспомните политические убийства, которые так красноречиво были описаны тут г. Розановым, нарисовавшим нам картину убийства всех свидетелей до последнего, до 6-летней девочки включительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесения обвинительного приговора. Нечего говорить о том, что суд действительно может находиться и сам под влиянием угроз и, при политическом хаосе, гипнозе, он может иногда действовать и несвободно. Не с угрозой, господа, не с угрозой мы шли сюда, а с открытым забралом заявили, что в тех случаях, когда на местах стоят люди недостаточно твердые, когда дело идет о спасении Родины, тогда приходится прибегать к таким мерам, которые не входят в обиход жизни нормальной. Я упомянул тогда об одной из передовых стран, — страна эта — Франция, где несменяемость судей была временно приостановлена, — этому нас учит история; ведь это факт. Тут говорили о политической деятельности служащих, говорили о том, что нужна беспартийность, что нельзя вносить партийность в эту деятельность. Я скажу, что Правительство, сильное Правительство — должно на местах иметь исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершил ни одной работы не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенного аппарата исполнительной власти.

«Затем перейду к дальнейшему. Нас тут упрекали в том, что Правительство желает в настоящее время обратить всю свою

деятельность исключительно на репрессии, что оно не желает заняться работой созидающей, что оно не желает подложить фундамент права,— то правовое основание, в котором, несомненно, нуждается в моменты созидания каждое государство и тем более в настоящую историческую минуту Россия. Мне кажется, что мысль Правительства иная. Правительство, наряду с подавлением революции, задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности, воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы. (Бурные аплодисменты в центре и справа.) Для того, чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы самая маленькая, доля состоятельности. Мне, господа, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что «деньги — это чеканенная свобода». Поэтому Правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать удовлетворения тому врожденному у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина — чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего Правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник несомненно явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма. (Бурные аплодисменты в центре и справа, крики «браво!».) При этих условиях будет иметь успех идея местного суда, будет иметь успех и идея суда административного, который необходим, как основа всякого успеха в местном управлении. Тут говорилось о децентрализации. Представитель Царства Польского говорил о необходимости для Правительства, особенно в теперешнюю минуту, черпать силу не в бюрократической централизации, а в том, чтобы привлечь местные силы к самоуправлению, с тем, чтобы они заполнили тот пробел, который неизбежно окажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократию. Прежде всего скажу, что против этого Прави-

тельство возражать не будет. Но должен заявить, что та сила самоуправления, на которую будет опираться Правительство, должна быть всегда силой национальной. (Аплодисменты в центре и справа.) Нам говорилось о том, что в 1828 году в Царстве Польском пропорционально было больше школ, чем в 1900 году. Я на это отвечу следующее: теперь, может быть, не только мало школ, но там нет даже высшего учебного заведения, и высшего учебного заведения там нет потому, что те граждане, которые только что назвали себя «гражданами второго разряда», не хотят пользоваться в высшей школе общегосударственным русским языком. (Крики «браво» и бурные аплодисменты справа.) Вот сплотитесь общенациональным цементом и тогда, господа, требуйте от нас децентрализации. (Бурные аплодисменты в центре и справа.) Децентрализация может идти только от избытка сил. Могущественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю Империю, вместе с теми нитями, которые должны скрепить центр с окраинами, тогда, конечно, Правительство ответит: нет! (Бурные аплодисменты в центре и справа.) Станьте сначала на нашу точку зрения, признаите, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права. (Аплодисменты справа и в центре.)

«Я хочу еще сказать, что все те реформы, все то, что только что Правительство предложило вашему вниманию, — ведь это не сочинено, мы ничего насильно, механически не хотим внедрять в народное сознание, — все это глубоко национально. Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия — и те — никогда не брали примера с Запада, не боролись с центральной властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земчины, в развитии, конечно, самоуправления, передаче ему части государственных обязанностей, государственного тягla — и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления, так же как наш идеал наверху — это развитие дарованного Государем стране законодательного, нового

представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной Власти. (Аплодисменты справа и в центре.) Ведь Верховная Власть является хранительницей идеи Русского Государства, она олицетворяет собой ее силу и целость, и если быть России, то лишь при усилии всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада.

«Самодержавие московских царей не походит на самодержавие Петра, точно так же, как и самодержавие Петра не походит на самодержавие Екатерины II и Царя-Освободителя. Ведь Русское Государство росло, развивалось из своих собственных русских корней и вместе с ними, конечно, видоизменилось и развивалось и Верховная Царская Власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужестранный цветок. (Аплодисменты справа и в центре.) Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного ею нового представительного строя. Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, котою воодушевлено Правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомненно нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецело в Правительстве. Но этого недостаточно для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна другая воля, нужно усилие и с другой стороны. Их ждет Государь, их ждет страна. Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгайте черной работой вместе с Правительством. (Крики «браво!» и бурные аплодисменты в центре и справа.) Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки. Мне представляется, что когда путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность, существо действий Правительства и его намерений. Я думаю, что, превращая Думу в древний цирк, в зрелище для толпы, которая жаждет видеть борцов, ищущих, в свою очередь, соперников, для того, чтобы доказать их ничтожество и бессилие,— я думаю, что я совершил бы ошибку. Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражющие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях

и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам. (Бурные аплодисменты справа и в центре.) Это противовес беспочвенному социализму, это желание, это страстное желание и обновить, и просветить, и возвеличить Родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада. Это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию! Вот, господа, все, что я хотел сказать. Сказал, чтоб думал и как умел».

В. А. МАКЛАКОВ*

Для более полного понимания того, к чему стремился Столыпин, полезно иметь в виду и те законы, которые изготавливались, но не увидели света.

Был один закон, который мог бы своей цели достичь и стать предвестником новой эры; правительство его приняло и поднесло Государю на подпись; это закон «об еврейском равноправии». При диких формах современного антисемитизма, тогдашнее положение евреев в России может казаться терпимым. Но оно всех тяготило, как несправедливость; потому такая реформа была бы полезна. Коковцов вспоминает, что в этом Указе полного равноправия не было. Но евреи были так неизбалованы, что оценили бы и это. Во всяком случае, было бы важно, чтобы впервые этот больной вопрос был не только поставлен, но и предрешен в благоприятном для равноправия направлении.

В. Н. КОКОВЦОВ**

В одном из заседаний самого начала октября месяца 1906 года П. А. Столыпин предложил всем членам Совета, по окончании рассмотрения всех очередных дел и удаления из заседания чинов канцелярии Совета,— не расходиться и оставаться еще на некоторое время, так как он имеет в виду коснуться одного конфиденциального вопроса, который уже давно озабочивает его. Мы все, разумеется, последовали его приглашению, и, когда с уходом канцелярии остался один Управляющий делами Совета, сын покойного Плеве,— Николай Вячеславич, пользовавшийся его полным доверием,— и притом совершенно справедливо,— Столыпин просил всех нас высказаться откровенно, не считаем ли мы своевременным поставить на очередь вопрос об отмене в законодатель-

* В. А. Маклаков «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника», Париж, 1942, стр. 39—40.

О В. А. Маклакове, см. прим. на стр. 45.

** Граф В. Н. Коковцов «Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919». Изд. журнала «Иллюстрированная Россия». Париж, 1933, т. 1, стр. 236—239. Владимир Николаевич КОКОВЦОВ (1853—1943)—граф, действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета. В 1873—1879 чиновник Министерства финансов, в 1904—1914 министр финансов. С сентября 1911 по январь 1914 председатель Совета министров и министр финансов. В 1914—1918 член совета Банка для внешней торговли. С ноября 1918 в эмиграции.

ном порядке некоторых, едва ли не излишних, ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России и, не внося никакой реальной пользы для русского населения, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев,— только питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной противорусской пропаганде со стороны самого могущественного еврейского центра — в Америке. Притом Столыпин сослался и на пример бывшего Министра Внутренних Дел Плеве, который, при всем его консерватизме, серьезно думал об изыскании способов к успокоению еврейской массы, путем некоторых уступок в нашем законодательстве об евреях и принимал даже незадолго до его кончины некоторые меры к сближению с еврейским центром в Америке, но не успел в этом, получивши весьма холодное отношение со стороны главного руководителя этого центра — Шифа. Он добавил к этому, что до него с разных сторон доходят сведения, что в настоящую минуту такая попытка может встретить несколько иное, более благоприятное отношение, если предложенные нами льготы будут иметь характер последовательно проведенных мероприятий, хотя бы и не отвечающих признаку полного еврейского равноправия. В его личном понимании было бы наиболее желательно отменить такие ограничения, которые именно отвечают потребностям повседневной жизни и служат только поводом к систематическому обходу законов и даже злоупотреблениям низших органов администрации.

Первый обмен взглядами среди Министров носил в общем весьма благожелательный характер. Никто из нас принципиально возражений не заявил, и даже такие Министры, как Щегловитов, отозвались, что было бы наиболее правильным, не ставя принципиального вопроса о введении у нас еврейского равноправия, приступить к детальному пересмотру существующего законодательства, вносящего те или иные ограничения, и обсудить, какие именно из них можно отменить, не вызывая принципиального же возражения с точки зрения нашей внутренней политики.

Несколько более сдержан был только Государственный Контролер Шванебах, как всегда в довольно неясной форме заметивший, что нужно быть очень осторожным в выборе момента для возбуждения еврейского вопроса, так как история нашего законодательства учит нас тому, что попытки к разрешению этого вопроса приводили только к возбуждению напрасных ожиданий, так как они кончались обыкновенно второстепенными циркулярами, не разрешавшими ни одно-

го из существенных вопросов, и вызывали одни разочарования.

Наше первое совещание по возбужденному вопросу кончилось тем, что каждое ведомство представит в самый короткий срок перечень ограничений, относящийся к предметам его ведения, с тем, чтобы Совет Министров остановился на каждом законодательном постановлении и вынес определенное решение относительно объема желательных и допустимых облегчений.

Работа была исполнена в очень короткий срок. В течение нескольких, специально ей посвященных заседаний, просмотр был исполнен, целый ряд весьма существенных ограничений предположен к исключению из закона, и в этой стадии дела также не произошло какого-либо разногласия среди Министров, и только два мнения, да и то в очень осторожной форме, нашли себе слабое проявление в подробном заключении Совета Министров, которое было представлено на рассмотрение Государя, для того, чтобы Он имел возможность дать Его окончательные указания о пределах, в каких этот вопрос подлежал внесению на законодательное утверждение. Министр Иностранных Дел Извольский находил, что намеченные льготы недостаточны и было бы предпочтительным вести все дело в направлении снятия вообще всех ограничений. Государственный Контролер Шванебах, напротив того, полагал, что объем льгот слишком велик, и все дело следовало бы вести меньшими этапами, приближая его к конечной цели — еврейскому равноправию — после того, что опыт даст указания того, какое влияние окажут на самом деле дарованные льготы.

Во все времена исполнения этой подготовительной работы у всех нас было ясное представление о том, что Столыпин возбудил вопрос с ведома Государя, хотя прямого заявления нам об этом не делал, но все мы понимали, что он не решился бы поднять такой щекотливый вопрос, не справившись заранее с взглядом Государя. Тем более, что у него был в руках очень простой аргумент — его личное близкое знакомство с еврейским вопросом в Западном крае, где протекала вся его предыдущая деятельность. Он любил ссылаться на нее и имел поэтому простую возможность иллюстрировать практическую несостоятельность многих ограничений совершенно очевидными доводами, взятыми из повседневной жизни.

ОСОБЫЙ ЖУРНАЛЪ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ

27 и 31 Октября и 1 Декабря 1906 года.

О пересмотрѣ постановлѣній, ограничивающихъ права евреевъ.

Совет Министров почитает долгом откровенно высказать, что обнародование рассмотренного законопроекта, следует ожидать, вызовет неодобрение и, может быть, даже резкую отповедь со стороны некоторых общественных кругов. Если даже такие, благодетельные для населения меры, проведенные в порядке 87 статьи основных законов, как понижение платежей по ссудам Крестьянского Банка, уравнение в правах лиц крестьянского сословия с прочими состояниями, облегчение выхода из общины, дарование новых прав старообрядцам и сектантам, не исключая и мероприятий по расширению крестьянского землевладения, встретили недоброжелательное к ним отношение со стороны крайних партий противоправительственного направления, то в данном деле возможно ожидать проявлений неудовольствия со стороны самых различных общественных слоев и отдельных лиц, объединяемых общим чѣвством непримиримой вражды к еврейству. Однако, по глубокому убеждению Совета Министров, это обстоятельство не должно отклонить правительство от пути, начертанного, с одобрения Вашего Императорского Величества, в правительственном сообщении 24 августа сего года. Как бы ни были велики трудности проведения в жизнь программы означенного сообщения, все же программа эта должна быть исполнена. В противном случае правительство может навлечь на себя нарекания, что оно не осуществило обещанных им преобразований, и тем самым заслуженно поколеблется к нему доверие благомыслящей части общества. В частности же, настоящий проект разработан в строгом соответствии с теми пределами пересмотра еврейского вопроса, кои намечены в упомянутом правительственном сообщении. В нем не имеется в виду разрешения еврейского вопроса в полном объеме, ибо такая коренная мера не могла бы быть предпринята иначе, как в общем законодательном порядке, по выслушании голоса народной совести, в лице избранных населением представителей. Цель предлежащего законопроекта более

* «Особый журнал Совета Министров за 1906 г.», Спб, Гостипография, 1906.

скромная: устраниТЬ из еврейского законодательства лишь такие излишние и неоправдываемые условиями настоящего времени стеснения, установление коих в свое время было вызвано потребностями преходящего значения. Тем не менее, возможно надеяться, что ограниченный и такими пределами этот закон внесет известное умиротворение в еврейскую среду, и лучшая часть еврейства, трудолюбивая и домовитая по природе, исстрадавшаяся в революционной смуте последних лет, с радостью и с благодарностью к Вашему Величеству встретит заботы правительства к облегчению ей условий спокойного существования и мирного труда.

Приходя, по всем приведенным основаниям, к заключению о необходимости немедленного утверждения настоящего законопроекта в порядке статьи 87 свода основных государственных законов, изд. 1906 г., Совет Министров не считает себя, однако, вправе умолчать перед Вашим Императорским Величеством о том, что, ввиду крайней сложности этого вопроса, первостепенной важности затрагиваемых им интересов и отношений и, наконец, краткости остающегося до нового созыва Государственной Думы времени,— допустимы и некоторые, Советом не разделяемые, сомнения в том смысле, не благоразумнее ли было бы разрешение настоящего дела отложить до возобновления действия законодательных учреждений и внести его на уважение Государственной Думы.

Руководствуясь всеми изложенными в сем журнале суждениями, Совет Министров полагает:

А. На основании статьи 87 свода основных государственных законов (свод. зак., т. 1, ч. 1, изд. 1906 г.) впредь до общего пересмотра законодательства о евреях постановить:

1. В отмену узаконений, ограничивающих право жительства евреев в сельских местностях и в некоторых городах в черте общей еврейской оседлости (свод. зак., т. IX, изд. 1899 г., ст. 779, прим. 1 и 2; т. XIV, уст. пасп., изд. 1903 г., ст. 71, прил. к ст. 68: ст. 1 и прим. 1, 2 и 4; 5, 6 и прим., 18, 19, 20 п. 4; Выс. утв. 7 июня 1904 г. мнен. Гос. Сов., собр. узак., ст. 1173, отд. I; Имен. Выс. ук. 11 августа 1904 г., собр. узак., ст. 1377; ст. 1 и прим.; Выс. утв. 16 июня 1905 г. мнен. Гос. Сов., собр. узак., ст. 1141):

Все евреи русские подданные пользуются правом постоянного жительства и свободного передвижения как в городских поселениях, так и в сельских местностях: а) губерний Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской и Черниговской и б) губерний Царства Польского.

II. В отмену некоторых особых ограничений относительно постоянного жительства и временного пребывания евреев вне черты общей еврейской оседлости [свод. зак., т. XIV, уст. пасп., изд. 1903 г., прил. к ст. 68: ст. 7 (без прим.), 10, 11, 12, прим. 13, прим. 2, 15, прим. 2, 17, прим. 1 и 2, 21—23; Имен. Выс. ук. 11 августа 1904 г., собр. узак., ст. 1377: ст. 11] и в изменение других подлежащих узаконений:

1. Все евреи русские подданные, имеющие право постоянно-го жительства или временного пребывания вне черты общей еврейской оседлости, а также проживающие в тех местностях вне ее, кой признаны для них или для их предков постоянною оседлостью или в коих они оставлены на жительство, пользую-тся теми же правами постоянного жительства или временно-го пребывания на всем пространстве Империи, за изъятиями, указанными ниже в отделе VI, как в городских поселениях, так и в сельских местностях.

2. Евреям механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам, указанным в статье 17 приложе-ния к статье 68 устава о паспортах (свод. зак., т. XIV, изд. 1903 г.), пробывшим без прекращения своего ремесла, в течение десяти лет вне черты оседлости (отд. I п. а), предоставляется право постоянного жительства на всем про-странстве Империи, хотя бы они по истечении сего срока прекратили занятие своими ремеслами.

3. Жены, дети и прочие прямые нисходящие, а также несовершеннолетние братья и сестры евреев, поименованных в статьях 1 и 2 сего отдела, проживающие совместно с главою семьи, пользуются, в отношении повсеместного жи-тельства и свободы передвижения, теми же правами, которые предоставлены главе семьи. Права сии принадлежат жене пожизненно, равно как и вдове, до вступления ее в новое супружество, а нисходящим мужского пола до совершенноле-тия или до окончания курса в высшем учебном заведении (но не более 25-летнего возраста) и нисходящим женского пола до замужества.

III. В отмену ограничительных постановлений о производ-стве евреями крепких напитков и о торговле ими, а также о горной промышленности и особенных правил о торговых и промышленных правах евреев [свод. зак., т. V, изд. 1901 г., уст. акциз. сбор., ст. 118, прим. (ч. 2), 124, прим., 612 и прим. 1—3, 640 и прим. 1—3; т. VI, изд. 1904 г., уст. тамож., ст. 312; т. VII, уст. горн., изд. 1893 г., ст. 344 п. 4; т. IX, изд. 1899 г., прил. к ст. 791, прим. 1, т. XV, улож. наказ., изд. 1885 г., ст. 1171], а равно в изменение других подлежащих узаконе-ний:

Евреи русские подданные, в тех местностях, где они имеют право постоянного жительства или временного пребывания, пользуются, на одинаковых съ всеми прочими русскими подданными основаниях, правами по производству торговли и промыслов.

IV. В отмену ограничительных постановлений об аренде недвижимых имуществ и заведывании ими в качестве поверенных и управляющих [свод. зак., т. IX, изд. 1899 г., ст. 784 (ч. 4) и прим. 1 и 2] и в изменение и замену других подлежащих узаконений:

Евреи русские подданные в тех местностях Империи, где они имеют право постоянного жительства, пользуются правом приобретения в городских поселениях недвижимых имуществ, но совершение от имени евреев или в их пользу всякого рода крепостных актов, служащих к укреплению за ними прав собственности, владения и пользования недвижимыми имуществами, вне городских поселений расположеными, а также предоставляющих им возможность выдавать под обеспечение сих имуществ денежные ссуды, не допускается. Воспрещение сие не касается перечисленных в Высочайше утвержденных 10 мая и 9 декабря 1903 года и 11 ноября 1905 года положениях Комитета Министров (III п. с. з., №№ 22933 и 23664; собр. узак. 1906 г., ст. 22) поселков в черте оседлости, в коих, в пределах их селитебной площади, евреям предоставляются те же, как в городах и местечках, права по приобретению недвижимых имуществ, а также владению и пользованию оными.

V. Действие отделов II и III распространяется также на евреев уроженцев губерний Царства Польского; в отношении же приобретения ими недвижимостей в крае, а также владения, пользования и управления оными, остается в силе действующий закон (Имен. Выс. ук. 24 мая/5 июня 1862 г., дневн. зак., т. 60, № 180, ст. 1 и 3; Выс. утв. 11 июня 1891 г. мнен. Гос. Сов., III п. с. з., № 7819, ст. 5).

VI. Действие отдела II не распространяется на области войска Донского, Кубанскую и Терскую; в отношении водворения, постоянного жительства и временного пребывания евреев в названных областях сохраняют силу действующие узаконения (свод. зак., т. XIV, уст. пасп., изд. 1903 г., прил. к ст. 68: ст. 8 и 9).

VII. Ограничения по предметам отделов III и IV, установленные в законе (свод. зак., т. II, изд. 1892 г., пол. туркест., ст. 262 и прим. 3, по прод. 1895 г.; пол. степн., ст. 136; т. VII, уст. горн., изд. 1893 г., ст. 267 п. 7; т. X ч. 1, зак. гражд., изд. 1900 г., ст. 2139, прим. 4; т. XIV, уст. пред. прест., изд.

1890 г., ст. 100) вообще для лиц нехристианских исповеданий, сохраняют свою силу и по отношению к евреям.

VIII. Действие статьи 395 и примечания к ней устава о воинской повинности (свод. зак., т. IV, изд. 1897 г.) и второй части статьи 530 уложения о наказаниях уголовных и исправительных (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г.), относительно денежной ответственности семейства уклонившегося от воинской повинности еврея и общества, в котором он укрывался, и относительно особого вознаграждения за поимку беглеца,— отменяется.

IX. Действие статьи 43 устава о предупреждении и пресечении преступлений (свод. зак., т. XIV, изд. 1890 г.), об означении в документах крестившихся евреев прежней их принадлежности к иудейской вере, и статьи 264 и примечания 3 к статье 376 устава о ссыльных (свод. зак., т. XIV, изд. 1890 г.), о некоторых ограничениях в праве следования членов еврейских семейств за ссылаемыми в Сибирь главами их и в праве водворения сосланных евреев в приграничном пространстве,— отменяется.

X. Постановления уставов акционерных компаний и товариществ на паях, коими воспрещается или ограничивается участие в управлении их делами и имуществами лиц иудейского вероисповедания, если эти постановления обусловливались действовавшими до издания настоящего положения ограничительными правилами в отношении прав евреев на жительство или производство торговли и промыслов, по ходатайствам сих компаний и товариществ, исключаются властью подлежащих Министров.

XI. Настоящее положение применяется к делам по нарушению указанных в нем законов, возникшим до его обнародования, на следующих основаниях:

1) по делам, по коим еще не состоялось решений, таковые постановляются на основании правил настоящего положения;

2) решения, не приведенные в исполнение по день обнародования настоящего положения, возвращаются в установленном порядке подлежащей власти для применения оного, и

3) все недоимки по штрафам, наложенным по статье 395 устава о воинской повинности и по второй части статьи 530 уложения о наказаниях уголовных и исправительных,— слагаются.

XII. Военному Министру, по соглашению с заинтересованными ведомствами, предоставляется войти в обсуждение вопроса об отмене постановлений, воспрещающих евреям, пользующимся правом жительства вне черты общей их оседлости, водворяться в казачьих областях войска Донского,

Кубанской и Терской, и предположения свои по означенному предмету внести установленным порядком на законодательное рассмотрение.

Б. Сомнение в том, следует ли издавать настоящий законопроект в чрезвычайном порядке по статье 87 свода основных государственных законов, изд. 1906 г., или же отложить его до возобновления действия законодательных учреждений и внести на уважение Государственной Думы,— предоставить разрешению Вашего Величества.*

Таковые свои заключения Совет Министров всеподданнейше повергает на Высочайшее Вашего Императорского Величества благоусмотрение.

* Следует иметь в виду, что опубликованная формулировка пункта Б существенно отличается от первоначально предложенной Советом министров. Готовя законопроект, Столыпин намеревался провести его «в чрезвычайном порядке», то есть в соответствии со статьей 87 Основных законов, дававшей правительству право в периоды «междудумья» и думских каникул издавать законодательные акты без предварительного обсуждения в Думе. На это, и только на это, испрашивалось в пункте Б царское соизволение.

В. Н. КОКОВЦОВ*

Журнал Совета Министров пролежал у Государя очень долго. Не раз мы спрашивали Столыпина, какая судьба постигла его и почему он так долго не возвращается, и каждый раз его ответ был совершенно спокойный и не предвещал чего-либо для него неприятного. Только 10 декабря 1906 года Журнал Совета вернулся от Государя к Столыпину.

ПЕРЕПИСКА П. А. СТОЛЫПИНА С НИКОЛАЕМ II**

Царское Село. 10 декабря 1906 г.

Петр Аркадьевич.

Возвращаю вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным. Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно и нощно, я мыслил и раздумывал о нем.

Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу,— внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям.

Я знаю, вы тоже верите, что «сердце царево в руках божиих».

Да будет так.

Я несу за все власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ.

Мне жалко только одного: вы и ваши сотрудники поработали так долго над делом, решение которого я отклонил.

Относительно помощи голодающим и способа объединения всего дела я говорил с ее величеством. Она охотно примет под свое покровительство высшее направление помощи. Очень важный вопрос о выборе достойного лица в виде помощника ей.

Мы еще никого не имеем в виду; прошу вас с своей стороны подумать об этом. У меня в 1891 году таковым был Плеве.

Николай.

* В. Н. Коковцов. Ук. соч., т. 2, стр. 118.

** Журнал «Красный архив», 1924, № 5, стр. 105—107.

Ваше императорское величество.

Только что получил ваше повеление относительно оставления без последствий журнала по еврейскому вопросу.

Вашему величеству известно, что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать вам затруднений и оберегать вас, государь, от каких бы то ни было неприятностей.

В этих видах, а не из желания испрашивать каких-либо измеиний решения вашего по существу, я осмеливаюсь писать вашему величеству.

Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начальства гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование иные частичных льгот дало бы возможность Государственной Думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок.

Затем я думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить иаше законодательство от наслойствий, служащих источником бесчисленных злоупотреблений.

Все это послужило основанием в обнародовании с одобрения вашего величества правительству сообщении объявить, что корение решения еврейского вопроса является делом народной совести и будет разрешено Думой, до созыва которой будут отменены неоправдываемые обстоятельствами времении наименее стесительные ограничения.

Затем еврейский вопрос был предметом обсуждения совета министров, журнал которого и был представлен вашему величеству, что, несмотря на полное соблюдение тайны, проинкли, конечно, в прессу и в общество, ввиду участия многих лиц в составлении и печатании этой работы.

Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но государь пожелал сохранить их.

Ваше величество, мы ие имеем права ставить вас в такое положение и прятаться за вас.

Это тем более неправильно, что вы, ваше величество, сами указывали на неприменимость к жизни многих из действующих законов и не желаете лишь в порядке спешности и чрезвычайности даровать от себя что-либо евреям до Думы.

Моя всеподданнейшая просьба поэтому такова: положите, государь, иа нашем журнале резолюцию приблизительно такого содержания: «Не встречая по существу возражений против разрешения поднятого советом министров вопроса, нахожу необходимым провести его общим законодательным порядком, а ие на основании 87 статей законов основных, так как 1) вопрос этот крайне сложен, 2) не представляется, особенно в подробностях, бесспорным и 3) ие столь спешен, чтобы требовать немедленного разрешения за два месяца до созыва Государственной Думы».

При таком обороте дела и министерство в глазах общества не будет казаться окончательно лишенным доверия вашего величества, а в настоящее время вам, государь, нужно правительство сильное.

Затем, если бы вашему величеству было угодно, можно было бы резолютивную часть журнала переделать и, не настаивая на 87 статье, испрашивать разрешения вашего величества, внести ли вопрос в Думу, или разрешить его в порядке чрезвычайном.

Простите мне, ваше величество, но я знаю, чувствую, что вопрос этот громадной важности. Если ваше величество не одобрите мои предположения и не разрешите мне прислать для наложения резолюции журнал, о возвращении которого никто пока не знает, позвольте приехать со словесным докладом в среду в 9^{1/2} часов вечера.

Вашего императорского величества верноподданный

П. Столыпин.

10 декабря 1906 г.

15

Ц[арское] С[ело]. 11 декабря 1906 г.

Из предложенных вами способов я предпочитаю, чтобы резолютивная часть журнала была переделана в том смысле — внести ли вопрос в Думу или разрешить его в порядке ст. 87.

Это самый простой исход.

Приезжайте, когда хотите, я всегда рад побеседовать с вами.

Николай.*

* Судьба столыпинского законопроекта известна. Ни II Дума, ни III и ни IV («ис наци времени») его обсудить. И понятно, почему. Для оппозиционных партий, составлявших думское большинство, было однозначно исправимо как поддержать, так и отвергнуть законопроект. Поддержать значило признать за «реакционером» и «антисемитом» Столыпина историческую роль инициатора в разрешении вопроса, который должен был считаться неразрешимым в условиях самодержавия. Но не лучше было и провалить его. В глазах общества это могло выглядеть так, что вот-де Столыпин взялся хотя бы частично улучшить положение евреев, а думские либералы воспротивились даже частичному улучшению.

БОГРОВ

ВЛАДИМИР БОГРОВ*

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Отряд жандармов ворвался в ночь после покушения на Столыпина в дом отца для обнаружения мифических революционеров, которых придумал Дм. Богров, чтобы получить билет на торжества и попасть в близость Столыпина. На заявление родственницы Дм. Богрова, что родители его, находившиеся тогда за границей, будут страшно потрясены известием о случившемся, начальник отряда заявил следующее: «Дм. Богров потряс всю Россию, а вы говорите о потрясении его родителей».

И действительно, с молниеносной быстротой весть о покушении на Столыпина распространилась по всей России, были произведены тысячи арестов людей, не имевших к Дм. Богрову никакого отношения, распространялись самые нелепые слухи как о событии, так и о личности Дм. Богрова, а политические партии всех направлений извлекали из этих слухов и сплетен без всякой проверки то, что им было полезно для продолжения своей политической игры в Государственной Думе и вне ее. Правые партии переименовали Дмитрия Богрова в «Мордко» (под этим вымышленным именем он фигурирует в обвинительном акте)** и требовали еврейского погрома и разгрома революционных партий; на это евреи отвечали, что Дм. Богров — крещен, что также не

* В. Богров «Дм. Богров и убийство Столыпина. Разоблачение действительных и мнимых тайн». Изд-во «Стрела», Берлин, 1931, стр. 27—38.

Владимир Григорьевич БОГРОВ — старший брат Дм. Богрова, в 1910—1918 пом. присяжного поверенного в Петербурге-Петрограде, сотрудник юридического еженедельника «Право». В 1918, после смерти отца, эмигрировал в Германию.

** Это не так. Имя Мордко не вымышлено правым, а получено Богровым при рождении и записано в метрическую книгу. Скорее имя Дмитрий следовало бы считать вымышленным и даже, строго говоря, незаконным: Уголовное Уложение (т. XV Свода законов Российской империи) содержало специальную статью 1416¹, по которой «внновные в присвоении не принадлежащих им имен и фамилий, а равно в перемене фамилий и имен, под коими они записаны в метрические книги» подлежали наказанию штрафом и тюремой. Другое дело, что за исполнением закона следили не ревностно, так что жившие вне черты оседлости евреи практически безвозвратно брали себе вторые, «ассимиляционные» имена, записывали их в адресные книги, различные удостоверения и свидетельства. Богров и в полицейской переписке звался Дмитрием, однако следственные и судебные власти признавали подлинными лишь имена, полученные при рождении. В обвинительный акт имя Мордко попало из метрики.

соответствовало действительности; левые — клеймили охрану и требовали ликвидации охранной системы; кадеты негодовали против террористических актов, с одной стороны, но с другой стороны, находили для них какие-то объяснения; беспартийные требовали «привлечения к суду» виновных в попущении и допущении и пр., и пр.

Об истине никто не заботился, так как важно было лишь использовать событие в качестве политического трамплина для своих собственных целей.

Поэтому необходимо прежде всего установить главнейшие данные из жизни Дм. Богрова, которые должны нам помочь разобраться в его духовной эволюции и объяснить его характер.

Родился Дм. Богров 29 января 1887 г. Отец был киевским присяжным поверенным, домовладельцем. Дед Дм. Богрова по отцу был весьма популярным в 60-х годах в еврейских кругах писателем, писавшим главным образом на темы из еврейской жизни («Записки еврея», «Еврейский манускрипт» и друг.) и принципиальным сторонником ассимиляторского течения в еврействе.*

Отец был весьма состоятельным человеком — его имущество оценивалось в сумму около 500 000 рублей — был видным членом киевского общества, в частности еврейского, пользовался всеобщим уважением, как хороший юрист и весьма отзывчивый человек, всегда готовый прийти на помощь нуждающемуся. Несмотря на господствовавший антисемитизм, он

* Богров (Багров) Григорий Исаакович — русско-еврейский беллетрист; род. в Полтаве в 1825 г. в раввинской семье, ум. в 1885 г. в с. Деревках (Минской губ.). Отец Б., пользовавшийся благодаря природному уму и обширным талмудическим познанием большой популярностью среди местных евреев, дал сыну строго-религиозное воспитание. Русскую грамоту Б. изучал тайком от родителей и, из опасения преследований, прятал русские книги в чулане или на чердаке, где и проводил время за чтением. 17 лет от роду Б., по настоянию родителей, женился, однако вскоре развелся с женой и, устроившись самостоятельцем, получил возможность усиленно заняться самообразованием и изучением европейских языков. Продолжительная служба по откупу дала Б. богатый запас наблюдений. В начале 60-х годов (около 1863 г.) Б. написал первую часть «Записок еврея», имеющих автобиографический характер и описывающих быт русского еврейства 30-х и 40-х годов XIX в. После долгих скитаний по петербургским редакциям, рукопись попала в «Отечественные записки», где очень поиздевалась Некрасову. Поощрений этой удачей, Б. усилиению занялся окончанием «Записок», которые появились в «Отеч. Записк.» в 1871—1873 гг. и обратили на себя внимание.

За несколько месяцев до смерти Б., по семейным обстоятельствам, принял крещение.

(«Еврейская энциклопедия», в 16 тт., изд-во Брокгауз-Ефрон, Спб. 1908—1913, т. IV).

был долголетним членом киевского Дворянского клуба, где он и имел возможность встречаться с видными представителями киевской администрации и магистратуры. Благодаря этим знакомствам отцу нередко удавалось выхлопотать смягчение участи и освобождение арестованных или осужденных революционеров. Так как эти услуги оказывались, конечно, бесплатно, то кабинет отца постоянно осаждался ищущими у него помощи. По политическим своим убеждениям отец ближе всего примыкал к левому крылу кадетской партии, хотя официально в нее записан не был.

Образование Дм. Богров получил наилучшее, какое было возможно: наряду с посещением гимназии обучался иностранным языкам и занимался самообразованием, составив себе обширную и ценную библиотеку по социальным наукам. В гимназический период он ежегодно уезжал на летние месяцы за границу с матерью.

По окончании гимназии в июне 1905 г. Дм. Богров поступает на юридический факультет Киевского Университета, а в сентябре 1905 г., накануне киевских погромных дней, по настойчивому требованию родителей, отправляется учиться за границу, в Мюнхен, где я также в то время посещал университет. С сентября 1905 года по декабрь 1906 года Дм. Богров с небольшим перерывом в один месяц, когда приехал в Киев на каникулы, находился совместно со мною в Мюнхене. Университет в Мюнхене он посещал мало, а занимался главным образом и очень усердно своим самообразованием, пользуясь обширной университетской библиотекой.

Пребывание за границей чрезвычайно тяготило Дм. Богрова. Он не мог примириться с той мыслью, что покинул Россию в особо тяжелое время, в минуту напряженной политической борьбы, пред назревающими серьезными политическими событиями. Он рвется всеми силами обратно в Россию и уже в декабре 1906 года окончательно возвращается в Киев.

Через год, осенью 1907 года, у Дм. Богрова был произведен первый безрезультатный обыск. У производившего обыск жандармского офицера имелся приказ об его аресте, в зависимости от результатов обыска. Дм. Богров арестован не был. Об этом обстоятельстве я не встречал упоминания ни в одной из статей о Дм. Богрове, хотя оно имеет, как мы увидим далее, большое значение. Ввиду установленной за ним после этого обыска усиленной слежки, он решает в декабре 1907 года временно уехать в Баку, к дяде, откуда возвращается в феврале 1908 г.

В начале сентября 1908 г. Дм. Богров был впервые арестован и в конце сентября 1908 г. вновь освобожден. Дома у него

был после ареста произведен самый тщательный, но также безрезультатный обыск.

В октябре 1908 г. он уезжает с матерью в Меран, оттуда один в Лейпциг и Париж и только в конце апреля 1909 г. возвращается в Киев. То обстоятельство, будто Дм. Богров из Лейпцига несколько раз ездил по революционным делам в Львов и даже два раза наезжал в Россию, никому из родных не было известно.

В мае и сентябре 1909 г. Дм. Богров сдает полукурсовые экзамены в университете, а в феврале 1910 года — окончательные. После возвращения из Парижа, в апреле 1909 г., Дм. Богров самым энергичным образом отдался университетским занятиям, твердо решив в возможно короткий срок окончить университет. В этот период, как мы увидим, Дм. Богров ушел совершенно от всякой подпольной политической работы. Он даже фактически не мог иметь времени для таковой.

Окончив университет, в феврале 1910 г. он уезжает в качестве молодого помощника присяжного поверенного в Петербург, откуда возвращается в ноябре того же 1910 г. Чувствуя, что здоровье его пришло в расстройство, он решается последовать совету родителей и уезжает в декабре 1910 г. отдохнуть на Ривьеру, в Ниццу, откуда возвращается домой в феврале 1911 г. В Киеве пытается усердно заниматься адвокатурой, посещая ежедневно кабинет присяжного поверенного А. С. Гольденвейзера, однако адвокатская работа его явно не удовлетворяет.

С 22 июня по 5 августа 1911 г. Дм. Богров находится с родителями на даче в местечке «Потоки» под Кременчугом, куда я приехал с женой в середине июля из Петербурга.

После возвращения в Киев, родители 12 августа 1911 г. уехали за границу, я же с женой 17 августа выехал обратно в Петербург. Вскоре после моего отъезда, а именно начиная с 27 августа, развернулись те события, которые завершились 1 сентября 1911 г. террористическим актом Дм. Богрова, 5 сентября — смертью Столыпина и 11 сентября казнью Дм. Богрова.

Уже из этих чисто внешних данных биографического характера видно, что Дм. Богров пользовался в родительском доме преимуществами человека, которому открыты все пути и возможности, не знающего отказа ни в одном сколько-нибудь разумном желании.

Во время своих частых поездок за границу и в России, равно как и во время пребывания дома, Дм. Богров получал от отца определенное месячное пособие, которое составляло

от 100 до 150 рубл. в месяц, а после окончания университета, в Петербурге, 75 рубл. в месяц, так как тогда Дм. Богров имел еще и жалование по службе секретаря в Комитете по фальсификации пищевых продуктов при Министерстве Торговли и Промышленности — 50 р. в месяц, а также зарабатывал кое-что и по судебным делам.

Ввиду того, что Дм. Богров, как еврей, не мог получить в то время звания присяжного поверенного и был стеснен в праве на практику, отец неоднократно предлагал ему более крупную единовременную сумму для организации какого-либо коммерческого дела. Однако от этого Дм. Богров отказывался.

Я должен отметить самым категорическим образом, что Дм. Богров вел самый скромный образ жизни. Никогда Дм. Богров не принадлежал к кругу так наз. «золотой молодежи» и, что очень характерно, никогда даже не имел соответственной парадной одежды — студенческого мундира, сюртука, смокинга. Фрак он заказал себе впервые по окончании университета, так как это было необходимо для его адвокатских судебных выступлений. Поэтому смешно, когда Струмилло говорит о «картах, кафе-шантанах», которые будто бы играли крупную роль в жизни Дм. Богрова. Это опять-таки относится к области ложных предположений, которыми так богата статья Струмилло. Хотя Дм. Богров и любил карты, как игру, как азартный спорт, так же, как любил шахматы или спорт, но ни разу в его жизни не было случая, чтобы из-за карт он забывал о каких-либо своих обязанностях, попал в денежные затруднения, имел неприятности... Тем более «кафе-шантаны»...

Для того, чтобы избежать обвинения в пристрастном отношении, я позволю себе привести выдержку из общей характеристики Дм. Богрова, помещенной в газете «Будущее» неизвестным мне автором:

«С ранних лет Дм. Богров выдается своим умственным развитием и начитанностью, интересуется историей, географией, войнами, биографиями великих полководцев, Суворовым и Наполеоном. Он упивается с детства игрой в солдатики, а впоследствии всеми видами спорта. Он был прямо-таки блестящий шахматист, но заметив, что шахматные увлечения мешают серьезным занятиям, решил внезапно бросить игру и бросил. Наряду с этими качествами он отличался душевной чуткостью, отзывчивостью и добротой... Осенью 1905 г. Дм. Богров поступил в Киевский университет вполне сформировавшимся эсером. Во время избиения в литературно-артистическом обществе публики, собравшейся на реферат Водовозова, он чуть ли не один остался в зале, где неистовствовали

городовые, защищаясь деревянной палкой от шашек, которыми таковая и была перерублена пополам. Вся публика в панике ринулась из залы, а Богров не растерялся. Он сам рассказывал, что это был первый опыт самообладания. Действительно, перед лицом непосредственной опасности он не терялся: у него являлась поразительная выдержка. И замечательно: это качество сочеталось у него с большой экспансивностью его натуры. Стоило ему увидеть перед собою какое-нибудь насилие, у него загорались глаза и он хватался за браунинг; который позже постоянно носил с собою... Все, кто когда-либо имел дело с Богровым, берут смелость утверждать, все без исключения признавали неотъемлемую черту Богрова, его душевное благородство. Оно покоряло, может быть, потому, что оно редкое и едва ли не самое ценное качество настоящего человека. Благородство, состоявшее в том, что он до глубины души ненавидел насилие и допускал его только в отношении насильников, которых признавал, однако, только среди патентованных врагов: имущих власть. К товарищам же, и даже ко всем мирным обывателям, относился любовно, как бы прощая им все недостатки. Никогда против товарищей он не проявлял активной злобы — на все их промахи, на поступки их, которые шли вразрез с принципами, которые прямо нарушали понятия о человеческом достоинстве, о чести, честности, он отвечал... юмором и словами насмешки. В серьезных случаях сам уходил от таких.* Тонкая духовная организация, душевная мягкость, отсутствие какой бы то ни было обывательщины, отсутствие рисовки, благодаря полной атрофии чувства тщеславия — вот что располагало к нему всех и делало его душою всякого общества, начиная с рабочего и кончая великосветским. К этому нужно добавить: огромную инициативу, блестящее остроумие и находчивость.

К собственной жизни он относился настолько же легко, насколько бережно (да, именно бережно) обходился с жизнью другого. Своя жизнь, говорил он, не стоит, чтобы ее тянуть. И потому свою жизнь он сознательно прожигал. Зато когда к нему обращался товарищ-рабочий за рублем на жизнь, которого у самого Богрова не было, потому что он даже свои деньги отдавал на партийные нужды, он сам обегал всех

* Цитируя «неизвестного автора» (А. Мушнина), В. Богров выпустил весьма существенный абзац: «Не все товарищи, однако, понимали Богрова и в иронических иотках или юморе, обращенных по адресу тех или иных товарищей, видели никогда неуважение или даже презрение ко всем. Это их отталкивало от Богрова» (А. Мушин «Дмитрий Богров и убийство Столыпина», Париж, 1914, стр. 80. Об А. Мушине см. примечание на стр. 91):

знакомых, чтобы достать нужное. Это могут удостоверить многие.

Когда он отдавался делу, он отдавался беззаветно, всей душой, не щадя ни сил, ни здоровья, ни карьеры, ни своего общественного положения, ни жизни, когда это понадобилось. И если все, кто только может, ищут теперь ответа на вопрос, ценой чего Богров получил пропускной в театр билет охранника, пусть знают, что только придерживаясь вышеуказанной характеристики Богрова, как человека, они найдут правильный ответ на интересующую их и всех продолжающую интересовать и волновать загадку».

Далее приходится остановиться на развитии революционного мышления Дм. Богрова, т. е. на эволюции его революционной идеологии. Еще будучи учеником 5—6 класса гимназии, т. е. в период 1902—1903 года, Дм. Богров сближается с гимназическими кружками и партийными организациями средних учебных заведений и начинает теоретически и практически интересоваться политикой. В первый период своей работы он всецело подпадает под влияние своего старшего двоюродного брата, Сергея Богрова, жившего и воспитывавшегося также в доме отца.* С. Богров был по убеждениям социал-демократ и в этом направлении он, конечно, старался воздействовать и на Дм. Богрова. Однако уже очень скоро Дм. Богров начинает политически мыслить более самостоятельно и освобождается из-под его влияния. Ко времени окончания гимназии и поступления в университет в 1905 году он является убежденным социалистом-революционером и притом определенно левого направления. Он отвергает одностороннюю экономическую и социальную теорию социал-демократии, а также их нерешительную, компромиссную тактику. В партии социалистов-революционеров он вскоре также занимает самую крайнюю левую позицию и входит в группу максималистов, сторонников самой решительной тактики,

* Сергей (Вениамин) Евсеевич БОГРОВ (род. 1879), клички «Фома» и «Валентинов». Сын московского купца, торговца мануфактурой. Окончил Петербургский технологический институт. В 1903—1910 активный большевик-пропагандист в Одессе и Петербурге. В 1904 в Женеве встречался с Лениным. После Октября на дипломатической службе и в главке «Союзтекстильмашниа». В революционное подполье его ввела Валентина Львовна БОГРОВА (род. 1882) — дочь присяжного поверенного, из петербургской квартире которого в 1910 жил Дм. Богров. Социал-демократка с 1901, в 1905 секретарь петербургского городского комитета партии. Многие годы близкая знакомая Ленина, Крупской, Максима Горького (из ее имени Ленин произвел кличку для Сергея Богрова: «Валентинов»). В 1918 Ленин лично помог ей и брату Дм. Богрова Владимиру уехать из России в Германию.

борьбы, связанной с революционными выступлениями, экспроприациями, террористическими актами.

В таком именно настроении Дм. Богров приезжает осенью 1905 г. в Мюнхен, где я, живя с ним вместе, имел возможность непосредственно наблюдать дальнейшую эволюцию его революционного мышления. Будучи искусственно устранен от практической революционной работы, Дм. Богров всецело отдается теоретическому изучению революционной литературы. Тут-то он и знакомится с анархо-синдикализмом или с анархизмом-коммунизмом, именуемом так в отличие от анархизма-индивидуализма (учение Штирнера). Это последнее течение Дм. Богров отвергает, так как полагает, что оно в конечном итоге приводит к буржуазному, эгоистическому идеалу, к прославлению отдельной личности как таковой, освобождая ее от всяких обязательств не только внешне-принудительного порядка, отвергаемых всяким анархизмом, но и от внутренне моральной связанности и необходимости служения социальному идеалу.

Теоретики анархизма — Крапоткин и Реклю — стали его настольными книгами, а у Бакунина и французских анархо-синдикалистов он искал руководства для дальнейшей практической деятельности.

Быть может, искусственная изоляция от русской жизни оказала на Дм. Богрова влияние, обратное тому, к которому стремились родители. Заняться общими науками, отказаться от русской действительности и спокойно сидеть за границей оказалось ему не под силу. Развернувшись в России ужасные события — еврейские погромы, созыв и распуск 1-й Государственной Думы, политические процессы и повсеместное господство белого террора, властно требовали возвращения Дм. Богрова на родину для того, чтобы принять активное участие в происходящей борьбе. К этому периоду относится письмо его к родителям, в котором он заявляет, что он «не может оставаться сложа руки за границей, когда в России избивают людей».

После возвращения в Киев, в декабре 1906 г., Дм. Богров окончательно примыкает к группе анархистов-коммунистов и хотя в 1909 г. и прекращает подпольную революционную работу в этой группе, однако по своим убеждениям остается до смерти анархистом.

До настоящего времени мне памятны те теоретические споры, которые происходили зачастую между братом, с одной стороны, и отцом и мною, с другой. Отец и я выступали обыкновенно в защиту эволюционного развития, брат же требовал не только революционного изменения существующе-

го строя, но полного уничтожения социальных основ существующего государственного порядка. Так как мы были вооружены большим запасом знаний, фактических и логических доказательств, то и оказывались обыкновенно «диалектически» победителями в споре. И в этот момент, когда брат вынужден был признать себя «логически» побежденным, у него на глазах наворачивались слезы отчаяния, и было ясно, что пред нами фанатик, которого нельзя «переубедить», так как его верования глубже его логики. Его можно было только огорчить и озлобить непониманием.

И. КНИЖНИК*

СЕМЬЯ И СРЕДА БОГРОВА

Когда я учился в Киевском университете, я жил одно время в семье Пышновых, где давал уроки по общеобразовательным предметам старшей дочери и среднему сыну, ставшими впоследствии довольно известными артистами-педагогами по классу фортепиано и скрипки. Пышновы были в родстве с киевским присяжным поверенным Гольденвейзером, Александром Соломоновичем, обладавшим большой библиотекой, и как-то привели меня к нему как большого любителя книг. А. С. Г. очаровал меня сразу готовностью делиться своими знаниями и библиотекой, и я в течение своих студенческих лет до 1904 г. довольно часто к нему заходил. Из детей А. С. два сына и две дочери были в старших классах гимназии, и к ним ходило много товарищей. Среди последних были и братья Богровы, Владимир и Дмитрий.

Мать Богровых, красивая женщина, с грустными глазами, кажется, была сестрой жены А. С. Третья их сестра была замужем за Леонтием Тимофеевичем Фельзером, который содержал техническую контору на Крещатике и в то же время был персидским консулом. На 4-м году моей университетской жизни мне пришлось давать уроки и детям Фельзеров, и у них я также иногда видел Дмитрия Богрова и его старшего брата Владимира.

Вся эта родственная молодежь, включив еще 5—6 посторонних гимназистов, реалистов и гимназисток, образовала в 1901 г. научный кружок, в котором читались доклады по естественно-научным вопросам. Я был приглашен этим кружком руководить его занятиями по политической экономии, изложение которой он хотел иметь в марксистском духе, подвергавшемся преследованию в университете на практических занятиях проф. Пихно. Мной была выработана для кружка программа занятий, но занятия состоялись только один или два раза. В этом кружке трое или четверо юношей заговоривали со мной об общественных вопросах более под-

* Из статьи «Воспоминания о Богрове, убийце Столыпина». Журнал «Красная летопись», № 5, 1922, стр. 288—290.

Израиль Самуилович КНИЖНИК (1878—1965), псевдонимы Иван КНИЖНИК и Иваи Сергеевич ВЕТРОВ — в 1901—1904 социал-демократ, в 1904—1910 анархист-коммунист, затем толстовец. После Октября перешел к большевикам. Библиограф, историк анархизма.

робно, иногда заходили ко мне на квартиру. Среди них был и Дмитрий Богров.

Все эти дети богатых родителей, получившие самое буржуазное воспитание, относились ко мне, бедному студенту-репетитору, с уважением, главным образом потому, что подражали в этом А. С. Гольденвейзеру. В среде своих родных и знакомых А. С. пользовался непререкаемым авторитетом. По своим выступлениям в киевском ученом юридическом обществе, по своим широким философским интересам, А. С. мог быть профессором, если бы не был евреем. Ему, впрочем, пришлось и попрофесорствовать, по приглашению М. М. Ковалевского, в русской высшей школе общественных наук в Париже, и это окружало его ореолом в глазах всех его знакомых, особенно же в глазах молодежи.

В политическом отношении А. С. был либералом, очень далеким от активных выступлений, но близко принимавшим к сердцу некоторые революционные события. Так, он был всегда в курсе последних новостей о террористических актах той эпохи (например, убийство Балмашевым министра Сипягина), рассказывал мне анекдоты, касавшиеся назначений разных министров и событий в царской семье, а особенное впечатление производил тем, что, будучи одним из лучших адвокатов на всем юге России, в корне отрицал, по следам Толстого, всякий суд, смотря на него не только как на комедию, но и как на преступление общества по отношению к преступнику, которого общество не воспитало, как следует, и довело до преступления.

Так как Дмитрий Богров рос в атмосфере идей А. С., то уже с ранних лет он не мог не сочувствовать революционным выступлениям, почитывал и подпольную литературу, которая шла тогда по рукам передовой молодежи и имелась даже в библиотеке А. С. (последний получал на адрес персидского консула Фельзера многие иностранные издания без цензуры). Особенное влияние мог оказывать А. С. на Дмитрия Богрова и своим полным отрицанием правовых основ современного общественного строя, своим преклонением перед анархизмом Толстого. Этим я объясняю то, что Дмитрий Богров увлекся на короткое время эсерством и максимализмом, а с 1906 г. стал работать с анархистами.

Я помню Дмитрия Богрова худым, довольно высоким юношой, с печальными глазами, как у матери. Он мало говорил и ничем не выделялся среди товарищей. Я никогда не был в доме его родителей, но встречал их у А. С. и слышал, что его отец — сын известного еврейского писателя, автора «Записок еврея», печатавшихся в «Отечественных Записках»

Некрасова, присяжный поверенный, который составил себе состояние игрой в карты в Дворянском клубе, где он состоял членом. На Бибиковском бульваре, недалеко от Крещатика, у него был собственный дом в несколько этажей.

А. С. Гольденвейзер рассказывал мне, что когда я был арестован в начале 1902 г. за участие в студенческом движении, отец Богрова, по просьбе А. С., попробовал за игрой в карты замолвить за меня слово начальнику киевского губернского жандармского управления генералу Новицкому, но из этого ничего не вышло. Очевидно, картежная близость Богрова-отца была очень велика у него с ген. Новицким, если он позволил себе даже использовать ее для ходатайства о политическом заключенном.

О семье Богрова должен еще отметить, что уже Богров-дед, писатель, был далек от ортодоксального еврейства. По документам отец Богрова, может быть, и числился иудейского исповедания, но от ортодоксального еврейства был очень далек. Хотя охранники именовали Дмитрия Богрова Мордкой Гершковым, но делали они это лишь с нарочитой целью подчеркнуть принадлежность убийцы Столыпина к еврейскому народу. На самом деле во всех своих официальных документах Богров именуется Дмитрием Григорьевичем. Такова уж черта неортодоксальных евреев: преследования заставляли их из гордости не переходить в христианство, а под влиянием окружающей среды они приспособлялись к ней в своих обычаях и даже в именах.

Б. ПРИЛЕЖАЕВА-БАРСКАЯ*

Знакомство мое с Богровым началось с гимназических лет в Киеве, в семье моих близких друзей Х.

В тихом провинциальном домике, с цветущим садом впереди, с большим двором, крокетной площадкой и гигантскими шагами, было всегда весело, уютно и совсем «как дома».

Оттого ли, что приветливые хозяйки неизменно ласково встречали всех приходящих, оттого ли, что в доме царила благодушная ко всему снисходительность и каждому представлялась свобода делать что угодно,— здесь с раннего утра и до позднего вечера беспорядочно и шумливо толкалась

* Из статьи «Дмитрий Богров». Альманах «Минувшие дни», Ленинград, № 4, 1928, стр. 80—86.

Бэла Моисеевна ПРИЛЕЖАЕВА-БАРСКАЯ (1887—1960)— советская детская писательница.

молодежь. Иной забежит на часок, да так и забудет уйти домой, по двое-трое суток не покидая гостеприимного крова.

Бывал здесь и Митя Богров — высокий худенький мальчик в очках, насмешливый и остроумный. Он держался несколько в стороне от женской части нашей компании, от неугомонного флирта, здесь процветавшего, от вечной смены переплетающихся ухаживаний.

У него было свое увлечение, доходящее до страсти: азартные игры. Для карт, для рулетки он готов был отказаться от поездки по Днепру, от интересной прогулки, от веселой компании.

Стоило вытащить из стенного шкафа в передней маленькую рулетку или выбросить колоду карт, как Митя Богров погибал для нас, и уже не было никакой возможности оторвать его от игры.

Иногда мальчики удостаивали нас приглашения «принести счастье», и мы, забравшись с ногами на широкий турецкий диван, наблюдали за игроками.

Манера держать себя за карточным столом очень характерна для человека. В то время, как одни явно волновались, поминутно то вскакивая, то снова усаживаясь на место, другие, бледнея и краснея, пытались показать хладнокровие, и один только Митя Богров играл весело, отпускал насмешливые замечания, шутил и смеялся беспрестанно, ни на минуту не теряя самообладания.

Однажды этот беспечный, над всем смеющийся мальчик меня удивил.

Ведя знакомство с «подпольными людьми», я хранила у себя нелегальную литературу. Неожиданно пришел приказ препроводить ее в новое место. Воспользовавшись отсутствием домашних, я разложила аккуратными пачками зеленые, красные, белые книжечки, соображая, как разместить их на собственной персоне, чтобы в несколько приемов перетащить все это по указанному адресу.

Неожиданно в передней раздался громкий звонок. Тревожно и сокрущенно я глянула на кровать, стул и пол, где расположились мои книжечки. Но кто бы ни звонил, прятаться было поздно, и я побежала к двери. Передо мной стоял хохочущий Митя Богров с большим чемоданом.

— Испугались? Думали, полиция?

Я была удивлена его появлением, до этих пор он никогда не бывал у меня.

Оказывается, узнав от нашей общей приятельницы о моем затруднении (мы тогда в нашей почти еще детской компании

плохо соблюдали правила конспирации), он решил прийти мне на помощь.

— Я недоумевающе перевела глаза на чемодан.

— А вы как же думали перетаскивать вашу библиотеку?

— Да очень просто, на себе.

— Ну и «калоша» же вы! (Это слово было у нас в большом ходу.) Мы заберем все сразу. Вот увидите. Давайте вместе работать.

Он скинул свое серое гимназическое пальто, и мы вдвоем быстро и деловито начали укладывать брошюры.

— Теперь я возьму извозчика. Мы отправимся на вокзал, дождемся там первого поезда, а оттуда поедем, куда вы укажете.

Сказано — сделано.

Хохоча и дурачаясь, совершенно забыв об опасности, которой мы подвергались, мы играли в путешественников, усаживаясь на дребезжащие киевские дрожки. Особенно весело было проезжать мимо стоявшего на углу усатого, наивного городового, не подозревавшего, какой багаж мы везли.

Митя как будто подменили. Мне чудились в тоне его голоса какие-то новые теплые нотки.

Когда мы довезли наш «товар» до места назначения, Митя отказался взять чемодан обратно.

— Вам, вероятно, скоро придется снова перевозить библиотеку — пригодится, — уговаривал он новых «хозяев».

После путешествия с чемоданом отношения наши с Богровым стали ближе, сердечнее.

Мы иногда катались вдвоем по Днепру, иногда гуляли вместе, и разговор всегда заходил о революционной работе, о партиях и их программах. Митя резко критиковал все существовавшие тогда программы, он страстно мечтал о революции, но все пути, известные нам, считал неправильными. Он говорил, что не может представить себя членом какой бы то ни было организации, что не перенес бы той узды, которую она накладывает на личность, что революцию можно делать самому, без чужой указки и чужой помощи.

— Я сам себе партия, — сказал он однажды фразу, которая, помню, взволновала меня и ярко запомнилась.

Прошло несколько лет. Мы оба окончили гимназию. Богров поступил в Киевский университет, я учились в Петербурге на курсах.

Приехав на лето в Киев, я рада была повидать старых друзей. В первые же дни меня огородил рассказом о Богрове его близкий приятель, — я узнала, что Митя, наконец, «определен», что он называет себя анархистом-индивидуалистом.

Я с жадностью слушала рассказы о том, как Богров с группой преданных ему людей из рабочих предпринимает ряд ловких экспроприаций, какие дерзкие и смелые письма посыпает он лицам, на которых собирается совершить налет.

— Это напоминает азартную игру. Экспроприация вместо рулетки? — сказала я.

— Вы ему сами предложите этот вопрос, — посоветовал мой приятель.

Скоро у меня на даче появился и сам Митя Богров. Он был таким же остроумным, смеющимся и иронизирующим, каким я его оставила. Трудно было представить себе этого безуокризнико одетого молодого человека атаманом шайки налетчиков. Мне очень хотелось вызвать его на откровенность, услыхать из его уст подтверждение того, что я узнала от нашего общего приятеля.

Часто, когда мы оставались наедине, я собиралась заговорить о том, что меня волновало; мне казалось подчас, когда среди разговора мы оба одновременно замолкали, что он ждет, не спрошу ли я его о чем-то, и что он словно хочет сам мне что-то рассказать.

Какое-то необъяснимое чувство удерживало меня, и я так и не решилась заговорить с ним о том, что меня волновало.

Вскоре я покинула Киев.

Хорошо памятна мне встреча с Богровым весной 1910 г. в Петербурге.

Как-то вечером, часов около десяти, он пришел ко мне неожиданно, — кажется, прощаться.

Он застал у меня несколько человек своих старых знакомых, и мы в разговорах и спорах засиделись до поздней ночи.

Богров был интересным собеседником, остроумным, занимательным. Высказывая взгляды часто парадоксальные, он всегда давал материал для споров и возражений.

В это время в Венеции разбиралось дело Марии Тарновской. Богрова очень занимал этот процесс, в особенности психология двух его участников, Прилукова и Наумова, совершенно порабощенных сильной личностью женщины, погубивших из-за нее карьеру и жизнь.

— Денег я бы на нее не пожалел, — сказал Богров, — но я хотел бы посмотреть, как бы она заставила меня убить человека... Нет, я органически не понимаю такого сильного чувства к женщине!

Кто-то из нас спросил его шутливо:

— А вообще, Митя, вы понимаете какое бы то ни было сильное чувство, такое, которое может выбить из привычной колеи, перевернуть вверх дном всю жизнь?

Как-то неожиданно просто он ответил:

— Да, представьте, я способен на сильное чувство, но не на любовь,— на ненависть. Я ненавижу одного человека, которого я никогда не видал.

— Кого?

— Столыпина. Быть может, оттого, что он самый умный и талантливый из них, самый опасный враг, и все зло в России от него.

Никто в ту минуту не придал особенного значения его словам. Многие из нас ненавидели Столыпина. Ничего необычного не было в этом. Удивил немножко только тон, каким это было сказано, искренний и простой.

Разговор, коснувшись чего-то другого, покатился по новым рельсам.

Скоро Богров уехал из Петербурга, а мне суждено было увидеться с ним еще один раз — в последний, накануне рокового дня.

В конце августа 1911 г. проездом я попала в Киев на несколько дней.

30 августа часов в шесть вечера я с несколькими приятелями, проходя по Крещатику, зашла в «kaviarn'ю» вблизи Фундуклеевской. Маленькие польские кофейни, дешевые и чистенькие, обычно были полны народа, но на этот раз на обширной веранде, похожей на заросшую диким виноградом беседку, кроме двух или трех посетителей, углубившихся в газеты, никого не было. Заходить в душное помещение не хотелось, и мы остались на веранде. Не успели мы усесться за один из столиков посреди веранды, о чем-то оживленно разговаривая, как в проходе у кадки с олеандрами неожиданно показался Митя Богров. По близорукости не заметив нас сразу, он занял ближайший к выходу столик. Он был во фраке, в лакированных ботинках, белоснежной манишке и воротничке. Вид имел несколько парадный, как будто собирался на бал. Мы окликнули его. Казалось, он обрадовался встрече, сердечно и ласково здороваясь с нами. Я не видела его больше года и не могла не поразиться происшедшем в нем перемене, его осунувшемуся, утомленному лицу и... совершенно седой голове (ему было в это время около 23 лет). Я не могла скрыть своего изумления и спросила:

— Что с вами? У вас совершенно больной вид.

— Да нет, пустяки, я просто устал, много работаю последнее время.

Мы обменялись рядом обычных приветствий, вопросов, которые задают друг другу люди, давно не видавшиеся.

Кто-то из нас обратил внимание на его торжественный костюм. Он ответил просто:

— Я буду вечером в Купеческом.

Нелегко было попасть в то место, где будут «высокопоставленные гости», но казалось, что Богрову, как человеку, постоянно живущему в Киеве, вращающемуся в разных слоях общества, это не представляет особенной трудности. Во всяком случае, Митин ответ не удивил никого из нас, не остановив ничьего внимания, и мы продолжали говорить о каких-то пустяках, расспрашивать об общих знакомых. Мои спутники попеняли ему, что он забросил старых друзей, никогда не посещает их. Богров снова повторил, что очень занят, что не бывает решительно нигде. Мне все же хотелось повидаться с ним до отъезда, и я просила его зайти ко мне.

— Боюсь обещать. Думаю, что не удастся.

Я не стала настаивать. Простившись, мы вышли из «kaviarn’и», оставив Богрова у столика.

Я оглянулась, уходя, и мне запомнились — высокая фигура, странно тонкая шея с маленькой седой головой и рассеянный взгляд близоруких глаз.

Целая жизнь прошла с тех пор.

Когда я перебираю прошлое — в памяти встает Митя Богров, его движения, смех, манера держать себя, слова и «словечки», — все те неуловимые штрихи, которые живым и осязаемым делают образ человека, дополняя в сознании то, чего не доказали факты.

Я видела Богрова за два часа до того, как он отправлялся в Купеческий сад. Как известно из его показаний, он полагал совершить покушение в этот же вечер, и только неудобство обстановки заставило его отложить выполнение задуманного до парадного спектакля в городском театре. Он был внешне совершенно спокоен, говорил о пустяках, интересовался обыденными вещами, ни единым движением он не выдал своего душевного состояния.

После смерти Богрова судьба столкнула меня с человеком, присутствовавшим в театре в момент покушения и позднее — при казни.

Выстрелив, Богров продолжал стоять с протянутой рукой, как бы выжидая чего-то... Затем, медленно, совершенно спокойно, спрятав револьвер в карман, двинулся обратно, к выходу, и только дойдя до последнего ряда, ускорил шаги.

В этот момент публика как будто проснулась от оцепенения. Кто-то кинулся на Богрова, кто-то свалил его, и началось избиение.

Говоря о казни Богрова, очевидец сказал:

— Какую бы жизнь ни вел Богров, умирал он с достоинством. Это был на редкость мужественный человек.

Мне всегда казалось, что он никогда не рялся в чужое платье, никогда не старался «казаться». Отсутствие рисовки и позы привлекало к нему.

Я вспоминаю его странную двойную жизнь веселящегося молодого человека из буржуазной среды, полную в то же время риска, опасностей и азарта.

Он всегда смеялся над «хорошим и дурным». Презирай общепринятую мораль, он создавал свою, причудливую и не всегда понятную. Он шел к давно намеченной цели жутким и извилистым путем, считая, быть может, что достижение покрывает все.

«Партия — это я» — говорил он когда-то, и эта «партия» разрешила ему ту тактику, которую не разрешила бы ему никакая другая.

Рожденный со страстной натурой игрока, он не мог жить буднично и покойно, он во всем и всегда искал сильных ощущений, тревожных и ярких впечатлений.

Задумывая совершить налет, он сообщает об этом заранее намеченному лицу. Собираясь убить Столыпина, он предупреждает Кулябко о готовящемся покушении.

Он превратил свою жизнь в азартную игру, и в этой игре последней ставкой была его собственная жизнь.

ВЕРА БОГРОВА*

Познакомилась я с Митей Богровым — вообще впервые увидела (хотя с братом его, Володей — впоследствии моим мужем — была уже хорошо знакома!), когда Володя привел его ко мне, в квартиру моих родителей Позняковых, где собиралось тогда много молодежи. Я только что окончила тогда 8-й (педагогический) класс гимназии, где познакомилась со множеством своих сверстниц и со всеми их друзьями, по большей части новоиспеченными студентами. В комнате моей тесно было от серых тужурок! Были мы все очень молоды, а время было бурное, предреволюционное — в университете шли не только лекции, но и забастовки и сходки... Дух захватывало от всяких течений и веяний, повсюду возникали кружки и партии, и необходимо было немедленно решить — кем быть, к чему примкнуть, в какую партию записаться! Это были 1905—1906 годы!

И вот тогда-то Володя Богров и сказал мне: если хотите, я достану вам литературу и даже познакомлю вас с настоящим — «живым» — анархистом!

Вскоре после этого пришел ко мне Митя... Он был тогда еще гимназистом — я вижу его как сейчас перед собой в черной гимназической курточке с красными книжечками в руках, — краснеющего чуть не при каждом слове... Он был очень застенчив и легко краснел... Никакой активной пропаганды не последовало — он только приносил мне красные и черные книжечки — и даже не пытался со мной их обсуждать... Но из чтения этих книжек и некоторых других (как «Единственный и его собственность») я заключила, что он примыкал к анархистам-коммунистам — так по крайней мере это движение тогда называлось — в противоположность «анархистам-индивидуалистам»! Представителями этого последнего течения в моем окружении были Володя Богров и Борис Паншин. Но о «революционной практике» здесь — насколько я могла наблюдать — не было и речи: просто каждый «анархист-индивидуалист» делал то, что сам считал правиль-

* Рукописные воспоминания. Хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, фонд В. Богровой. Печатаются с разрешения Архива.

Вера Николаевна БОГРОВА (урожд. ПОЗНЯКОВА) — жена Владимира Богрова.

ным и нужным, ни с кем не сговариваясь, ни с кем не считаясь... Как будто не было и большой ответственности... Паншин, впрочем, впоследствии был арестован («за хранение литературы», кажется) — и был даже судим — но был оправдан и последствий этот арест для него не имел никаких...

В этот вечер Володя не поехал меня провожать домой, на дачу — ему тяжело давалось уж очень раннее вставанье и непривычные физические упражнения на военной службе: он только что начал отбывать воинскую повинность как вольноопределяющийся после окончания университета... Поехал со мной Митя.

Митя проводил меня через весь большой сад до самого дома — зайти отказался, сказал, что поздно, спешил домой... Но домой он в ту ночь не вернулся — его арестовали при выходе из усадьбы... Было это летом 1908 года.

Арест Мити, конечно, неприятно поразил родителей, но не слишком их обеспокоил: кого же тогда не арестовывали! Всякий порядочный студент должен был хоть раз быть арестован: все лучшие друзья мои — дети самых почтенных и благонамеренных родителей — Сережа Сольский, Маркуша Вольфсон, и даже сам благонамеренный Паншин — были арестованы и хоть недолго должны были «отсидеть»...

Митя был моложе (один из младших братьев) и арестован был позже, в 1908 г. — но это были еще все те же беспокойные годы... Митя в эти годы меньше других показывал свою «революционность»: никаких не было таинственных исчезновений и отсутствий, как это было у других, как например Сережа Богров, двоюродный брат (или, может быть, дядя), живший в семье Богровых, за которым репутация «настоящего революционера» в это время уже установиласьочно! Вот он, например, на простой вопрос — «куда идете, Сережа?», отвечал уклончиво: «по адресу». Непосвященные — но сочувствующие — переглядывались понимающие: «идет, мол, на конспиративную квартиру!» Сережа был социал-демократом — это знали все мы, впоследствии стал правоверным большевиком... И однако как раз он — «настоящий» — арестован не был ни разу!

В серьезность Митиного ареста не верил никто, хотя родителям, в особенности матери, он был неприятен — неприятно было видеть Митю не дома! Но Григорий Григорьевич твердо верил в свои клубные связи: он был членом Дворянско-

го клуба — единственным евреем, принятым в члены, а не только бывавшим там в качестве гостя — как иные богатые и именитые евреи — Бродские, например, и другие. В Дворянском клубе Григорий Григорьевич бывал ежедневно — даже дважды в день: среди дня — между завтраком и обедом — и вечером. Там он встречался со всеми «великими мира сего» — и губернатором, и полицмейстером, и начальником жандармского управления — и т. д. и т. п. Я хорошо помню, с какой уверенностью на следующий день после Митиного ареста он говорил, что беспокоиться нечего, что он сегодня же поговорит с Чихачевым* — Митя завтра же будет дома!

Однако Митя пришел домой не на следующий день... Не помню уж точно, когда именно это было, когда он вдруг оказался стоящим у обеденного стола, войдя неслышно в квартиру, без звонка — и всех нас этой неожиданностью как громом поразил! Было это уже тогда, когда кончились лагерные занятия — кончилось лето, и мы с Володей переехали с дачи в город и поселились в нашей «собственной квартире» — в тех двух комнатах (с общей столовой), которые нам, «молодым», выделили из своей большой, 8-комнатной квартиры Володины родители, когда из старого своего флигеля, где жили много лет, переехали в большой, только что выстроенный, шестиэтажный дом... К этой квартире из двух комнат собственно относилась и столовая, и отдельная кухня — т. е. это была первоначально отдельная квартира из 3 комнат, но когда Екатерина Яковлевна (мать Володи) предложила мне «уступить» в общее пользование столовую, с тем, чтобы хозяйство было общим — я согласилась с радостью, так как уже была на курсах, увлекалась занятиями, и домашнее хозяйство меня совершенно не интересовало!

Я проводила на курсах буквально целые дни — но к обеду бывала всегда дома — и к обеду уж сходились все!

За этими общими семейными обедами всегда бывал и Митя, и Сережа — и всегда Митя был весел, шутил и всех смешил... Так было и дальше, после его освобождения из-под ареста!

А после обеда наступал серьезный час: вся семья переходила в кабинет Григория Григорьевича, все устраивались поудобнее — Екатерина Яковлевна ложилась на диван — и у мужчин начинались разговоры на серьезные темы: бывало говори-

* В 1908 г. киевский вице-губернатор и старшина Дворянского клуба.

ли и о политике, и об общем положении вещей... Мненья, взгляды бывали разные — но никогда не было споров, таких ожесточенных горячих споров, какие мне случалось слышать, когда сходились ярые народовольцы с ярыми соц.-революционерами! Это были просто серьезные разговоры — хотя были и несогласия... Так было и относительно Столыпина: Григорий Григорьевич был об уме и способностях Столыпина очень высокого мнения и возлагал на него большие надежды... Митя соглашался с ним в этой оценке, но говорил, что именно потому-то Столыпин и опасен для России: все его реформы правильны и полезны в частности, но не приведут к тем глубоким переменам, к тому полному и крутому повороту — если не перевороту — который России нужен: он только затормозит его...

После этих разговоров мы расходились по своим комнатам, по своим делам, по своим развлеченьям...

Митя, говорят, был «картежником», т. е. любил играть в карты — и играл со своими друзьями-приятелями сверстниками и однокашниками — но я не помню, чтобы эта молодежь собиралась у него, в нашей общей квартире. Здесь собирались и играли только взрослые! Ведь кто в то время не играл в карты? Помимо клубов и серьезной игры — играли в каждом доме, в каждой семье! Даже в такой семье, как моя — Позняковы — у которой театр, чтение, выход новой книжки, толстого журнала, появление нового произведения современного писателя, русского или иностранного, стояли на первом месте — время от времени собирались друзья «повинтить»! В других семьях интересы были более «азартные»: играли в покер!

Но все же игра в карты далеко не была единственным развлечением Мити: я встречала его, например, у общих знакомых — в семье Трахтенберг, где «игра» была совсем другого рода: это была семья необыкновенно музыкальная — все члены семейства играли на разнообразнейших инструментах — рояли, скрипке — а одна из дочерей, Роза, испробовав все инструменты, остановилась в конце концов на арфе! Но и кроме музыки там было всегда весело и приятно — и Митя там был частым и желанным гостем! Помню, с каким восторгом там встречали его приход! А меня, сознаюсь, занимал вопрос — кому из двух младших сестер — скрипачке или арфистке — он отдаст предпочтение? Одну из них, самую младшую — по прозвищу Тордозка, а по имени Маня — я очень любила, очень с ней дружила и продолжала встречаться

и позже — уже в Петербурге, куда она приехала и где поступила в консерваторию... Розу я знала меньше — и меньше ей симпатизировала. Две старшие сестры — обе пианистки — Соня и Фаня хотя и больше подходили мне по возрасту — были в это время уже заняты — кроме музыки — другими интересами. Но Митю там любили все!

Освобожденье Мити из-под ареста казалось вполне естественным — хоть и запоздалым. Последствий этот арест за собой не повлек никаких — не было угрозы «суда и следствия», или исключенья из университета, как это бывало в других случаях... Все кончилось как будто вполне благополучно! Заключенье на Мите не отразилось никакого — он ничего не рассказывал, ни на что не жаловался, был по-прежнему бодр и весел — и все пошло по старому...

«ПАРТИЯ — ЭТО Я»

БОГРОВ

А. МУШИН*

Богров — до 25 августа 1911 г.

Начало сознательной жизни Богрова должно быть отнесено ко времени 1901—1902 гг., когда гимназистом пятого класса — Богров воспитывался в 1-й киевской гимназии — он сближается с наиболее развитыми товарищами, под влиянием которых вступает в организацию средне-учебных заведений, посещает самообразовательные кружки, знакомится с нелегальной литературой, участвует в практической деятельности (агитации, пропаганде, руководстве забастовками). В гимназии же определяются его политические воззрения. Он решительно отдает свои симпатии социалистам-революционерам и тогда уже оказывает им разного рода услуги.

Подполье научает его искусству конспирации. Приходится скрывать свою деятельность от жандармов и родителей, которых он очень любил и жалел. Родители — интеллигентные обыватели, чужды политике. И не раз деньги, дававшиеся Богрову на завтраки и на карманные расходы, шли в кассы организаций, о чем в семье никто не знал. Совершенно случайно родители узнали о его неблагонадежности, чему, впрочем, веры не придали. Во время поездки за границу у него жандармы произвели обыск, хотя ничего не нашли.

В мае 1905 года Дмитрий Богров окончил с отличием гимназию и осенью поступил в киевский университет вполне сформировавшимся социалистом-революционером.

Студенческое движение интересовало его мало, в университет он являлся только экзаменоваться. Во время забастовок собирался не один раз выступать, но лишь раз удалось говорить в другое время болезнь и отлучка не дали ему этой возможности. На студенчество он смотрел только, как на арену для агитации.

* А. Муши «Дмитрий Богров и убийство Столыпина». Предисловие В. Л. Бурцева, Париж, 1914, стр. 128—151.

А. МУШИН — псевдоним. Настоящее имя точно неизвестно. По одним источникам — Фридберг, по другим Сергей фон Вендрин, он же Федоров-Забрежинский. В книге несомненно использованы материалы, вывезенные из России Владимиром Богровым, который в 1912—1914 несколько раз ездил к своему отцу в Германию и Францию.

Однако, ввиду беспокойного времени, в октябре 1905 года, родители увезли его в Мюнхен, где, поселившись с братом, он отдался целиком чтению книг. Здесь он с интересом изучал и практику рабочего движения.

Когда начались погромы, он телеграфно умолял родителей дать ему возможность получить отдельный паспорт, так как «он не может оставаться сложа руки за границей, когда в России избивают людей». Эта возможность, однако, ему дана не была.

В апреле 1906 года Богров отправляется в Париж. В июне в Висбаден и «Les Avants», где живет с родителями, а затем в августе того же года все вместе приезжают в Киев, и с этого времени Богров снова за с.-р-ской работой. Но ненадолго, так как в сентябре 1906 года уезжает опять в Мюнхен, где учится с братом в университете. Во время этой заграничной поездки он знакомится с анархо-синдикализмом и в конце ноября этого же года возвращается в Киев уже поколебленным в своих с.-р-ских убеждениях. Он скоро переходит к максималистам и с начала 1907 года к анархистам; анархистом он остается до самых последних своих дней. Осенью 1907 года, переутомившись, Богров серьезно заболел, но через три недели оправился и взялся опять за работу. Деятельность его скоро замечается охранкой, и в ноябре она делает у него обыск, но ничего, обнаруживающего причастность Богрова к революционной работе, не находит. Несмотря на это за ним началась отчаянная слежка; казалось, вот-вот его возьмут. Товарищи советовали ему уезжать. И рождеством 1907 года он уехал в Баку. В феврале 1908 года он вернулся в Киев и через некоторое время принялся вновь за работу, буквально не покладая рук.

Какова же была работа киевской группы в действительности, насколько Богров был в ней осведомлен и был в ней сам участником, видно из напечатанной им самим корреспонденции в № 3 газеты «Анархист». И так как Богров признавался главарями анархистов одним из виднейших и серьезнейших работников киевской группы, надо полагать, что изложенные в этой корреспонденции принципы, на которых зиждилась киевская работа, были приняты не без его влияния.

В отношении взглядов киевских анархистов на экспроприации можно смело сказать, что точка зрения на них Богрова, после упорной борьбы с мнениями других товарищев, в конце

концов победила. И такие явления, как грабеж у трамвайных пассажиров двух рублей 50 коп., которые тут же тратятся на извозчика, с бешеною силой увозящего экспроприаторов, более не повторялись, как не повторялась и индивидуальная дежежка экспроприированных денег.

«В настоящей заметке, писал Богров в своей корреспонденции, я намерен выяснить те принципы и основные положения, которым стремились следовать работавшие товарищи в Киеве, осветить внутренний процесс организации киевских а.-к., не останавливаясь на положении местной хроники движения, не перечисляя временные неуспехи и систематические неудачи, которые выпадали на нашу долю.

«Практика революционной работы выдвинула целый ряд вопросов, требовавших немедленного разрешения. Среди них первое место занял вопрос об отношении к экспроприациям. Киев не представлял исключения из других южных городов. В нем также оперировали группы экспроприаторов, употреблявшие деньги на наличные нужды своих членов и прикрывавшиеся именем анархизма. Даже в среде более или менее идейной, из которой впоследствии вышли энергичные работники, развился чрезвычайно дух «компромисса».

«Совершившие экспроприацию выговаривали на свои личные нужды известный процент с экспроприированных денег и т. д.

«Анархисты-коммунисты Киева категорически отвергли всякое содействие к улучшению материального положения товарищей путем денежных экспроприаций на том основании, что такая экспроприация есть ничто иное, как переход денег от одного собственника к другому и что она не имеет никакого революционного значения.

«Все члены Киевской группы заранее отказались от пользования экспроприированными деньгами на личные нужды, предназначая их исключительно в распоряжение группы для продолжения и расширения деятельности.

«Затем Киевской группе пришлось остановиться на анализе тех оснований, которые побуждали отдельные группы рабочих, обыкновенно в момент обострения экономической борьбы, обращаться к ней (к группе) с просьбой об изъятии того или иного представителя или доблестного защитника капитала. Рассмотрев подробно этот вопрос, группа пришла к тому выводу, что такие обращения за «услугами» (иногда даже ради личной мести) носят исключительно утилитарный характер, что в тех случаях, когда после террористических выступ-

лений следовало увольнение рабочих, закрытие предприятий и пр., та же самая масса, в которой отзывчивые товарищи готовы были видеть друзей анархизма, немедленно обращались в его врагов, что наконец некоторые акты такого экономического террора не являются такими террористическими выступлениями, которые наиболее разрушающе действуют на современный строй и наиболее развиваются социально-революционное движение,— на основании всего этого группа решила принимать участие лишь в таких актах экономического террора, которые не идут вразрез с задачами анархического движения и его тактическими приемами.

«По вопросу об отношении к профессиональному движению группа приняла способ воздействия на него извне, не входя в его профессиональные союзы членами, на том основании, что борьба за лучшие условия продажи трудовой силы лежит вполне в сфере современного буржуазного общества, что она не является революционно-насильственной борьбой рабочего класса, направленной на уничтожение власти и капитала. Наконец в вопросе о терроре Киевская группа отказалась от классификации его на «мотивный» и «безмотивный», считая, что всякий акт классового революционного протesta достаточно мотивируется всем укладом современной буржуазной жизни.

«Поэтому при выполнении того или иного террористического акта, направляемого против класса эксплуататоров,— представителей власти и капитала — приходится его рассматривать только лишь с точки зрения классовой целесообразности в данный момент.

«В феврале состоялся процесс в киевском военно-окружном суде по делу о киевской группе ан.-ком., были приговорены: Исаак Дубинский и Наум Тыш к 15 годам каторги, Герман Сандомирский к 8 годам каторги, Ульяна Кравец, Берта Скловская и Хана Будянская к 8 месяцам тюрьмы, Эдгар Хорн (он же Эндель Шмельте) к 5 годам 8 месяцам каторги, Петр Лятковский к 2 годам тюрьмы. Ксения Терновец была оправдана.

«Ульяна Кравец, Берта Скловская и Хана Будянская сейчас же после приговора были освобождены, вследствие зачета предварительного заключения».

Богров за этот период — с весны 1908 года до осени — работал усиленно. Переутомившись, он хватался за голову, жалуясь на рассеянность, на слабую работу памяти. Товарищи убеждали его делать передышки, но тщетно. С видом загнанного волка он продолжал работать, со дня на день откладывая отъезд «на поправку».

В это время и случись беда. Ночью, на площади перед городским театром его арестовали, а в квартире был произведен Кулябкой обыск, ие давший никаких результатов. Это было в ночь на 10 сентября 1908 года (замечательная игра судьбы: катастрофа 1911 года произошла в том же месяце, в том же часу и в том же месте). В участке он просидел около трех недель и в конце сентября был освобожден после усиленных хлопот отца перед высшей администрацией.

Однако, после своего освобождения, Богров все время боялся показываться в людных местах, в особенности на вокзалах. Его беспокоила мысль, не держит ли его охранка «для разводки», и у него не было уверенности, что его не возьмут снова. Он заметил, что слежка за его домом продолжается.

Вскоре положение Богрова еще более осложнилось. Освобождение его вызывает против него со стороны некоторых товарищ, находившихся в тюрьме, усиленные подозрения в... провокаторстве. Богрова это страшно тяготит. При одиом свидании с редактором «Черного Зиамеи» он жалуется ему на мольбу о прикосовенности его к охране. И хотя, по правилам коиспирации, освобожденный должен скорее удирать из места, где был арестован, Богров откладывает свой отъезд до того времени, пока товарищи не снимут с него подозрения, которые и рассеиваются после взаимных объяснений. В тюрьме состоялся товарищеский суд, совершившио оправдавший Богрова от всяких подозрений и призвавший слухи о нем вздорными. Резолюция суда была передана Богрову.

Вскоре, в октябре того же года Богров уехал за границу по паспорту, полученному помимо охраниого отделения, с разрешения вице-губернатора Чихачева. Богров направился сперва в Мераи, с матерью, для поправления здоровья, к этому времени расстроившемуся окончательно, а затем поселился в Лейпциге, где готовился к университетским экзаменам и наряду с этим не забывал революционного дела. Последнее заставляло его жить подолгу в Львове, о чем родители ничего не знают. Последия его поездка в Львов датируется с 4 по 20 декабря 1909 года. Два раза он наезжал и в Россию.

В январе 1909 г. Богров из Лейпцига уезжает в Париж и проводит здесь остаток зимы. Целью его поездки сюда является отчасти желание окончательной ликвидации взвешенных на него в Киеве подозрений. Он привез с собой резолюцию суда с намерением напечатать ее в одиом из аиархистских органов. Однако после некоторых разговоров с видными аиархистскими работниками и редактором «Аиархиста», быв-

шими в то время в Париже, решено было эту резолюцию не печатать, так как, по их мнению, это была бы не ликвидация, а раздувание в сущности ничтожного дела. Товарищи убедили Богрова, что о его деле знает только десяток лиц, и те считают его дело настолько пустяшным, что не придают ему ровно никакого значения, а если бы он настоял на напечатании резолюции, то о деле узнали бы все, и тогда, как бы история ни была ликвидирована, какой-нибудь скверный осадок все-таки остался бы, как всегда в подобных случаях. На этом и было покончено.

В Париже Богров, кроме разговоров по своему делу, имел очень частые беседы с товарищами и на другие темы. В разговоре с редактором одной из анархистских газет он, между прочим, затронул вопрос и о терроре. И тогда он признавал необходимость центрального террора, и на замечание редактора, что, как бы к террору ни относиться, у анархистов нет для центральных актов подходящих людей (Богрова он считал подходящим, но других таких почти никого не знал), Богров ответил, что все-таки убить Николая или Столыпина нужно.

Весной того же года — в начале мая — Богров возвращается в Киев и продолжает готовиться к экзаменам. С товарищами боится встречаться, так как в то время свирепствует неимоверная провокация и провалы. Он узнает, что среди киевских бывших его товарищей страшная деморализация, ни на кого нельзя положиться, группы разгромлены и их пришлось бы снова собирать.

С этого времени он уходит от партийной деятельности и живет обычательской жизнью обычновенного молодого человека его положения. Он не чурается и чуждых ему сфер, наоборот, интересуется людьми и жизнью, стоящими слишком далеко и от его настоящего, и от его идейных взглядов. Вот почему Богрова можно было встретить в часы досуга и в таких зачумленных для каждого порядочного человека местах, как союзнические клубы: «Коммерческий», «Охотничий», «Домовладельческий».

Здесь он встречал, быть может, и тех, кого одурачил 1 сентября, и тех, кто взял на память по куску веревки в ночь на 12 сентября. Нет сомнения, что в подобных местах он не проявлял ни своих симпатий, ни убеждений: он шел наблюдать и развлекаться. Но вся эта бессодержательная жизнь и своего и постороннего круга не могла его, само собою разумеется, удовлетворять, и когда первый интерес к ней пропал, он уже стал тяготиться ею.

24 июня, в письме к одному из своих друзей, он, между прочим, говорит об этой полосе его жизни. «Я не понимаю, как я так долго мог жить в чуждой мне сфере. В этом отношении мое несчастье именно в том, что я слишком приспособляюсь ко всякой обстановке. Это хорошо и удобно, когда есть своя особенная, отдельная для всех закрытая жизнь, но это разворачивает тогда, когда живешь без жизни».

В сентябре Богров держит предварительные экзамены и готовится к окончательным. Жизнь для него в Киеве становится все тяжелее и тяжелее, осложняясь личными неприятностями.

«Я не могу тебе описать,— пишет он своему другу 5 октября,— всех неприятностей, которые меня доводили одно время до бешенства: да и вообще, что за охота жить со связанными руками, для меня это не жизнь. Правда, уехать из Киева я мог бы еще месяц тому назад и даже за границу, но, во-первых, это было бы сопряжено с отложением экзаменов на май 1910 года и, следовательно, разрыв с Киевом опять отложится...» Затем Богров пишет о второй причине невозможности уехать из Киева, о которой мы упоминали уже раньше (нежелание лишать содержания ни одного из пенсионеров отца). Поэтому, пишет он далее, «я отказался от мысли о поездке. Теперь для меня, следовательно, осталось одно — кончить во что бы то ни стало в декабре и этим развязать себе руки...».

О планах Богрова на будущее (как далеки они были от тех, которые потрясли 1 сентября 1911 года всю Россию!) он говорит тому же лицу в письме от 8 декабря.

«... Ты спрашиваешь, что слышно у меня, что я думаю делать по окончании и т. п. Теперь я более или менее уверен, что благополучно пройду экзамены и к концу февраля буду свободным гражданином, имеющим повсеместное право жительства. Вопрос, куда приткнуться. Вопрос, конечно, не из легко разрешимых. Очевидно, что легче всего устроиться где-нибудь в глухи, но не в каком-нибудь болоте Евр. России, а в столице Сибири... Но затруднения возникают в следующем отношении. Раз едешь в такую чертову даль, то надо там и самостоятельно стать на ноги; между тем университет выпускает меня без всяких практических сведений и я первое время буду довольно бесполезным членом адвокатского сословия. Интересно приехать туда уже готовым юристом. Возможно, что я на будущий год именно с этой целью поеду в Москву, там у меня есть юридические родственники, а уже потом устремлюсь на Восток. Вот как вырисовывается моя биография...»

В феврале 1910 года Богров кончает университет, а в апреле этого же года, покончив с воинской повинностью, от которой он по близорукости был освобожден, и приславшись 3 апреля к присяжному поверенному Крупнову помощником, уезжает в Петербург, так как здесь знакомый его отца через последнего предлагает Богрову место в обществе для борьбы с фальсификацией пищевых продуктов.* Кроме того, в Петербурге положение адвоката-еврея благоприятнее, нежели в Киеве или даже в Москве.

Здесь он превращается в трудящегося чиновника. Прекрасно владея французским, немецким, английским языками, он, помимо обязанностей службы, занимается переводом иностранного законодательства на русский язык (труд, который был им представлен факультету и за который он был награжден кандидатским дипломом первой степени). Но главное его занятие не переводы и не служба, а просиживание часами в суде. Вот письмо, как раз трактующее о его занятиях в Петербурге и о будущих перспективах.

«Расстался я с Киевом,— пишет он,— без всякого сожаления, немедленно после окончания экзаменов и освобождения от воинской повинности. Теперь наконец у меня развязаны руки, хотя должен сознаться, они довольно нелепо болтаются по обе стороны моего организма. Думаю заниматься уголовными делами. Попечительное правительство все равно не даст свидетельства на право ведения гражданских дел. Интерес у меня именно к криминалистической деятельности громадный. В последнее время я ежедневно по несколько часов высаживаю в суде в качестве слушателя. Но хотя и были возможности, не решался еще выступать в ответственной роли защитника...»

К службе своей Богров относился иронически, не считая ни ее, ни самое общество, в котором он служил, серьезными. Но все-таки это был заработка и, кроме того, служба давала ему возможность иметь дело с высшими представителями «сильных мира сего», а это его интересовало как возможность встретиться с ними лицом к лицу. Перед Богровым проходили, как в калейдоскопе, графы Бобринские, Коковцевы, Столыпины, не подозревавшие, что молодой изящный секретарь их

* Точное название учреждения, в котором Богров с апреля по ноябрь 1910 г. занимал должность помощника секретаря: Комитет по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов при Санитарно-техническом институте. Секретарем комитета и, одновременно, директором института был родственник Богрова Семен Леонидович Рацкович; на его квартире (Невский проспект, 23) располагались и институт, и комитет.

бюрократического комитета — их злейший и убежденнейший враг.

Помимо названных занятий, в стремлении своем как можно скорее прочно встать на собственные ноги, к середине периода его петербургского пребывания он стал строить и различные коммерческие проекты.

«... Довольно прочно я засел в Петербурге, — пишет он об этом времени. — Работаю очень много. Влез в миллионы самых разнообразных комбинаций, которые пока очень слабо питаю меня, но когда-нибудь это будет «что-нибудь в особенности». Имею в день только 2—3 часа, когда мне никто не дурит голову и я совершенно одинок, это часы моего адвокатского приема...»

Вообще же на досугах Богров проводил время в игре в карты, посещал театры, скачки и увеселительные места и т. п., любил проводить время и в обществе женщин. Впрочем, никто из его петербургских друзей не может удостоверить, чтобы его развлечения походили на разгул, ни даже на широкое кутежничество. Правда, бывало временами он увлекался карточной игрой и проигрывался настолько, что ему приходилось иногда прибегать к кредитным комбинациям. Но вообще получаемого на службе содержания и присыпаемых родителями 75 р. в месяц ему совершенно достаточно было на свою личную жизнь.

Всем, кто интересовался причиной его отречения от политики, он давал ответы, что его это перестало интересовать. Правда, случайно ему пришлось раз-другой оказать кому-то какую-то услугу в области политики, но значение всего этого ничтожно.

Петербургская жизнь, однако, скоро утомляет его, и без того хрупкого человека, склонного к туберкулезу. По совету своего брата Владимира и по настоянию родителей он возвращается 22 ноября в Киев, прожив в Петербурге около восьми месяцев, с маленьким перерывом в июне, когда он на две недели отлучился в Москву.

«Петербург порядочно подкузьмил мое здоровье, — пишет он 1 декабря из Киева. — Почему — не знаю. — А так как какие-нибудь боли в спине или расстройство желудка прежде всего отражаются на психике, то я стал отчаянным неврастеником. Слава Богу, впрочем, что у меня остался еще целый запас фраз, которые можно сказать в том или другом случае жизни, и потому моя репутация «веселого малого», «хохмача» еще не окончательно подорвана. В общем же все мне порядочно надоело и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное, хотя и не цыганское это дело...»

Все его пребывание в Киеве проходит под тяжестью этого угнетенного настроения, которое чем дальше, тем больше томит его.

«Нет никакого интереса к жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни. И то, если моя практика это позволит. Тоскливо, скучно, а главное одиноко...», пишет он в письме от 13 декабря.

22 декабря он бросает Киев и отправляется за границу. Проводит всю зиму в Ницце, куда приезжают и родители; очень много читает, работает и учится; в свободное время играет в карты и пр., посещает Монте-Карло. Его настроение немного рассеивается.

Но вот однажды он проигрывает очень крупную для него сумму в 4000 фр. Этот проигрыш не только сильно подрывает его материальное положение, но и угнетает и заставляет снова и снова оглянуться вокруг себя и заняться более глубоким анализом своей жизни. Как он ни любил жизнь, но он все-таки чувствовал в ней после оставления анархистской работы такой пробел, который он ничем заполнить не мог и который теперь остро напомнил о себе, связавшись с общим вопросом о смысле жизни. Но никому о своих внутренних переживаниях, о своем самочувствии, он не говорит и внешне не показывает ничем, что в нем происходит борьба. Он только вскользь замечает, встречавшему его в Ницце товарищу, что его тяготит обстановка здешней жизни, что он с удовольствием бы ее оставил, если бы ему не надо было ее поддерживать, главным образом, из-за положения родителей.

В таком подавленном состоянии он возвращается с родителями в феврале 1911 г. в Киев. Родители настояли на том, чтобы он и оставался в Киеве. Здесь он ведет такой же образ жизни, как и в Ницце, но, кроме всего, занимается еще кропотливым адвокатским трудом; по-видимому, очень тяготится своим бесправием, однако креститься не хочет «принципиально», по его же словам. Угнетенное состояние этим усиливается, но главное, что терзает его душу — это все также неудовлетворенность жизнью.

22 июня 1911 г. Богров уезжает с родителями на дачу под Кременчуг, в «Потоки» (6—8 час. от Киева), где проводит время до 5 августа, когда вместе с родителями же возвращается в Киев.

12 августа родители его уезжают за границу, и только материнское сердце учудяло в сыне что-то смутно-беспокойное, неопределенного-гнетущее.

— Митя, так ничего не случится? Могу я ехать спокойно?
— Да что это тебе, мама, все кажется. Конечно, можешь.

Родители уехали. 17 августа уехал в Петербург и старший брат Богрова, Владимир.

18 августа отец получил от Дмитрия длинное деловое письмо, детали которого могли только укрепить его в уверенности, что дома все благополучно.

«Дорогой папа,— пишет Богров.— Вчера дом опустел. Уехали Володя и Вера. Впрочем, за последние дни я так забегался, что почти их не видал. У меня есть комбинация, по поводу которой я хотел тебе даже телеграфировать, но потом предпочел написать. Дело в следующем. Через близко знакомого газетного сотрудника М. я познакомился с некоторыми инженерами Гор. Думы. Один из них берется устроить большой заказ на водомеры на 12500 руб., но при этом, конечно, требует куртаж в размере 400 рублей.

При этих условиях на долю мою и моего компаньона остается по 900 рублей заработка. Как назло, Ш. нет в Киеве. Риска в настоящем деле нет никакого, но требуется деньги передать в трети руки. Право выбора лица предоставлено мне с согласия, конечно, инженера. Я предлагаю сделать следующее: 400 р. передать NN. (кроме того, что он вообще безусловно порядочный человек, он держит деньги на текущем счету N. и таким образом без него получить их не может). М. выдает мне расписку, по которой обязуется через 6 недель вернуть деньги мне, или же, если в течение этих 6 недель заказ будет сделан городом по определенным в прейскуранте ценам, выдать их инженеру. Если заказ будет сделан на меньшую сумму, то куртаж уменьшается пропорционально. Денег я не хочу передавать Л., ибо нужно избегать огласки. Я надеюсь, что ты, папа, согласишься на это и поверишь моей опытности. По этому делу ответь телеграфом.

Неприятный сюрприз произошел на следующий день после твоего отъезда — принесли повестку по делу П. Заседание назначено на 19 сентября. Я повестки пока не принял, а отправился в суд, но, увы, отложить дело никак нельзя. Думаю, что лучше всего будет написать П. о присылке другой доверенности, или же, если считать это удобным, напиши К., может быть он согласится доверить твою подпись на передоверие.

Дома все в порядке. Р. внес деньги в Общ. Вз. Кред., извинялся за опоздание и выражал полную готовность внести за следующий срок на месяц раньше. Ф. тоже перебрались. Страшно нудят со всякой мелочью. Успокой маму насчет билетов. От дедушки было письмо и перевод т. Маше 300 р.

Новостей больше никаких.

Целую крепко. Митя.

P. S. Целая история из-за ванны у Р. М-м Р. настаивает на белой эмалированной ванне. О поставленной же слышать не хочет, боясь заразы, так как ванна от И. Идиотка страшная. Можно ли ей предложить поставить свободную медную ванну?»

На самом же деле Богров работал над своим замыслом, и к 25 августа последний уже созрел.

Приближался момент его реализации.

Г. САНДОМИРСКИЙ*

«Был ясный сентябрьский день 1907 г.— один из тех прекрасных, подернутых легкой дымкой тумана, дней, которыми так богата южная осень. В условленном месте, в одной из ниш университетского коридора, в Киеве, меня ждал Дмитрий — высокий худощавый, стройный молодой человек, с лицом без растительности, если не считать едва пробивавшихся усиков, с умными, карими глазами, вдумчиво смотревшими на окружающее сквозь стекла пенсне в черепаховой оправе. На нем была щегольская тужурка, узкие форменные рейтусы; свежий, высокий воротничок был обтянут форменным черным галстуком. С первого взгляда его можно было принять за «белоподкладочника», — академиста или «кадета» — два новых типа, усиливавших реакцию. Мы оба слышали друг о друге, но до сих пор нам не приходилось работать вместе.

«С первых же слов Дмитрий заговорил о состоянии дел в Киеве. Группа а.-к. с 1906 г. не могла оправиться от казней, арестов, высылок, обрушившихся на нее в таком изобилии. Если имелись кой- какие силы, они были разбросаны, не организованы. Из разных городов доносились известия о том, что под знаменем анархизма-коммунизма выступают темные элементы, ничего общего ни с анархизмом, ни с коммунизмом не имеющие. Бороться с этим явлением отдельным личностям невозможно. По мнению Дмитрия, нужно было бы объединиться в Киеве в одну сильную группу, которая, прежде всего, отмежевалась бы от всех сомнительных элементов и затем, рядом планомерных выступлений, широкой агитационной и пропагандистской работой, заявила бы о себе, как об организации людей, по праву присвоивших себе имя анархистов-коммунистов. Я только что приехал в Киев, и мне отрадно было узнать от Дмитрия, что кружковая работа не прекращалась даже в самые тяжелые для группы времена. Кружки каретников, булочников и др. были разгромлены, но

* Из статьи «Две смерти — две загадки», см. ук. соч. А. Мушина, стр. 91—100. Впервые эта статья, под псевдонимом автора Ан. Колосов, опубликована в журнале дореволюционной сибирской катарги «Тюремная мысль», впоследствии она легла в основу статьи Г. Сандомирского «К вопросу о Дмитрии Богрове», журнал «Каторга и ссылка», ки. 123, 1926, стр. 11—34.

Герман Борисович САНДОМИРСКИЙ (1882—?) — анархист-коммунист, после Октября перешел к большевикам, заведовал отделом Балканских стран Наркомата иностранных дел, в 1922 входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции. В 1936 арестован вместе с женой и бесследно исчез в сибирских лагерях.

отдельные лица продолжали работу. Мы обменялись всем, что знали о состоянии работы в России вообще, в киевской и ближайших губерниях в частности. Разговор перешел на анархистскую литературу. Взгляды Дмитрия ближе всего подходили к «Бунтарю» и «Буревестнику». Мы обменялись еще всеми, имевшимися у нас в Киеве связями и назначили время первого собрания новой группы. Дмитрий показал мне гектографический листок вновь образовавшейся харьковской группы а.-к. и предложил выпустить такой же листок и нам. В живом беспорядочном разговоре, в котором нам обоим хотелось излить все думы и переживания, накопившиеся на время «разгрома», прошло 2—3 часа. Мимо нас проносились оживленные группы студентов, обсуждавших университетские дела (времена были для университета бурные), открывались и захлопывались с шумом двери аудиторий, где в тот день состоялось несколько курсовых сходок. В коридоре становилось многолюдно и шумно. Вдруг сквозь дымку тумана проглянуло яркое солнце и озолотило верхушки деревьев в саду. Мы решили пройти в сад. Деревья роняли уже пожелтевшие листья, а аллеи сада были усыпаны ими. В первое свидание я расстался с ним на скамье университетского сада, ободренный и успокоенный. Дмитрий произвел на меня впечатление энергичного, преданного делу работника. Разговор почти не выходил из рамок тех вопросов, которые в то время волновали большинство русских анархистов. Дмитрий говорил живо, увлекательно, временами пересыпая свою речь блестками юмора, но не покидал делового тона и меньше всего производил впечатление фразера. «С таким не пропадешь», — радостно думал я.

Б. СТРУМИЛЛО*

После смерти Богрова 11 сентября 1911 г., в «Будущем», издававшемся Бурцевым в Париже, появляется ряд статей о Богрове. В № 9 в статье «Богров и дело 1 сентября» от 17 декабря 1911 г. говорится, что редакцией получены из России сведения о деле Богрова. Один из корреспондентов настаивает на пересмотре вопроса о том, служил ли Богров в охранке. Факт получения билета из охранки, по его мнению, еще ничего не говорит... Другие корреспонденты удостоверяют факт служения Богрова в охранке, но указывают, что роль его там была совершенно своеобразная. Бурцев рассказывает, что Богров был арестован в Киеве в половине 1908 года — ему грозила долголетняя каторга. Он согласился стать агентом охраны и был через две недели освобожден. Свобода была куплена ценою выдачи товарищей. Вся передряга отразилась на Богрове, он заболел, поехал почти на год за границу, потом вернулся в Киев, кончил университет, записался в киевскую адвокатуру; потом переехал в Петербург, где работал у прис. повер. Кальмановича.

Хотя первый арест Богрова был по делу соц.-рев., но он по своим убеждениям был анархистом-индивидуалистом. «Он поражал всех своим знанием, начитанностью, талантливостью натуры, горячими, глубокими революционными убеждениями, но в то же время все постоянно видели в нем спортсменские наклонности и вкусы. Это говорило о двойственности его натуры. Она у него и была двойственна. Как оказывается, он в одно и то же время жал руку и Кулябкам и Спиридовичам и в то же время страстно отдавался революционной борьбе».

Из дальнейшего можно увидеть, что сомнения к Богрову окончательно рассеяны, он — провокатор, сотрудник киевского охранного отделения. Помимо сообщений компетентных охранников в делах департамента полиции (в деле № 124-а департамента полиции, особого отдела «о покушении на жизнь господина министра внутренних дел П. А. Столыпина») находим телеграмму на имя директора департамента полиции помощника киевского губернского жандармского управления полковника Шределя от 2 сентября 1911 г.

* Из статьи «Материалы о Дм. Богрове». Журнал «Красная летопись», № 9, 1923, стр. 177—189, и № 1(10), 1924, стр. 226—240.

Борис Иванович СТРУМИЛЛО — до революции чиновник Петроградского отделения Государственного банка; после Октября профессор высших учебных заведений Ленинграда.

«Первого сентября во время антракта торжественного спектакля при высочайшем присутствии ранен двумя пулями браунинга председатель совета министров статс-секретарь Столыпин; врачи опасаются повреждения печени; преступник задержан; передан судебным властям. № 17900».

В нижнем правом углу телеграммы чернилами написано:

«Г. Директор приказал телеграфировать, что по сведениям полк. Коттена (нач-ка спб. охранки) — Богров был секретным сотрудником киевского охранного отделения». Того же 2 сентября 1911 г. директор департамента полиции Зуев шлет телеграмму в Киев товарищу министра (внутренних дел) ген.-лейтенанту Курлову:

«Л и ч н о е . По сведениям полковника Коттена, киевское охранное отделение в июле прошлого (1910) передало Петербург своего секретного сотрудника помощника присяжного поверенного Богрова, кличка «Олейников» Точка. Богров не дал никаких сведений в декабре прошлого года сношения с ним были прекращены, Богров уехал за границу, юг Франции, откуда январе обращался полковнику Коттену о высылке денег, последние были посланы, но возвращены банком за невостребованием».

В дополнение к своей телеграмме, о событии в Киеве 1 сентября, начальник киевского охранного отделения Кулябко сообщал о Богрове (Дело деп-та полиции, 7-го делопр., 1911 г., № 1902, о Дмитрии Григорьеве Богрове):

«Дмитрий Богров состоял сотрудником отделения по группе анархистов-коммунистов под кличкой «Аленский» с конца 1906 г. по апрель месяц 1910 г., когда он выбыл в Петербург . . .»

Справка же о Дмитрии Богрове гласит:

«В декабре 1905 г. в бытность студентом университета св. Владимира в Киеве, Богров, по агентурным указаниям начальника киевского губернского жандармского управления, доставил мещанину Фридману тюк с нелегальными изданиями, прося его распространить среди крестьян. О Фридмане было возбуждено дознание. В 1908 году, уже состоя охранником и принадлежа к группе киевских анархистов-коммунистов, Богров, при ликвидации (так назывались аресты на языке охранки) группы, был подвергнут обыску, но по безрезультатности такового арестован не был. По агентурным сведениям, Богров в мае 1909 г. получил из Парижа два письма, в которых его просили, если возможно, сообщить по телеграфу адрес для присылки нелегальной литературы, которая уже была отправлена в Россию и, кроме того, просили дать явку киевской группе . . .»

В своем показании следователю по особо важным делам Фененко Богров признает, что «он разъяснил» дело Мержеевской, подготовившей покушение на жизнь государя в 1909 г. Выданная Богровым и арестованная 11 октября 1909 г. в Киеве Мержеевская пробыла в заключении, подвергалась исследованию психических особенностей, и хотя дело о «покушении» было прекращено за недостатком улик, Мержеевская 28 ноября 1911 г., по постановлению особого совещания, была выслана в Якутскую область на 5 лет, как «изобличенная в принадлежности к образовавшейся в Париже автономной боевой группе, поставившей целью цареубийство».

В 1907 году Мержеевская-Любинская была за границей. Заведующий заграницено агентурою устанавливает за ней тщательное наблюдение. Выясняется, что Мержеевская играет крупную роль в партии соц.-рев. Это последнее обстоятельство подтверждается агентурными сведениями Богрова-Аленского, подробно сообщавшего жандармам 11 сентября:

«Сегодня в Киев из Севастополя приехала Мержеевская и остановилась в доме № 5 по Трехсвятительской улице. Мержеевская рассказала, что отколовшаяся от Центрального Комитета группа соц.-рев. командировала из Парижа в Севастополь отряд для совершения террористического акта против государя в день прибытия его в Севастополь. В состав этого отряда вошла будто бы и Мержеевская, которая должна была находиться в числе публики с букетом цветов со вложенной внутри него бомбой, предназначенней для метания во время высочайшего проезда. По ее словам, все было подготовлено вполне, но Мержеевская, прибывшая из Парижа в Россию через Александров, опоздала в Варшаве на поезд, не попав, благодаря этому, своевременно в Севастополь, почему упомянутый террористический акт не состоялся и был отложен. По ее же словам, она прожила в Севастополе трое суток в одной из лучших гостиниц по паспорту на имя француженки-певицы.

15 сентября Мержеевская переехала с квартиры Трахтенберга в гостиницу «Гранд-Отель», где прописалась по национальному паспорту на имя швейцарской гражданки Елены Люкиенс... Из Киева Мержеевская отправила в Париж на имя Розы Трахтенберг и Сарры Сперанской письма, из коих первое такого содержания:

«Дорогая Розина, конечно, я опоздала, так как надо было ехать в воскресенье. Из Варшавы не было других поездов, кроме как в 5 часов, пришлось ждать до следующего дня, а там я опоздала на поезд и осталась на станции. Три дня я провела в Севастополе в состоянии, не поддающемся

описанию. Я ничего не знала, никого не видела, ничего не понимала. Только на третий день я узнала, что поздно. Все было возможно и блестяще устроено, но я опоздала. Понимаешь ли, что-это значит, что это случай, судьба или моя вина. Какая безумная, проклятая сила портит и коверкает все в жизни. Сейчас я в Киеве у твоей матери. Что буду делать, не знаю. Пробуду здесь некоторое время и решу, как быть. Состояние анафемское — это понятно. Мысли путаются, в голове что-то нелепое — бессвязное: чувство только одно: я опоздала».

Во втором письме на имя Сперанской она сообщает, что все время провела в вагоне, что душевное состояние более чем отвратительное, и просит писать на имя матери Розы (т. е. Трахтенберг), Трехсвятительская, 5, для «Елены».

Приметы Мержеевской: лет 27—28, волосы беловато-серые, худенькая, среднего роста, прическа с пребором посередине, волосы стриженые, производит впечатление крайне нервной, экзальтированной женщины. Мержеевская имеет достаточные денежные средства, большую часть коих отдала на дело революции, причем предполагавшийся в Севастополе террористический акт был организован исключительно на ее средства. Мержеевская ожидает приезда в Киев какой-то революционерки, для коей хлопочет о нелегальном «чистом» паспорте. 13 сентября Мержеевская из Киева отправила в Петербург переводом по почте 50 рублей, адресовав в Политехникум, для некоей Таисы Львовны Хитрово. Можно предполагать, что личность, именующаяся Хитрово, та самая революционерка, для коей Мержеевская хлопочет о паспорте. 27 сентября «Юлия», она же «Елена», со дня на день ждет из Парижа денег и как только таковые получит, то немедленно поедет в Москву. Она имеет связь в доме № 89 по Владимирской улице, где живут Галкины, Глузман и Плеске (Галкина Малкина Ефимовна, 18 лет, ученица VIII класса, дочь купца, обыскана 12 октября 1909 г., Плесская, Любовь Ефимовна, 25 лет, студентка Парижского университета, замужем, арестована 12 октября 1909 г.).

30 сентября Юлия говорила, что ей непременно нужно поехать в Москву и там повидаться с «Лидой» (вольнослушательница С.-Петербургского института, дочь статского советника Таисия Львовна Хитрово) и еще с какой-то дамой. Говорила, что «Лида» ей пишет все письма и просит сто рублей, которые ей необходимы на поездку в Париж, и, между прочим, высказалась так: да, «Лида» пишет, что она нуждается в деньгах, причем разъезжает то в Москву, то обратно в Петербург, следовательно у нее деньги имеются.

«Юлия» часто посыпает в Париж телеграммы некоему Шерхтману, по всей вероятности, должнику, и в каждой телеграмме ему пишет о деньгах, а также она часто пишет в Париж знакомым, чтобы они торопили Шерхтмана высылкой денег в сумме 180 рублей. «Юлия», между прочим, заговорила о господине, который теперь пока с надежною квартирой устроился, и хотя эта квартира и времененная, но для него удобна, так как в доме № 89 по Владимирской улице есть всякая публика.

29 декабря в Киев на праздники из-за границы приезжал Поплавский (ученик музыкального училища) и 29 декабря уехал в Льеж в консерваторию. Он рассказывал об «Юлии» (Мережеевской) так: парижская эсеровская публика у нее забрала кто сколько мог денег на свои надобности под векселя и расписки 35 тысяч руб., вследствие чего она обеднела, а теперь почти каждый радуется тому, что она сидит в Петропавловке и их беспокоить за долги некому, и что она совместно с другими намерена была провести задуманные севастопольские планы, то это вне всякого сомнения. Уезжая из Киева, Поплавский обещал «Дмитрию» (Богрову) многое сообщить из Парижа.

Из этих сведений Алленского-Богрова с несомненностью устанавливается провокаторская деятельность Богрова. Он похищает письма, например, у Мережеевской, он дает адреса. Все, что слышит, он передает в охранку...

По его инициативе летят предписания, пишутся доклады, а, главное, производятся аресты, кончивающиеся катогрой...

Богров — охранник, это — факт, и напрасны были все изыскания его друзей, вроде Мушина в книге «Дмитрий Богров и убийство Столыпина» (Париж, 1914 год), пытавшегося представить Богрова каким-то волшебником, загипнотизировавшим Кулябко и при помощи «военной хитрости» обманувшим его вымыслом о террористах «Николае Яковлевиче» и «Нине Александровне», — все это было не так, — испытанный сотрудник был в Киеве перед очами Кулябко, Спириновича и Веригина.

Как, по каким мотивам сделался Богров провокатором, мы не знаем. Мы знаем лишь, что Богров охранник с конца 1906 или начала 1907 года.

Что побудило его, сына состоятельных родителей, поступить в охрану?

Из воспоминаний Ив. Книжника (№ 5 «Красной летописи») мы знаем, что Богров еще гимназистом находился под влиянием А. С. Гольденвейзера, человека прогрессивного. В доме его отца бывали жандармы. За карточным столом,

рассказывает И. Книжник, отец Богрова просил за арестованного автора, тогда репетитора родственников Богрова. Не тут ли, не в этой ли обстановке карточного азарта был Кулябкой причислен к охранке юноша? Мы знаем, что Богров в показаниях упоминает, что выдавал анархистов, видя в них прежде всего грабителей, думающих лишь о себе. Не о том ли говорили жандармы, сидя за карточным столом, об этих экспроприаторах, на жандармском языке только «грабителях»? Богров служил «честно» охранке в Киеве. Все, что знал или слышал, он сообщал, и притом не только об экспроприациях, но и таких идеальных людях, как Мережеевская, у которой он выкрадывал письма и представлял их начальству. Выданные им анархисты шли на каторгу, а он, изредка заходя в охранку, исправно получал 150 р. в месяц, которые тратил «на жизнь». Какую — ясно из его показаний: карты, кафе-шантаны. Упоминание Регины, через которую он может получить билет, говорит, что Богров мог знать эту среду хорошо.

Если Богров не был завербован Кулябко в доме отца, то после первого же ареста в 1908 году стал сотрудником охранки. Он был ценным сотрудником — это видно по его «работе».

По описаниям знативших его у него была характерная черта: умел носить маску, лгать, и в этом был талантлив. Умел производить впечатление. Киевский жандармский генерал Иванов говорит про него: «Это один из самых замечательных людей, которых я встречал. Это удивительный человек...»

К тому же Богров был типичный неврастеник. Особенно это видно на портрете. Захваченный мутным потоком охранки, он пытался оставить свое гнусное занятие. К тому же назревало дело о провокации, но возможность свалить на других провокаторов, защита Сандомирского и, в частности, И. Книжника отвратили на время опасность.

Почему Богров решил убить Столыпина? Над ним был приговор, сообщенный анархистами, и Богров придумывает нелепый план, с которым идет к Кулябко.

Итак, Богров — провокатор, после разоблачения вместо самоубийства кончивший убийством Столыпина.

И. ГРОССМАН-РОЩИН*

Помню его таким: высокого роста, худой, на щеках разлит румянец — но не производит впечатления физического избытка, скорее румянец чахоточного. Этот румянец придает характер болезненной моложавости. Губы чуть отвисают, открывая выступающие, чрезмерно длинные, передние зубы. Небольшой лоб хорошо сформирован. В лице — нет движения. Оно недоуменно застыло... Говорят: Богров — весельчак, Богров искрится остроумием. Ни разу он на меня такого впечатления не произвел. Наоборот. Казалось, что этот человек никогда не знал простой радости, не знал «глупого» счастья, не изведал приступа буйства жизни... В душе была осень, мгла... Был ли Дмитрий Богров романтиком? Нет. В нем жило что-то трезвенное, деляческое, запыленно-будничное, как вывеска бакалейной лавочки... Я очень легко себе представляю Богрова подрядчиком по починке больничных крыш, неплодохим коммивояжером шпагатной фабрики... И он бы серо и нудно делал нудное дело. Но точно так же представляю себе и такой финал: в местной газете, в отделе происшествий, появляется петитом набранная заметка: «в гостинице «Мадрид» покончил самоубийством коммивояжер шпагатной фабрики Д. Богров. Причины самоубийства не выяснены...»

Да, романтика Богрова — если о ней можно говорить — то только как бы против нудной обыденности и смертносной «обнаженности», что жила в нем и грызла его. Я ни разу не видел Богрова просто веселым, радостным, упоенным предстоящей борьбой и риском. Я помню Богрова оживленным только тогда, когда он острил... А острить он любил. Но было нечто своеобразное в этих остротах. Казалось, дайте Богрову сырой материал мира, и он все построит по образу и подобию парадоксальной остроты.

Помню, это было в Киеве, в гостинице «Лувр». В моем номере сидел Богров. Он излагал план издательства. Постучались. Вошли студент и молодая девушка. Они вручили записку от товарища — я вспомнил, что мне уже говорили об этих товарищах, собирающихся вести анархическую работу в де-

* Из статьи «Дмитрий Богров, убийца Столыпина». Журнал «Былое», № 26, 1924, стр. 152—158.

Иуда Соломоевич ГРОССМАН (1883—1934), псевдоним РОЩИН — один из трех братьев — известных анархистов. Революционную деятельность начал социал-демократом, затем перешел к анархистам-коммунистам, после Октября к большевикам. В мае 1919 командировался Москвой в Гуляй-Поле с целью склонить Махию к выступлению против восставшего атамана Григорьева.

ревне, но они ставят условием — помогать им литературно и агитационно, главным образом в духе антирелигиозной пропаганды. Студент был какой-то «вдохновенный юноша», похожий на Надсона, с некоторым уклоном в парикмахерскую «красивость». У таких «революционеров» к тридцати годам почти всегда оказывается состоятельная тетка, которая изумительно вовремя умирает и еще более кстати оставляет небольшой капиталец, который дает возможность открыть химическую лабораторию, а позже — магазинчик парфюмерных изделий. А девушка, серенькая, незаметная, как будто бы только и озабочена тем, чтобы еще больше сжаться и свернуться, сейчас же стала излагать свою теорию. Убежденно нападала на «мещанство» экономического материализма, не знающего, что сознанием и только сознанием определяется бытие. Что только на фундаменте религиозного сознания масс держится весь строй эксплуатации и насилия. Убейте в сознании трудового крестьянства идею бога, и никто и ничто не поработит их фетишам закона собственности. Заявился спор. Богров сосредоточенно, внимательно слушал девушку. Его поразил этот душевный подъем, сосредоточенная вера и подлинная, внутренняя насыщенность. Он возражал. Вяло. Неумело. Товарищи ушли. Богров был мучительно угнетен. И мне показался он просто в чем-то несчастным, одиноким человеком.

... Я выбираюсь из Киева... Я в Умани... В Варшаве... Граница... Берлин... Прошло два года. В Париже я получаю письмо от Дмитрия Богрова — не то из Дрездена, не то из Мюнхена.

С Богровым я встретился в Париже. Он был все тот же. Внутренне безрадостный, осенний. Он по-старому — жутко острил. Подозрения то возникали, то опять исчезали... Дмитрий Богров не делался от этого ни более осенним, ни более «остроумным».

Что побудило Дмитрия Богрова на покушение?... — Кто скажет?.. Может, надоело «острить»? Может, ключом послужат следующие строки из письма:

«Нет никакого интереса в жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни. И то, если моя практика это позволит. Тоскливо, скучно, а главное, одиноко...» (См. брошюру А. Мушина).

Может, Дмитрию Богрову не только надоели тщетные попытки заполнить внутреннюю пустоту?.. Может, им двигало и нечто другое? Ведь Богров — в этом я убежден — презирал до конца хозяев политической сцены, хотя бы потому, что великолепно знал им цену... Может быть, Богрову захоте-

лось, уходя, «хлопнуть дверью», да так, чтобы нарушить покой пьяно-кровожадной, дико-гогочущей реакционной банды? ..

— Не знаю ...

П. ЛЯТКОВСКИЙ*

С Богровым, или с «Дмитрием», как его называли в товарищеской среде (кажется, так звали его и домашние), я познакомился в январе 1907 г. Встречался в стенах Киевского университета, где он тогда состоял студентом по юридическому факультету, который и окончил, а также вне стен университета, на нелегальных собраниях того времени.

Наши взаимоотношения не были тесно-дружескими, а сталкивались мы довольно часто на общей политической работе, и потому эти отношения носили характер в большинстве случаев исключительно деловой.

Впервые о роли его как агента киевской охранки пришлось мне услышать в сентябре 1907 г., когда я вернулся назад в Киев из Петербурга после шестимесячного пребывания в предварилке. Перед моим приездом в Киеве был арестован тов. «Бельгиец», он же «Михаил», вместе с рабочими на одном нелегальном собрании. Был ли на этом собрании Богров, я не помню, но в связи с этим провалом он был арестован и, просидев в одном из киевских полицейских участков 2—3 дня, был выпущен. Вот этот-то тов. «Бельгиец» в одном из своих писем к нам, находящимся на воле, сообщал, что, по его глубокому убеждению, Богров — провокатор. Какие основания приводил «Бельгиец», я не помню. Это известие дошло и до Богрова.

Специального расследования по этому вопросу никто не вел, и вопрос о его провокации как-то сам по себе отпал, не оставив никакого следа, тем более, что Богров отнесся к этому довольно спокойно.

Во второй раз лично для меня этот вопрос вновь появился уже в киевской тюрьме («Лукьянковке»), когда я находился там под следствием. В одной камере со мной находился мой сопроцессник Наум Тыш. Он как-то раз, получив письмо от жены (понятно, я говорю о письме, шедшем нелегальным путем), сообщил мне, что Богров — провокатор. На вопрос мой, какими он располагает данными, ответил, что, с одной стороны, — как его жена, так и все заграничные товарищи, на основании имеющихся у них данных, убеждены в причастности Богрова к охранке, а с другой стороны, он, Н. Тыш, подводя итог всему нашему провалу, приходит также к

* Из статьи «Нечто о Богрове». Журнал «Каторга и ссылка», кн. 123, 1926, стр. 35—49.

П. ЛЯТКОВСКИЙ (псевдоним «Петр») — университетский товарищ Д. Богрова, киевский анархист-коммунист.

такому же заключению, ибо день его выезда из Киева Богров знал, да кроме того все явки в пограничной полосе для нелегальной контрабанды, сообщенные им Богрову, стали известны киевской охранке.

Помнится, я отнесся к этому крайне осторожно и просил Тыша не подымать пока никакого шума, а просить лишь товарищей, находящихся на воле, возможно детальнее все это расследовать. Тыш со мной согласился.

Вскоре, однако, наш коридорный староста получил письмо от двоюродного брата Богрова, с.-д. меньшевика «Фомы», с просьбой выяснить, в чем, собственно, обвиняют «Дмитрия». Помню, староста обратился к Науму Тышу и ко мне. Лично я указал на Н. Т., от которого исходят эти сведения. Вслед за письмом «Фомы» была получена записочка и от самого Богрова, к кому она была адресована, не помню.

Эти два письма послужили основанием собраться в одной из камер нашего коридора всем, работавшим с Богровым еще на воле. На этом совещании было товарищей 10—12. После довольно бурного обмена мнениями, где Н. Т. категорически выступал в роли обвинителя, была вынесена какая-то туманная резолюция, которая и была переслана на волю. Эта резолюция, как я потом узнал, ничуть не удовлетворила ни «Фому», ни самого Богрова. И, видимо, они стали искать другие пути для оправдания.

Наконец, в третий и последний раз о провокаторской роли Богрова пришлось мне услышать от другого моего сопроцессора Шмельте-Херна. Он в категорической форме сказал мне, что сомнений нет никаких в провокаторстве Богрова. Это уже было после нашего суда, в 1909 г., когда была арестована тов. «Роза» с некоторыми другими товарищами, которые, будучи на воле (особенно тов. «Роза»), постоянно сталкивались с Богровым. Тов. «Роза» в своей тюремной переписке с Ш. выставляла ряд доказательств. Что это были за доказательства, Ш. мне не передавал.

Таким образом, лично для меня ко дню моего выхода из Лукьяновки 19 февраля 1911 г. было ясно, что Богров имеет уже запятнанную политическую репутацию: его честь как политического работника под большим вопросом. Мне казалось странным — почему же нет на страницах нелегальных партийных органов об этом официального сообщения. Не желая терять своей связи с товарищами, я, несмотря на то, что знал адрес Богрова, все же не заходил к нему на квартиру, чтобы навести справки о нем.

Однако моя случайная встреча в одном из трамваев с «Фомой» изменила ход моих мыслей и мое решение. «Фома»

от своего имени и «от имени «Дмитрия» просил меня убедительно зайти к последнему: «Дмитрий», по словам «Фомы», узнав о моем выходе из Лукьяновки из газет, хочет со мной повидаться, поговорить, но найти не может. «Что же, зайду, раз Богров этого хочет. Только надо быть настороже», — мелькнула у меня мысль. И тут же я вспомнил, что кто-то из тов. (чуть ли не Н. Тыш) в одной из своих тюремных записок ко мне предлагал повидаться с Богровым и о своем впечатлении сообщить ему.

Я пообещал «Фоме» зайти и обещание исполнил. Действительно, в первых числах марта 1911 г. я в штатском костюме позвонил в квартиру Богрова на Бибиковском бульваре, д. № 1. Дверь открыла мне горничная, которая не сразу поняла, кого я хочу видеть. В комнату, которая служила чьим-то кабинетом, одновременно со мной из боковой двери другой комнаты вышел Богров. Что мне бросилось сразу в глаза и крайне поразило в его наружности, — так это то, что он не по летам поседел. «Нервы . . . Волнения . . .» — мелькнуло у меня тогда в голове. Поздоровавшись, мы уселись за письменный стол . . . Вначале разговор не клеился. Разговор был сух, отрывист, односложен. Он интересовался моей жизнью в тюрьме, кто из товарищей там со мной еще сидел. Вспоминая ряд имен и фамилий, спрашивал, где они в настоящее время. Особенно его интересовал тов. Н. Тыш, с которым я был в очень дружеских отношениях, и этого не знать он не мог. Хотя я и переписывался в то время с Н. Т. и знал, следовательно, его местожительство, тем не менее, по вполне понятным соображениям, отвечал полным незнанием, как, впрочем, и на другие вопросы. Постепенно перешли к нашему провалу и суду, и как-то незаметно он сам первый заговорил о том, что его т. т. обвиняют в целом ряде предательств и, обвиняя, указывают на сотрудничество его в охранке, одним словом, все убеждены, что «Богров — провокатор». Если до сего времени я не замечал в нем особого волнения, то, как только коснулись последнего, Б. стал проявлять заметно сильное беспокойство. Он стал оправдываться, выставляя, очевидно, известные ему пункты обвинения, и их опровергал. Я же наводящими вопросами старался что-либо узнать. Коснувшись снова нашего провала, он указал, что, по его глубокому убеждению, виновником нашего ареста является тот студент-грузин, который предоставил нам свою квартиру на Крещатике для конспиративного собрания. Этот студент через свою квартирную хозяйку был знаком с Кулябко (нач. киев. охран. отд.), — а следовательно, остальное все ясно. Богров говорил, как о факте, что т. т., не

разобравшись в его провокаторстве, следили за ним и что кто-то из них, по-видимому, собирался его убить, и только благодаря счастливой случайности он избег смерти. Я вспомнил рассказ «Белоусова» и задал ему вопрос: «А куда скрылся этот тов. и почему он не привел своего решения в исполнение?». Богров ответил, что ему ничего неизвестно.

— Смотрите, как я поседел... Я сознательно ушел от политической работы. Я не могу заняться и общественной работой. Я помощник присяжного поверенного, но выступать не могу: мое имя опозорено. А что бы вы на моем месте сделали?

— Реабилитируйте себя,— ответил я.

— Что же думают остальные т. т.?— задал он мне снова вопрос.

Не будучи уполномоченным давать какие-либо объяснения от имени своих т. т., я высказал ему лишь свое предположение, что, вероятно, они со мной будут солидарны.

— Итак, вы все требуете от меня реабилитации, значит, для вас нет сомнения в моей провокации?

Я его перебил, указав, что ни я, ни мои т. т. от него не требуют реабилитации, а что на его личный вопрос я ему указываю путь реабилитации для того, чтобы вернуть свое душевное равновесие, которое он, по его же словам, совершенно потерял. Но он, видимо, мне не верил. Помню его принужденный смех...

— Так вот, пойти и сейчас на перекрестке убить первого попавшегося городового? Это ли реабилитация?

Я ничего не отвечал.

— Скажите мне,— продолжал он,— какой мотив мог бы побудить меня служить в охранке? Что говорят по этому поводу т. т.? Деньги? В них я не нуждаюсь. Известность? Но никто из генералов от революции по моей вине не пострадал. Женщины?— И он, пожав плечами, ничего не ответил.

Разговор уже стал близиться к концу. Чувствовалась неловкость. Я подошел к книгам, расставленным на этажерке. Взяв «Былое», я стал просматривать книгу. Не помню, какой это был номер и что в нем меня заинтересовало. Богров, заметив, видимо, что меня эта книга заинтересовала, предложил взять ее с собой. Тут же он указал, что «Былое» для него весьма ценно, так как по нему он знакомится с действительными революционерами и учится той поразительной конспирации, которой они себя окружали.

— Вы говорите — реабилитировать себя?— возобновил он разговор.— Только убив Николая, я буду считать, что реабилитировал себя.

— Да кто же из революционеров не мечтает убить Николая? — перебил я его.

— Нет, — продолжал он, — Николай — ерунда. Николай игрушка в руках Столыпина. Ведь я — еврей — убийством Николая вызову небывалый еврейский погром. Лучше убить Столыпина. Благодаря его политике задушена революция и наступила реакция.

На это я ему заметил, что нельзя быть таким наивным, чтобы не знать, как трудно будет добраться сквозь толщу всякой охраны и до Николая, и до Столыпина, что это не под силу одному человеку, а потому необходимо противопоставить этой охране свою организацию боевиков и что я лично готов принять участие в этой организации, а также подыскать для этой цели стойких, решительных товарищей. Но Богров перебил меня, вполне логично указав, что могущий произойти случайный провал может послужить новым доказательством его провокации, а потому он решает сам без всякой организации себя реабилитировать; как же добраться до Столыпина — он еще не знает. Осенью (1911 г.), как ему известно, будут в Киеве военные маневры, на которых будет Николай, а с ним, понятно, и Столыпин, до которого он предполагает добраться через свою связь с киевским обществом.

— Вы и товарищи еще обо мне услышите, — закончил он.

Эту же фразу он несколько раз повторил при прощании с мной. Такова была моя последняя встреча с Богровым.

С тяжелым чувством вышел я на улицу. Провокатор ли он? Говорил ли он серьезно о Николае и Столыпине? Предполагать все возможно, но, не имея данных, обвинять недопустимо.

Беседовал ли Богров на эту тему еще с кем-нибудь, мне ничего неизвестно, равно как я положительно не могу сказать: возникла ли у него мысль об убийстве Столыпина под влиянием нашей беседы, или же она его еще и раньше занимала.

ВЛАДИМИР БОГРОВ*

Для вступления Дм. Богрова в число сотрудников Киевского охранного отделения в 1907 г. есть и может быть лишь одно объяснение, а именно то же самое, какое им самим дано для объяснения своего появления в Петербургском охранном отделении в 1910 г., а впоследствии вновь в Киевском охранном отделении в 1911 г.: решение использовать охранное отделение для достижения своих революционных целей и, в частности, для совершения террористического акта, задуманного еще в 1907 г.

И поэтому-то Дм. Богров, совершенно прекратив свою подпольную революционную работу по группе анархистов в 1909 г., тем не менее продолжает поддерживать связь с Киевским охранным отделением, твердо решив еще раз прибегнуть к его помощи в революционном деле.

Б. Струмилло приводит выдержку из дела Департамента полиции от 1911 г. № 124-а т. 1, перепечатанную также и в статье Е. Лазарева, в которой приводятся сведения, сообщенные Дм. Богровым за 1909 г. и 1910 г. об анархистах, социалистах-революционерах и социал-демократах Киевскому охранному отделению.

Именно по поводу цитированных Струмилло «сведений» об анархистах, социалистах-революционерах и социал-демократах, будто бы сообщенных Дм. Богровым Киевскому охранному отделению и служащих главным основанием отрицательных выводов Струмилло о личности Дм. Богрова — в том же деле Департамента полиции за 1911 г. № 124-в, имеются два других весьма важных документа: «справка о сотруднике Киевского охранного отделения Аленском» и «справка по сведениям сотрудника Аленского (Богрова)». Эти документы странным образом Струмилло совершенно обходит молчанием, хотя именно они имеют решающее значение в оценке деятельности Дм. Богрова в Киевском охранном отделении. В них доподлинно значится следующее:

Справка о сотруднике Киевского охранного отделения Аленском: ... «Из обозрения сводок агентурных сведений, поступавших из Киевского охранного отделения, усматривается, что сколько-нибудь серьезных сведений «Аленский» по анархистам-коммунистам *не давал* (курсив мой) ... По докладу начальника С.-Петербургского охранного отделения полковника фон-Коттена, в июле прошлого года (1910.— Прим.

* В. Богров. Ук. соч., стр. 62—77.

мое.) «Аленский» был рекомендован ему подполковником Кулябко. «Аленский» сразу не внушил доверия полковнику фон-Коттену и, так как он никаких сведений не давал, то в декабре 1910 г. названный штаб-офицер прекратил сношения с «Аленским», выдав ему содержание за январь. После сего «Аленский» уехал за границу, на юг Франции, откуда в январе сего года обратился к полковнику фон-Коттену с просьбой о материальной поддержке ввиду переживаемого тяжелого положения. Полковник фон-Коттен деньги по указанному адресу «Аленскому» отправил, но *таковые были возвращены за невостребование* (курсив мой)».

Вот какова официальная оценка Департамента полиции тех «сведений», которые были даны Дм. Богровым Киевскому охранному отделению. Оказывается, что ни одно из лиц, названных им охранному отделению, не пострадало по его вине, так как лица эти либо вообще не подвергались аресту, обыску или привлечению к дознанию, следствию и суду, либо уже были привлечены к ответственности перед тем, как о них упоминал Дм. Богров, или были уже известны охранному отделению по сведениям, поступившим от других сотрудников, а также в результате ранее произведенных у них обысков. И такой важный документ, совершенно опровергающий значение справки Киевского охранного отделения о деятельности Дм. Богрова, остается Струмилло неизвестным, и ни он, ни позднейшие исследователи о нем ни слова не упоминают!

Если мы далее обратимся к делу ревизии сенатора Трусевича и его же производству о «преследовании должностных лиц при охране его Высоч. Пребыв. в Киеве в 1911 г.», то найдем здесь еще более подробный материал для характеристики тех «сведений», которые были сообщены Дм. Богровым Киевскому охранному отделению. К сожалению, в этом отношении я лишен возможности цитировать те материалы, на которые ссылаюсь, так как имевшиеся в моем распоряжении копии должен был передать при выезде за границу Начальнику Прокурорского Особого Отдела.

Поэтому я восстановляю по памяти то заключение, к которому пришел сенатор Трусевич в результате тщательного обследования дела Дм. Богрова, в связи с расследованием дел Киевского охранного отделения. Заключение это по смыслу своему таково:

«Рассмотрение характера сотрудничества Дм. Богрова в Киевском охранном отделении и сообщенных им «сведений» приводит к тому заключению, что сведения эти в большинстве случаев носили совершенно безразличный характер и никак не могли оправдать того доверия, которое Кулябко и остал-

ные чины, которым была поручена охрана пребывания государя в Киеве, проявили в отношении Дм. Богрова. Единственное дело, по которому сведения Дм. Богрова, быть может, имеют известное значение, это дело Мержеевской. Имеется полное основание утверждать, что Дм. Богров, известный Киевскому охранному отделению как революционер-анархист, водил Кулябко за нос и использовал охранное отделение для достижения своих революционных целей».

Я категорически утверждаю, что ни в «Потоках», ни в Киеве до моего отъезда, т. е. до 17 августа, его не навещал никто из прежних товарищей анархистов или посторонних лиц, могущих произвести на него моральное давление в смысле принуждения к совершению террористического акта во время августовских торжеств. Такое посещение не было замечено и после 17 августа ни прислугой, ни проживавшей в то время в нашей квартире теткой М. Богровой.

С другой стороны совершенно несомненно, что в течение этого времени решение Дм. Богрова совершить террористический акт, использовав для этой цели августовские торжества, окончательно созрело. Сидя однажды со мной на балконе нашего дома, выходящем на Бибиковский бульвар, и возмущаясь грандиозными полицейскими приготовлениями, которые делались по случаю приема «высоких гостей», Дм. Богров как бы вскользь задал мне вопрос, каково мое мнение — что произвело бы большее впечатление: покушение на Николая или на Столыпина? Я тогда не подозревал, какое реальное значение имел этот вопрос для брата. Этот вопрос был задан мне не случайно, а являлся результатом долгих размышлений, тревоживших Дм. Богрова, — кого именно сделать жертвой своего выступления. Этот вопрос он поднимает и в разговоре с Е. Лазаревым в Петербурге, и с П. Ляиковским в феврале 1911 г. Он, видно, совершенно не сомневался в успехе своего выступления — для него было только важно решить, как его сделать наиболее целесообразным с революционной точки зрения.

Ввиду всех этих соображений, которые, по моему глубочайшему убеждению, найдут со временем ряд новых подтверждений при тщательном изучении *всех* материалов по делу Дм. Богрова, я и прихожу к тому выводу, что связь, установленная Дм. Богровым с охранными отделениями, сперва с Киевским (с 1907 по 1910 г.), затем с Петербургским (в 1910 г.) и, наконец, снова с Киевским (в 1911 г.), являлась лишь продолжением его анархической революционной работы. Дм. Богров сообщал охранному отделению безразличные или заведомо ложные сведения, имея в виду в надлежащий

момент использовать свою связь с ним в революционных целях. До настоящего времени остается недоказанным, чтобы Дм. Богров кого-либо из революционеров, будь то его товарищи по группе анархистов или члены других партий, выдал и причинил кому-либо из них какой-либо вред.

Одно обстоятельство можно было, однако, с несомненностью констатировать в тогдашнем настроении Дм. Богрова: это — полная неудовлетворенность своим буржуазным укладом жизни, своей юридической работой, своим времяпрепровождением. Ясно было для всех, что он тоскует, что работает он не в том направлении, какое ему кажется важным, что он стремится к чему-то иному, но . . . осуществить его не может.

ЕГОР ЛАЗАРЕВ*

Первое свидание с Богровым

Дело было, действительно, как раз на Троицу 1910 г., и при обстоятельствах, правильно изложенных в докладе Кулебко Департаменту полиции от 2 сентября 1911 г. Был теплый, солнечный день. Мы только что пообедали в 2 часа. Вдруг мне сообщают, что какой-то господин пришел и спрашивает, — можно ли меня видеть? Я просил пригласить пришедшего в мою комнату. Вскоре дверь отворилась и в комнату вошел довольно высокий, стройный и изящно одетый молодой человек, который, поклонившись, спросил:

— Простите... Вы будете Егор Егорович Лазарев?

— Я самый... Чем могу служить?

— Я имею к вам экстренное поручение: передать вам вот эти письма, которые привезла из Парижа одна дама, остановившаяся у Кальмановича. Письма ей поручили передать немедленно по приезде в Петербург вам, по адресу редакции «Вестника знания». Но, по слухам праздников, контора редакции заперта, и сегодня утром она там вас не нашла. А между тем письма весьма спешные: ей было сказано, чтобы она ни минуты не ждала и по приезде немедленно вам письма передала. Я только что от Кальмановичей. Но они тоже на даче в Финляндии. Ему тоже есть письмо. Кальмановичу послана экстренная телеграмма, чтобы немедленно приехал. Эта дама моя хорошая знакомая. Она была в отчаянии, что не может тотчас же выполнить поручение. Я решил ей помочь — и взялся немедленно найти вас и передать письма. Я это делаю с тем большим удовольствием, что мне необходимо было повидаться с вами. Даже более того, я, собственно, и в Питер приехал, чтобы повидаться с вами.

Я пригласил его сесть и стал разбирать письма, тщательно рассматривая их.

* Из статьи «Дмитрий Богров и убийство Столыпина». Журнал «Воля России» (Прага), 1926, № VIII — IX, стр. 40—63.

Егор Егорович ЛАЗАРЕВ (1855—после 1926) — в начале революционной деятельности народник, в 1877—1878 шел по процессу 193-х, оправдан, затем арестовывался и ссылался за пропаганду среди крестьян и солдат. Эмигрировал в Америку, в 1894 переехал в Европу и принял участие в создании партии эсеров. По амнистии 1913 вернулся в Россию, сотрудничал в журнале «Вестник знания». В 1919 эмигрировал в Чехословакию, один из редакторов эсеровского журнала «Воля России».

— Здесь есть письмо для члена Гос. Думы Булата . . . — сказал я.

— Она была и у него. Его нет в городе. В этом случае приезжей сказано, чтобы все письма передать вам.

— Как прикажете? . . . Переговорить о вашем деле сначала, если вы имеете еще что-нибудь сказать, или вы позволите мне сначала прочитать письмо? — обратился я к Богрову.

— Егор Егорович, мне нужно переговорить с вами об очень важном деле. Я просил бы вас уделить мне свободный час. Если позволите, я приду в другое, назначенное вами время. А теперь я не смею отнимать ваше время . . . Я уйду на полчаса, чтобы не мешать вам, и потом зайду. Может быть, вы захотите что-нибудь спросить приезжую даму, повидать ее или сообщить что-нибудь? Я человек свободный и весь к вашим услугам.

— Зачем уходить? Сегодня праздник, я свободен. Сейчас увидим, нужно ли приезжую видеть.

Письмо, действительно, было спешное. Между прочим, требовалось предупредить скрывавшегося товарища о том, что его место пребывания открыто и чтобы он немедленно исчез оттуда. Не отрываясь от письма глазами, я обдумывал, что делать. Обсудив положение и решив повидать в тот же день Кальмановича и других нужных лиц, я спокойно положил письмо в карман и обратился к гостю.

— Все равно ничего нельзя сделать: два дня праздников и нужные учреждения будут закрыты. Не вовремя приехала. Если ничто не задержит, я постараюсь быть у Кальмановичей. А теперь я к вашим услугам. Позвольте узнать, с кем имею дело?

— Новоиспеченный помощник присяжного поверенного, Дмитрий Григорьевич Богров. Вам мое имя ничего не скажет. В торжественных случаях я прикрываюсь славой моего дедушки, написавшего свои «Записки старого еврея». Я чувствую себя в очень неловком положении, приступая к делу, которое меня интересует. Неловкость заключается в том, что вы меня совсем не знаете, а я вас знаю давно. Между тем дело, по которому я обращаюсь к вам, чрезвычайно деликатное и требует полного и с вашей стороны ко мне доверия. Я не знаю, удастся ли мне внушить вам необходимое ко мне доверие. Но я прошу вас облегчить мне эту задачу. Ибо без вашего доверия все мои планы разлетаются прахом.

Я чувствовал по тону, что он как будто бы стесняется сказать про свои, какие-нибудь любовные похождения, и смеясь поощрил его:

— Ваше предисловие сразу захватывает любопытство слушателя, как в хорошем французском романе, который начинается картиной: «На башне св. Мадлены пробило 12 часов ночи, когда фигура, закутанная в черный плащ...» и т. д. Говорите прямо: перестали учиться, хотите жениться или губернаторское место получить? Будьте покойны,— с моей стороны препятствий не будет.

Богров улыбнулся, но, сразу понизив голос, спросил:

— Я хотел бы побеседовать с вами абсолютно конфиденциально. Нам никто здесь не помешает?

Я встал, отворил дверь в залу, заглянул. Там никого не было.

— Я живу у своих хороших знакомых. Мы совершенно одни. Можете говорить.

Богров прошелся несколько раз по комнате и потом, подойдя близко ко мне, вдруг выпалил:

— Я решил убить Столыпина...

— Чем он вас огорчил?— спросил я, стараясь не показать свое удивление.

— Вам кажется это шуткой или сумасшествием с моей стороны. В этом и беда, что я-то вас знаю, а я для вас фигура темная. То, что я сказал, не шутка и не сумасшествие, а обдуманная задача, которую я решил во что бы то ни стало выполнить.

— Тогда — за чем же дело стало? Что же, вы хотите пригласить меня в компанию или в секунданты?..

— Егор Егорович, вам, по-видимому, смешно, а мне очень тяжело. У меня нет подходящих товарищей, с которыми я мог бы посоветоваться. Я рассчитывал, что вы серьезно отнесетесь к моему сообщению.

— Дмитрий Григорьевич, у каждого человека естьственный ему темперамент. Предоставим свободу каждому быть самим собой. Вы человек серьезный, я человек шутливый. Но будьте уверены, что я слушаю вас с величайшим вниманием. Позвольте мне быть с вами столь же откровенным, каким вы являетесь сами. Это нужно, чтобы не было никаких недоразумений. Итак,— почему вы рассерчали на Столыпина и почему обратились ко мне?

— Столыпина лично я никогда не видал. Но думаю, что он является теперь самой зловредной фигурой и вождем правительственной реакции. Укажите другое, более зловредное лицо, и я вам буду очень благодарен.

— Итак, ваши разногласия со Столыпиным чисто идеологического свойства. Почему же вы обращаетесь к моему посред-

ничеству? Чем я могу быть полезным, чтобы удовлетворить ваши желания?

— Вы должны знать, что я не новичок в идейном движении. С гимназической скамьи я прошел всю гамму прогрессивных взглядов, от либерализма до анархизма включительно. И предавался их изучению с большим энтузиазмом. Дальше анархизма идти было некуда. А я им также искренно увлекался. Пройдя всю эту идейную гамму, я, наконец, пришел к заключению, что чем идеи радикальнее, тем они более утончены. Я и теперь ценю моральную силу анархизма, но для обширных массовых движений и общественных переворотов необходима организованная партийная деятельность. Индивидуальное воздействие, или реакция, на среду совершается больше по вдохновению или настроению и не обращает внимания на настроение общества или народных масс, тогда как для определенного воздействия на массы человеческая деятельность должна быть не только индивидуально моральной, но и общественно целесообразной. Если бы я выступил с боевым актом перед своими товарищами раньше, то все анархисты одобрили бы мой поступок, но помочь мне не могли бы, а если бы помогли, то при настоящих условиях только дискредитировали бы крупный общественный и политический акт. Выкинуть Столыпина с политической арены от имени анархистов я не могу, потому что у анархистов нет партии, нет правил, обязательных для всех членов. Совершив удачно намеченный акт, я мог бы только ангажировать одного себя, заявив, что я действую от своего имени. Кем бы индивидуально я ни был, анархист, монархист или беспартийный. Чтобы вы лучше поняли мою мысль и мое настроение, представьте такой случай: завтра какой-нибудь пьяный хулиган покончит случайно со Столыпиным, или ревнивый муж пристрелит ministra за его непрошеное вмешательство в чужую семейную жизнь. Во всех этих случаях — Столыпин становится безвредным и устранен с политической арены. Я спрашиваю, какое политическое значение будет иметь при таких условиях смерть или удаление Столыпина? Не более чем нормальная, естественная смерть, т. е. — никакого политического значения. Теперь возьмите мой случай. Представьте себе и поверьте на время мне, что я решил бесповоротно устранить Столыпина, по моим индивидуальным идеологическим соображениям. Теперь я вполне понимаю, что всякое индивидуальное действие лишь ослабит и воспитательное и политическое значение столь крупного факта. Другое дело, если бы хорошо организованная партия, вроде партии социалистов-революционеров, согласилась использовать мой акт

и в случае его удачи санкционировать его как совершенный по постановлению или просто с согласия партии...

— Браво!.. Я начинаю понимать. Продолжайте.

— Продолжать, в сущности, нечего. Вы теперь ознакомились с моими взглядами и положением и понимаете щекотливость моего положения, а именно того, что я обращаюсь к вам, будучи вам совершенно неизвестным. Я решился обратиться к вам, оправдывая это решение тем, что я компрометирую этим не вас, а себя. Вы понимаете, что мне не с кем откровенно поделиться и посоветоваться. Когда у меня окончательно созрело решение покончить со Столыпиным, я стал искать путей, чтобы войти в сношение с вашей партией и получить от нее санкцию моего выступления. Через знакомых лиц я узнал, что с Ц. К. партии можно войти в сношения через Николая Александровича, который теперь в Москве, или через Нину Александровну, которая должна быть в Петербурге. Но я узнал, что вы здесь, и решил приехать к вам. Чем бы ни кончились наши переговоры, решение мое неизменное. Я вам откровенно скажу, что я формально записался помощником присяж. поверенного в Киеве, но я приехал сюда в расчете быть ближе к цели. Чтобы получить право проживания здесь, я рассчитываю записаться в помощники к Кальмановичу или к одному из здешних присяжных поверенных. Вообще, я надеюсь основаться здесь, а не в Киеве. Итак,— вот каково положение. Обдумайте хорошенько. Наведите обо мне справки и в случае благоприятных сведений помогите добиться санкции партии. Это все, чего я добиваюсь. Что вы скажете?

— Этот вопрос не так прост, как вы его себе представляете. Такие вещи экспромтом не делаются. Боевые выступления партии после тщательного обсуждения производятся по определенному плану, определенными лицами, которые, в сущности, идут на смерть,— вы не забывайте этого,— идут, конечно, совершенно добровольно, как и вы, но поведение которых находится под контролем. Участники должны быть люди партийные, надежные, преданные, лично известные по крайней мере тем членам Ц. К., которые ведают Боевой Организацией. Вы же предлагаете экспромт. Вы же сами говорите, что вы-то меня знаете, а я вас в первый раз вижу. Когда партия санкционирует боевой акт, она берет на свою ответственность не только все последствия акта, но и ответственность за личное поведение участников в нем. На откровенность позвольте ответить откровенностью. Я вас не знаю, но лично я вам верю. И однако, этого недостаточно. В этом деле, больше чем в каком-либо другом, все зависит от настроения,

темперамента и силы воли. Настроение людей бывает переменчиво. Скажу больше: в этом отношении хорошо ли вы знаете сами себя?

— О моем настроении не беспокойтесь. Я пришел к вам не случайно и не экспромтом. Я знаю, на что иду и знаю все последствия. Я не новичок в революционном движении. Но все теоретические споры мне опротивели. Нужны дела, а не слова. Не все способны к активной и боевой деятельности — я это понимаю, — но не следует загораживать дорогу тем, которые сами рвутся в бой и, может быть, не способны ни на какую мирную и чисто культурную деятельность.

— Позвольте мне высказать мои мысли вслух, — заметил я. — Я смотрю на вас и любуюсь: какой блестящий молодой человек — умный, начитанный, бывалый, — что называется — из молодых да ранний; вся жизнь у него впереди; сколько добра и пользы мог бы людям принести... и вдруг — разочарование... Что ж, вы Печорина в себе чувствуете? Вы простите, Д. Г., в таких делах люди должны говорить откровенно, устранив всякую мысль об обиде. Я спрашиваю вас, что вас побуждает, человека молодого, цветущего здоровьем, брать на себя столь радикальную инициативу и ответственную роль.

— Я человек состоятельных родителей, учился в Мюнхене и знаю и изъездил почти всю Европу. Я был в Швейцарии с матерью и жил неподалеку от Кларана и вашей фермы. Я слыхал и тогда про вас, но познакомиться не удалось. А я был падок тогда и на революционные теории, и на самих революционеров. Я знал множество выдающихся лиц — революционеров, социалистов и анархистов почти всех стран Европы. Анархисты привлекали меня своей последовательностью. Но в условиях З. Европы, при полной политической свободе в большинстве стран, деятельность анархистов раздваивается. Теоретики и такие святые люди, как Крапоткин, Реклю, Ньюенгюис и др. — простые мечтатели, а вульгарные анархисты представляют полуграмотный сброд, из которого набираются провокаторы или выходят такие артисты, как Равашоль и К.⁰. Я пришел к заключению, что в русских условиях систематическая революционная борьба с центральными правящими лицами единственно целесообразна. В России режим олицетворяется в правящих лицах, которые тем и сильны, что остаются неизвестными и недоступными.

— Почему же вы облюбовали Столыпина, а не другое лицо, если вы признаете центральный террор?

— Потому что, по-моему, важнее Столыпина только царь. А до царя мне добраться, одному, почти невозможно. Но если

бы партия взялась мне помочь, я отдался бы охотно в ее распоряжение.

— Вы еврей? — спросил я.

— Еврей.

— Тогда — вы человек неподходящий . . .

— Как так? Почему?

— Потому что партия не позволяет нашего батюшку царя евреям убивать . . .

— Вы думаете — из боязни еврейских погромов?

— Главным образом — поэтому. Вообще, не представляйте участия партии в боевой деятельности столь упрощенно. Захотелось вам убить Столыпина, партия сейчас — санкцию: бей в мою голову! Индивидуальный террор может быть очень вреден даже тогда, когда он направляется на осужденных уже партией лиц. Почему, напр., вы думаете, что партия оставила Столыпина в покое? В истории революционного движения были такие случаи, когда таких любителей-одиночек, как вы, товарищи запирали в карцер, чтобы они своим вмешательством не помешали уже организованно поставленному предприятию.

— Тогда пусть партия укажет какое угодно другое лицо. Я готов отдать себя в полное распоряжение партии.

— Отчетливо ли вы сознаете, что, делая это предложение, вы осуждаете себя на смерть?

— Если бы я этого не сознавал, я не обратился бы к вам. Я пришел просить не материальной или технической помощи партии, а помощи идеальной и моральной. Я хочу обеспечить за собой уверенность, что после моей смерти останутся люди и целая партия, которые правильно истолкуют мое поведение, объяснив его общественными, а не личными мотивами.

— И все-таки возникает еще один очень важный вопрос. Вы видите, что не партия, а вы сами берете на себя инициативу как в выборе лица, которое нужно устранить, так и в способах этого устранения. Но чтобы санкционировать при таких условиях ваше выступление, партия должна знать вас основательно и убедиться, что вы способны не только выполнить акт, но и с надлежащим достоинством держать себя на следствии и суде. А для этого требуется необыкновенное мужество. Партия С.-Р. открыто объявила на жизнь и смерть войну самодержавию. Это правда. Но согласитесь сами, что партия, взявшая на себя страшную ответственность за судьбы своей страны перед целым светом, не может относиться к своим боевым выступлениям легкомысленно, санкционируя экспромтом предложение первого встречного. Боевые акты в гражданской войне являются более одиозными, чем массо-

вые убийства при внешней войне. Эта одиозность может быть — если не покрыта, то значительно ослаблена в общественном мнении только проявлением высокого энтузиазма, самопожертвования и, если хотите, — истинного патриотизма. Только при таких условиях боевые акты могут быть целесообразны и находить себе оправдание. Поэтому и в Боевую Организацию принимаются не все желающие, а лица, проявившие себя в работе в партии, люди известные и испытанные, на которых можно положиться, что они исполнят свой долг до конца и поддержат честь и достоинство партии и дела, которое она защищает. Боевая деятельность, более чем всякая другая революционная деятельность, должна быть добровольной, т. е. исключающей всякое принуждение или искусственное давление. Только полная самоотверженная готовность выполнить свой долг до конца, — до смертного конца, — дает людям силу выносить страшные волнения и часто долгие лишения в период подготовления к последней битве... С внешней стороны ваше предложение есть акт вполне добровольный. Но для меня вы являетесь лицом совершенно незнакомым. И позвольте спросить вас еще раз, — знаете ли вы сами себя? т. е. ручаетесь ли вы сами за себя? Не действуете ли вы под давлением какой-либо временной, так сказать «навязчивой» идеи? Серьезно советую и прошу вас, обдумайте хорошоенько еще раз и проверьте себя.

— Мне очень тяжело вас слушать, Е. Е. Несомненно, вы очень добрый человек, но я пришел не проповеди слушать, а просить совета и помочи. Вы считаете меня неразумным мальчиком. Но я много пережил и много передумал. Решение мое неизменное. Никто больше Столыпина не заслуживает особого внимания революционеров. В этом и вы, конечно, согласны. Удар в центр, быть может, был бы более внушителен, но мне, решившему действовать на свой страх, это не по силам. А со Столыпиным я надеюсь справиться один. Повторяю: я знаю, на что я иду, знаю и последствия. Я прошу об одном, чтобы в общих интересах мое выступление сделать внушительным и целесообразным.

— Разрешите мне задать вам два вопроса.

— Пожалуйста. Я признаю за вами право отнестись ко мне самым строгим образом. Вы имеете право знать все и спрашивать обо всем.

— Сколько вам лет?

— Примерно 23.

— Вы получили образование за границей. Имеются у вас собственные средства?

— Своих средств нет, но у меня отец состоятельный человек.

— Вообще, я не понимаю,— откуда взялся у вас такой пессимизм?

— Как?.. Почему пессимизм?

— Подумайте сами. Вы блестящий молодой человек, даже еще не успевший совсем расцвести... Умный, образованный, повидавший свет... Если не красавец, то недурен собой. Короче сказать, перед вами открывается блестящая карьера в любой отрасли общественной жизни. При желании вы можете принести огромную пользу культурной работой, не прибегая к таким крайним мерам. И вот, когда перед вами открывается настежь дверь общественной жизни и деятельности, вы вдруг заявляете: «Не хочу жениться, хочу застремиться». Потому что ваше предложение с посторонней точки зрения кажется именно таким нелепым парадоксом.

— Что же, по вашему, молодые люди не должны участвовать в боевой деятельности...

— Нет, в Боевой Организации огромное большинство всегда состояло из молодых энтузиастов. Но там они сознавали себя звеном в цепи сложной партийной работы. Как в армии существуют разного рода оружия: пехота, кавалерия, артиллерия, так и в политической борьбе необходимо разделение труда. Артиллеристы, стоя в укромном месте, не чувствуют себя изолированными или забытыми. Они знают, что они исполняют определенную функцию в сложном процессе панорамной борьбы. Они знают, что имеются люди, вожди, которые скажут, когда нужно выступать или отступать. Доверие к вождям, вера в правое дело устраниют из головы организованно действующего человека заботу и тревоги за исход сложного целого. Он понимает, что успех этого целого зависит от поддержания дисциплины, от согласованности действий, от своевременного исполнения своих обязанностей, т. е. приказов со стороны лиц, специально наблюдающих за общим ходом битвы или движения. Тогда внимание отдельного воина сосредоточивается на выполнении только своих специальных обязанностей, часто чрезвычайно мелких и в то же время абсолютно необходимых. Когда сражение кончается победой, честь победы принадлежит всем, от простого солдата до главнокомандующего. Все это столь же справедливо, и в сфере социальной или политической борьбы! При разделении труда работа каждого чрезвычайно облегчается, потому что упрощается. Не таково положение ваше, вы сами по себе, один представляете целую армию: вы хотите быть и главнокомандующим, и простым рядовым солдатом. Вам

приходится ставить и цели, определять пути и средства для их достижения и приводить все это самому в исполнение. Немудрено, если при таких условиях окажутся пробелы либо в определении целей и средств, либо в их достижении и практическом приложении. Вы и швец, и жнец, и на дуде игрец. Не всякий, конечно, способен быть членом Боевой Организации, но те молодые люди, которые, после многих испытаний, входят, наконец, в Боевую Организацию, только по своему желанию переменяют один род партийной или общественной службы на другой. Это вступление в члены Б. О. вызывается и сопровождается не пессимизмом, а наоборот,— усиленным оптимизмом, даже энтузиазмом, который совершенно удаляет мысль о предстоящей опасности и мысли о будущем: «Что-то скажет княгиня Марья Алексеевна?» Что бы ни случилось с ним, он знает, что его интересы и интересы партии, а значит и интересы страны, народа или человечества совершенно тождественны. Есть люди близкие, товарищи, которые будут защищать его идеи, его действия, и как бы ни безнадежно было современное положение, но придет время, и будущие поколения поймут мотивы его деятельности, поймут и оправдают поступки его. Повторяю, ваше положение совершенно иное. Вы идете на смерть в одиночку, без связи даже с близкими товарищами. Такое поведение указывает на какое-то разочарование, на утрату веры в идеал, в красоту общественной жизни, на равнодушие к своей собственной жизни. Вот что я называю больным пессимизмом, который не вяжется ни с вашим возрастом, ни с вашим общественным положением.

— Какой же ваш ответ на мое предложение, которое я после долгих размышлений решил поверить вам? Примите во внимание, что с такими предложениями и совещаниями не ходят славить из двора во двор. Мне не с кем больше посоветоваться о моих планах. Поэтому подумайте на досуге о том, что я вам сказал, и позвольте мне еще раз зайти и побеседовать с вами. Я пытаю надежду, что, наведя справки обо мне и ознакомившись лично со мною, вы отбросите филантропию и перестанете жалеть легкомысленного молодого юношу, который хочет сметь свое мнение иметь, не спросившись более зрелых людей. Я вижу,— ваше настроение отеческое, а не деловое. Вы хотите наставить меня на путь истинный, дабы я усердно занимался своей адвокатской практикой и, между прочим, всякой иной культурной деятельностью; почитывал и пописывал революционные брошюры, и т. п. А между тем вы ведь знаете лучше меня — во что обошелся манифест 17 октября. Ведь после уже манифеста

карательные экспедиции залили рабочей и крестьянской кровью всю страну. Где I и II Думы? Ведь всему свету известно — как и при каких условиях они были разогнаны и какими последствиями сопровождались. Я еврей, и позвольте вам напомнить, что мы и до сих пор живем под господством черносотенных вождей. Евреи никогда не забудут Крушинов, Дубровиных, Пуришкевичей и тому подобных злодеев. А где Герценштейн? а где Иоллос? Где сотни и тысячи других растерзанных евреев — мужчин, женщин и детей, с распоротыми животами, с отрезанными носами и ушами? Если в массах и выступают иногда активно против таких злодеяний, то расплачиваться в таких случаях приходится «стрелочникам», главные же виновники остаются безнаказанными. Указывать массам действительных виновников лежит на обязанности социалистических партий и на интеллигенции вообще. Вы знаете, что властным руководителем идущей теперь дикой реакции является Столыпин. Я прихожу к вам и говорю, что я решил устранить его, а вы мне советуете вместо этого заняться культурной адвокатской деятельностью... Я это объясняю только тем, что вы не подготовлены к обдуманному ответу. Поэтому я прошу вас обдумать мое предложение и затем — позвольте мне зайти к вам в другой раз. Время и место укажите сами. Я человек свободный и готов явиться к вам по первому призыву. Я надеюсь, что в следующий раз мы скорее поймем друг друга.

— В этом отношении наши роли меняются: вы большой оптимист, а я, напротив, пессимист. Во всяком случае, если ваше намерение неизменно, то при всех условиях вы должны вести себя так, чтобы впоследствии не скомпрометировать тех лиц, которых не следует компрометировать. Все свои знакомства вы должны ограничить, — так сказать — присутственными местами... Со мной, официально, вы встречаться не должны, даже у Кальмановичей, где я часто бываю. Приходите через неделю тоже в воскресенье, но вечером, часов в 9.

На прощанье Богров с улыбкой и изысканной вежливостью просил извинить его за его часто непочтительные возражения. На это я ответил улыбкой и глубокой благодарностью ему — за то, что я так дешево отделался за свои неуместные советы и проповеди.

Таким образом, мы расстались очень довольные друг другом, после двух или трех часов беседы.

Справки

Тотчас же после ухода Богрова я отправился исполнять поручение. В тот же день был послан нарочный, который должен был предупредить скрывавшегося товарища.

Поздно вечером того же дня я пошел к Кальмановичу, который в ту же ночь должен был выехать в Варшаву по судебному делу. Дамы, привезшей мне письма из Парижа, я уже не застал. Так что сообщения полковника Кулябко Департаменту полиции, основанные на рассказах Богрова, довольно точны. Дама уехала с первым отходящим поездом в Москву.

Я сказал Самуилу Еремеевичу, что через Богрова я получил очень важные письма. Богрова я совсем не знаю и пришел спросить,— что он за человек и можно ли ему доверять. Дамы этой я не застал, а между тем он передавал от нее устные сообщения довольно деликатного свойства. Я нарочито преувеличил свои опасения. Кальманович успокоил меня, говоря, что Дмитрий Григорьевич многообещающий молодой человек, сын почтенного присяжного поверенного в Киеве, хорошо Кальмановичу известного. Дмитрий Богров благовоспитанный молодой человек, образованный, начитанный и, может быть, немножко чересчур радикальный. Но это со временем сгладится. Скорее, его следует немножко сдерживать. Он слишком привык к вольному заграничному языку. Можете быть спокойны,— закончил Кальманович.

Про себя, внутренне, я относился отрицательно к предложению Богрова, потому что обнаружение провокации Азефа всюду внесло деморализацию в партию. Если бы выступление Столыпина было предпринято партией и организованно, т. е. с принятием во внимание всех предосторожностей, в определенный момент, к которому Ц. К. подготовлен, тогда оно могло быть своевременно и, пожалуй, целесообразно. Но ставить самое партию в зависимость от постороннего человека, который ведет ответственное предприятие за свой страх, при тогдашних настроениях было прямо опасно.

Тем не менее, Богров мне показался симпатичным и во всяком случае искренним. В глубине души у меня сидело убеждение, что Богров руководится каким-то повышенным настроением, на манер фанатической настойчивости Соловьева в стремлении совершить покушение на жизнь императора Александра II. Я считал его настроение болезненным и предполагал подействовать на него успокоительно, отговорить от жизненной ставки «ва-банк» и направить его мысли,

силы и способности на более длительную и производительную деятельность. Для того, чтобы с этой целью более основательно подготовиться к будущему свиданию с ним, я решил собрать о нем более основательные сведения. Через своих петербургских товарищей я познакомился с киевскими землячествами студентов, с надежными и идеиними представителями их, эсерами, эсдеками и бундистами. Киевляне всех оттенков единодушно утверждали, что Дмитрий Богров анархист. Относительно моральной оценки мнения эсеров разделились: один дал восторженные отзывы, ибо считал, что знакомство с Богровым заставило его серьезно заняться общественными вопросами. Другой сказал, что Богров человек умный, дальний, анархист, но в своем радикализме — человек просто с жиру бесится. Человек — барин, буржуй, нужды никогда не видал; не прочь покутить. «В таких анархистов я не верю», — закончил свой отзыв другой. Но более определенный и более отрицательный отзыв дал мне бундист. Тот прямо сказал, что в серьезных делах лучше с Богровым не связываться.

— Почему? — спрашиваю я.

— Во-первых, потому что он анархист и принципиальный скептик. Как бы кто основательно ни говорил, Богров непременно останется при особом мнении. Он никогда не соглашается ни с кем. Но это дело второстепенное... А я все-таки советовал бы с ним быть осторожным... Пожалуйста, чтобы это было между нами... Про него разные нехорошие слухи ходят. Может быть, это неверно. Но мы сторонимся от него и он сторонится от нас.

— «Нехорошие слухи», говорите вы. В каком же смысле? В смысле политической неблагонадежности или в смысле легкомысленной жизни и поведения, кутежей или что-нибудь в этом роде?

— Трудно, знаете, сказать что-нибудь положительное, когда слышишь разнообразные слухи. Говорят даже, что он оговаривал при дознании. Но вероятнее всего, все эти слухи идут от того, что у анархистов никакой конспирации нет и набирают они в свою среду всякую дрянь. Лучше стоять подальше от них. Так советуют наши товарищи.

Такие разноречивые отзывы киевлян только укрепили меня в отрицательном ответе на предложение Богрова. Я решил попытаться разбить его мрачное настроение. После расспросов киевлян у меня укрепилась мысль, что Богров истрепал нервы, разочарован и впал в пессимизм.

Мои сведения о Богрове были все-таки поверхностные и отзывы о нем противоречивые. Приходилось полагаться больше на собственное чутье. Тем более, что киевские студен-

ты-социалисты мне заявили, что на беспристрастие бундистов в этом случае полагаться нельзя, ибо Богров — еврей, человек остроумный, любит язвить, а бундисты ко всем евреям-социалистам, стоящим вне «Бунда», относятся вдвойне отрицательно. Сторонник же Богрова отзыв бундиста о Богрове назвал прямой «клеветой». Вернувшись из Варшавы Кальманович дал самые лестные отзывы о самом Богрове и о его семье. «Что касается до «анархизма» Богрова, сказал он, то после революции 1905 г. кто из молодежи не увлекался максимализмом?.. Теперь же он мне кажется очень рассудительным человеком и, вероятно, будет хорошим присяжным поверенным», — так закончил свой отзыв Кальманович. Помнится, что Кальманович даже предупредил меня, что Богров хочет переговорить со мной по какому-то важному делу, и спрашивал Кальмановича, можно ли со мной, Лазаревым, иметь дело для сношений с эсеровской партией. Кальманович дал обо мне лестный отзыв. Этот запрос Богрова Кальмановичу был раньше приезда дамы из Парижа. Значит, Богров не обманывал, когда при свидании сказал мне, что, независимо от данного поручения, он хотел видеть меня и даже чуть ли не для того и в Петербург приехал.

При таких условиях произошло мое второе свидание с Богровым.

Второе свидание с Богровым

Во второе свидание мы просидели и пробеседовали более 3 часов. Богров пришел ровно в 9 часов и ушел заполночь. Я не буду подробно излагать все разговоры. И им, и мною были повторены аргументы первого свидания.

На вопрос, — к какому заключению я пришел по поводу его предложения, я прямо ответил, что решил по-дружески отговорить его от выступления.

— Глядя на вашу молодость, образование, опытность и физическое здоровье, я совершенно убежден, что ваше крайнее решение было навеяно болезненным настроением. Мы ведь условились говорить друг с другом откровенно, — продолжал я. — Я, напр., причиной вашего мрачного взгляда на жизнь предполагаю несчастную любовь... Какова бы ни была причина вашего пессимизма, для меня ясно, что вы, охваченный тяжелым настроением, снесли яйцо и, уединившись от всего света, как клушка сели на него и стали высиживать, надеясь получить цыпленка. Между тем, какое бы горе ни наваливалось на человека, пока человек жив,

всякое его горе — дело преходящее. Ведь подумайте хорошенько, — раз это не личная месть, а глубоко общественное служение, зачем вы уставились глазами на кончик своего носа и не хотите видеть широких горизонтов общественной, национальной и мировой жизни, в которой растворяется личная жизнь? Ведь в нынешние времена общественная жизнь, в которой нам приходится участвовать, бесконечно сложна и требует самой разнообразной деятельности. Вы еще только вступаете в жизнь, и мне кажется, что при вашей решимости к самопожертвованию и с вашими способностями вы могли бы принести пользы неизмеримо больше на других поприщах общественной жизни. А такие индивидуальные и изолированные выступления обыкновенно являются для всех неожиданными и, вызывая неизбежную реакцию, редко бывают удачными. Вследствие этого, при неудаче, даже радикальные слои общества начинают нападать на изолированного неудачника.

Я привел, как пример, покушение Березовского, Каракозова и Соловьева на Александра II, которые вели себя на суде с достоинством и умерли героями. Критикуя намерения своего собеседника, я провел аналогию между ним и Соловьевым. Тот тоже задумал убить царя, и как его ни уговаривали отказаться от этого намерения, он все-таки настоял на своем.

Богров внимательно выслушивал мои рассуждения, вставляя вопросы относительно дела Соловьева. В разговоре мы вспоминали разные случаи изолированных и организованных покушений, вплоть до дела Петрова.

— Но представьте себе, — сказал Богров, — что намерение мое неизменно. По каким причинам такая боевая партия, как ваша, может отказаться от содействия со стороны идейных добровольцев, вроде меня? Я знаю, что успешное покушение на царя имело бы более существенное значение, но я не берусь за это потому, что для отдельного лица это дело теперь невозможное. Но я избираю не третью разрядного стрелочника, а, можно сказать, второе лицо после царя. В оценке выступления против Столыпина едва ли можно сомневаться. Вы стоите на ложной точке зрения. Вам, по-видимому, просто жаль меня. Я очень ценю это, но я прошу вас стать на деловую точку зрения. Ведь этот план я составил сам, не спрашивая никакой партии, и решил сам, без помощи кого-либо, привести его в исполнение. Я все равно так и сделаю, но меня тяготила одна мысль; мой поступок могут истолковать так, что мой акт потеряет всякое политическое значение. Я уж вам говорил: какое значение будет иметь смерть Столыпина, если его случайно убьет сорвавшаяся вывеска, или его прикончит муж его любовницы? Егор Егорович... Вы первый, с кем

я решил поделиться своими тревогами... Будьте старшим другом... отцом родным... Помогите мне добыть санкцию вашей партии. Мне казалось, что Ц. К. вашей партии не может отказать в моей просьбе... Поймите меня и то, что я прошу... Я не прошу никакой ни материальной, ни технической помощи от партии. Я знаю, что единственное возражение, которое я мог ожидать, состоит в том, что вы и партия меня не знаете и не можете положиться, как я буду себя вести после акта и на суде. Вот единственно это возражение, которое я хотел бы устраниТЬ. Что я предлагаю и прошу?.. Обратите на это внимание,— продолжал Богров умоляющим тоном, который меня и удивил и привел в смущение.— Я прошу партию о том, чтобы она санкционировала мой акт только в том случае, если она убедится, что я веду себя достойно и умру тоже достойно. До самой смерти я не буду ангажировать партию. Пусть партия обещает только, что она публично санкционирует мой акт после следствия и суда. Но мне это нужно знать теперь же, чтобы знать, как себя держать. Вас же я прошу об одном,— передать мое предложение на усмотрение Ц. К. партии и поддержать его.

Признаться, слыша это, я был внутренне смущен: волнение Богрова передалось и мне. Но из этого волнения, в искренности которого я не мог сомневаться, я заключил, что он нуждается в дружеской, чисто моральной поддержке. Поэтому, не показывая своего смущения, я твердым голосом сказал:

— Добрейший Дмитрий Григорьевич... Я вижу, что вы не со вчерашнего дня носите эту мысль в вашей душе, и до сих пор вы варились в собственном соку. Но послушайте моего чисто дружеского, товарищеского совета: отложите и пересмотрите ваше решение. Это необходимо и для вас самих, это необходимо и в интересах партии. Для вас,— потому, что при ваших способностях и решительном характере вы сделаете больше добра на других поприщах, а если бы когда-нибудь и понадобилась боевая деятельность, так она не уйдет от вас. Между тем, захваченный этой идеей, вы мешаете себе жить всесторонней жизнью. Я обещаю вам, что если мы встретимся через год, мы вместе посмеемся над вашим теперешним настроением. Но еще важнее это для партии. Почем вы знаете, что партия сама оставила в покое Столыпина? Такое ответственное выступление партия не может передоверить третьему и постороннему партии лицу. Помните, что я вполне ценю ваше доверие, с которым вы обратились ко мне. Я сочувствую вашему добруму гражданскому настроению, но я откровенно вам скажу, что партия не примет вашего предложения, а я отказываюсь передавать его на усмотрение Ц. К.

— Почему же? ..

— А потому что вы анархист... Не потому, что я против анархистов... У меня много друзей-анархистов. Но с точки зрения партийной и политической целесообразности, единение в таком ответственном деле социалистов-революционеров с анархистами — недопустимо, вредно. Вы рассудите сами. Допустим, что акт совершился. Вы, анархист, арестованы. Кому придет в голову, что этот акт дело партии? Если вы прикроетесь партией, вам никто не поверит, и во всяком случае партия должна будет тотчас же высказаться, — подтвердить или опровергнуть. Если партия теперь санкционирует ваше выступление, она не может молчать тогда. Она должна будет подтвердить. Но во что тогда превратится партия? .. Для анархистов борьба с государством и правительствами всеми средствами есть дело принципиальное. Для нас, социалистов, террористические акты могут быть допустимы только в исключительных случаях и только тогда, когда по совокупности обстоятельств каждый отдельный случай может найти себе достаточное оправдание в общественном мнении. Все социалистические партии уже пережили болезненный период экспроприаций. А наша партия уже переболела максимализмом. Как она может теперь сходить с ясно установленной позиции и сближаться с анархизмом? Если нужно устраниć Столыпина с политической сцены, то партия это должна взять на себя сама, и акт совершить должны ее собственные члены, эсеры, а не анархисты.

— Но если бы вы передали мое предложение на усмотрение Ц. К., может быть он отнесется иначе, чем вы?

— Помните, Д. Г., дабы не было между нами никаких недоразумений, мы должны быть абсолютно откровенны друг с другом. Теперь я спрашиваю вас: хотите вы послушать меня и отложить, или даже оставить совсем, ваше намерение, или вы с упорством фанатика будете настаивать на своем? С своей стороны, я считаю ваше предложение в настоящий момент настолько неприемлемым, что если бы я передал его на усмотрение Ц. К., то лично я стал бы настаивать, чтобы оно было отвергнуто. Это касается пункта о санкции вашего предложения нашей партией. И я вам сказал, почему. Что касается до моей личной оценки ваших планов, то я, как и социал-демократы и вообще русская интеллигенция, только порадуюсь, если Столыпин будет наказан за все его реакционные подвиги. Но ведь вы интересуетесь не лично моей оценкой вашего поведения, а вы добиваетесь, чтобы партия

взяла заранее на себя ответственность за ваше поведение, контролировать которое она не может. На это партия не согласится, и передавать ей об этом бесполезно. Все, кого я ни спрашивал, отзываются о вас как о заведомом анархисте. В последнее время партия получила столько жестоких ударов как от провокации, так и от ошибок своих собственных членов, что подвергнуть свою репутацию новым испытаниям она не согласится. Я вас убедительно прошу и настаиваю, чтобы вы не пытались искать никакого другого посредничества: ни Николая Яковlevича, ни Нины Александровны, тем более, вы понимаете, что это люди нелегальные и живут по кличкам. И вот, прежде чем расстаться, я прошу вас сказать мне определенно: согласны ли вы пересмотреть ваше решение и войти в общую революционную и культурную работу, или вы остаетесь при прежнем решении и желаете идти своей дорогой? Каков бы ни был ваш ответ, он должен быть искренним и нелицеприятным. Если вы откажетесь от вашего намерения, вы развязнете самого себя, и перед вами откроются широкие горизонты полезной общественной деятельности. Тогда, чем шире будет круг вашего знакомства и общественных связей, тем лучше. Если же вы остаетесь при прежнем решении, ваша жизнь и поведение должны быть обставлены так, чтобы в случае вашего выступления было скомпрометировано как можно меньше народа. Вы должны будете тогда прекратить всякие сношения не только со мной, но и вообще с радикальной и учащейся молодежью. Я жду вашего ответа...

Но ответа долго не было. Богров все время моей последней речи сидел за столом, подперев голову на ладонь. Как теперь помню: не получая ответа,— потому ли, что он огорчен, или потому, что обдумывает ответ,— я сказал: «Подумайте хорошенько», и тотчас же на несколько минут вышел из комнаты.

Когда я вернулся, Богров стоял с шляпой в руке.

— Неужели это последнее ваше слово?— сказал он.— Признаюсь, я и теперь не понимаю причин вашего отказа. Я был настолько уверен в вашем благоприятном ответе, что соответственно перестроил всю свою жизнь. Ведь я приехал сюда с двойной целью, чтобы повидаться с вами и для того, чтобы быть ближе к цели. Я уже заранее здесь обеспечил себе положение и надеюсь скоро устроиться так, что смогу иметь доступ к разным высокопоставленным лицам. Я ни в какой

посторонней помощи не нуждаюсь, и санкции партии прошу только под условием, если докажу своим поведением после вероятного ареста, следствия и суда. Большего для партии я не могу ни дать, ни обещать. Признаюсь, ваше отношение во многом расстраивает все мои планы. Я вновь остаюсь наедине с своими думами, совершенно изолированным. У меня вновь нет никого, кто бы мог авторитетно истолковать мое поведение и объяснить его не личными, а общественными мотивами... Я убедительно вас прошу подумать еще раз. Перед партией и перед всей страной ваш отрицательный ответ столь же ответственен, как и ответ положительный. В подтверждение я скажу: несмотря ни на что, я постараюсь привести свое решение в исполнение. Я стремлюсь сделать мое выступление более целесообразным, а вы этому мешаете. Вот результат наших разговоров...

Все это было сказано Богровым с сдержаным чувством и тоном, переходящим в агрессивность, так что я очутился в положении человека, которому приходилось защищаться. Было уже поздно и надо было кончать и расставаться.

— Мы люди взрослые, и учить нам друг друга не приходится. Самый предмет разговора требовал честного отношения к вам, т. е. полной искренности и откровенности. По вашей инициативе произошел обмен мнениями: вы высказали ваше мнение, а я высказал свое. Я не осуждаю вашей инициативы, я только против того, чтобы партия принимала на себя ответственность за ваше индивидуальное выступление. Надеюсь, мы расстанемся друзьями...

На этом мы расстались. Я предполагал — навсегда. Но недели через две, когда впечатления от сношения с ним стали улетучиваться, поздним вечером, часов в 9, совершенно неожиданно Богров пришел еще раз на мою квартиру. На этот раз свидание продолжалось лишь несколько минут. Он вошел в комнату, не раздеваясь, в легком летнем пальто.

— Простите, Е. Е., обстоятельства заставляют меня еще раз обратиться к вам и просить категорически ответить: могу я надеяться на поддержку партии или нет.

— Я считал вопрос выясненным, — сказал я, — и другого ответа дать не могу...

— В таком случае, еще раз прошу извинить меня, что побеспокоил вас. Согласно вашему указанию, — этого больше не случится.

Он протянул руку, мы попрощались, и он немедленно ушел. После того я его не встречал ни у Кальмановичей, ни на

улицах, ни в каких общественных собраниях. И самый образ его улетучился из моей памяти.

В мае 1911 г. я был уже у себя, в Швейцарии, а 2 сентября весь свет уже знал, что Столыпин смертельно ранен Дмитрием Богровым, от чего через несколько дней, 5 сентября, скончался. Только тогда я рассказал товарищам о моих сношениях с Богровым.*

* Из воспоминаний Лазарева следует, что эсеровская партия не давала Богрову санкции на убийство Столыпина. Между тем этот вопрос — от имени какой партии действовал Богров — был всегда одним из важнейших. В русском обществе со времен народовольцев повелось признавать политическим только те убийства, которые санкционировались какой-либо политической партией или группой; в противном случае они считались уголовными. Какая же партия ответственна за выстрелы в Киеве? Неожиданный ответ дает Александр Солженицын в «Августе Четырнадцатого», где он подробно, используя исторические документы, прослеживает все обстоятельства покушения. Свой вывод он изложил в интервью французскому телевидению, взятом у него 31 октября 1983 г. в связи с выходом книги в переводе на французский язык. Соглашаясь с замечанием интервьюера, что «описание терроризма делает «Август Четырнадцатого» очень актуальным для современного читателя», Солженицын говорит о Богрове как представителе нового типа террористов, порожденного российской революцией:

Богров — совсем особенное явление. Всех остальных террористов направляла организационная сила: иди и убей! и неважно, что будет с тобой.

А Богров — его никто не направляет. Его направляет, страшное дело, общественное мнение. Вокруг него существует поле. И в этом идеологическом поле — государственный строй России считается достойным уничтожения. Столыпин считается ненавистной фигурой — за то, что он Россию оздоравляет и тем спасает. Никто не говорит Богрову: пойди и убей! Он не связан практически ни с каким подпольем. Ему 24 года, и он в 24 года решает, что он, пожалуй, убьет Столыпина и повернет направление России. Это более сложный, структурно более тонкий способ манипуляции — не простого подполья, а идеологического поля, общего направления. Но это еще страшнее, потому что, как видите, само идеологическое настроение общества может создать террор.

(Газета «Русская мысль», Париж, 1 ноября 1984 года. Специальное приложение. Интервьюировал известный тележурналист Бернар Пиво для своей еженедельной программы «Апострофы». Первый показ интервью состоялся 9 декабря 1983 г.)

Письмо Богрова родителям

1 сентября 1911г.

Дорогие мои, милые папа и мама.

Знаю, что вас страшно огорчит и поразит тот удар, который я вам наношу, и в настоящий момент это единственное, что меня убивает. Но я знаю вас не только за самых лучших людей, которых я встречал в жизни, но и за людей, которые все могут понять и простить.

Простите же и меня, если я совершаю поступок, противный вашим убеждениям.

Я иначе не могу, и вы сами знаете, что вот два года, как я пробую отказаться от старого.

Но новая спокойная жизнь не для меня, и если бы я даже и сделал хорошую карьеру, я все равно кончил бы тем же, чем теперь кончаяю.

Целую много, много раз. Митя.*

Дорогие мои, любезные
дамы & сеньоры!

Знаю, что вы сейчас
занимаетесь подготовкой
к фестивалю в честь
Марии, и я хочу поздравить
вас с этим великим
днем. Я надеюсь, что
ваш фестиваль будет
успешным и ярким.

Продолжайте жить счастливо,
и я всегда буду с вами.

С любовью и уважением,

Анна Григорьевна Григорьевна

Григорьевна Григорьевна

* А. Мушин. Ук. соч., стр. 148—149.

СЕНТЯБРЬ 1911

НИКОЛАЙ II*

10 СЕНТЯБРЯ 1911 Г. СЕВАСТОПОЛЬ

Милая, дорогая мама.

Наконец нахожу время написать тебе о нашем путешествии, которое было наполнено самыми разнообразными впечатлениями, и радостными и грустными.

Начну по порядку.

Последние недели в Петергофе были переполнены: встречи, официальные приемы, две свадьбы и маневры — все это проходило, как кинематограф. Тебе, наверное, описали обе свадьбы — в Петергофе и в Павловске. Потом в Царском Селе я осматривал почти четыре часа подряд очень интересную выставку в память 200-летия Царского, устроенную в парке около Большого Дворца и вокруг озера. Наконец, в самый день нашего отъезда я был в Петербурге на спуске «Петропавловска», который был чрезвычайно эффектный и привел меня в такое умиление, что я чуть-чуть не разрыдался, как дитя.

В тот же вечер, 27 августа, мы поехали в Киев, куда прибыли 29 утром. Встреча там была трогательная, порядок отличный. Сейчас же начались у меня приемы. Из Болгарии был прислан Борис¹ для возложения венка от его отца и народа на памятник апапа². Освящение состоялось 30 авг[уста] при хорошей погоде; мы приехали с холодом и дождем. Следующие три дня 31, 1 и 2 сентября я проводил на маневрах и большом параде, а эти вечера были заняты в городе.

Я порядочно уставал, но все шло так хорошо, так гладко, подъем духа поддерживал бодрость, как 1-го вечером в театре произошло пакостное покушение на Столыпина. Ольга и Татьяна³ были со мною тогда, и мы только что вышли из ложи во время второго антракта, т[ак] к [ак] в театре было очень жарко. В это время мы услышали два звука, похожие на стук падающего предмета; я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову, и вбежал в ложу.

Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то, несколько дам кричало, а прямо против меня

* Письмо Николая II матери, императрице Марии Федоровне. Журнал «Красный архив», 1929, № 4 (35), раздел «Из записной книжки архивиста», стр. 209—211.

в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой.

Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь. Он тихо сел в кресло и начал расстегивать китель. Фредерикс⁴ и проф. Рейн⁵ помогали ему.

Ольга и Татьяна вошли за мною в ложу и увидели все, что произошло. Пока Столыпину помогали выйти из театра, в коридоре рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей, по-моему — к сожалению, полиция отбила его от публики и увела его в отдельное помещение для первого допроса. Все-таки он сильно помят и с двумя выбитыми зубами. Потом театр опять наполнился, был гимн, и я уехал с дочками в 11 час. Ты можешь себе представить, с какими чувствами!

Аликс⁶ ничего не знала, и я ей рассказал о случившемся. Она приняла известие довольно спокойно. На Татьяну оно произвело сильное впечатление, она много плакала, и обе они плохо спали.

Бедный Столыпин сильно страдал в эту ночь, и ему часто впрыскивали морфий. На след[ующий] день, 2 сент[ября], был великолепный парад войскам на месте окончания маневров — в 50 верстах от Киева, а вечером я уехал в гор. Овруч, на восстановление древнего собора св. Василия XII века.

Вернулся в Киев 3 сент[ября] вечером, заехал в лечебницу, где лежал Столыпин, видел его жену, кот[орая] меня к нему не пустила. 4 сент[ября] поехал в 1-ю Киевскую гимназию — она праздновала свой 100-летний юбилей. Осмотревал с дочерьми военно-исторический и кустарный музей, а вечером пошел на пароходе «Головачев» в Чернигов. В реке было мало воды, ночью сидели на мели минут 10 и вследствие всего этого пришли в Чернигов на полтора часа позже. Это небольшой город, но также красиво расположенный, как Киев. В нем два очень древних собора. Сделал смотр пехотному полку и 2000 потешных, был в дворянском собрании, осмотрел музей и обошел крестьян всей губернии. Поступил на пароход к заходу солнца и поплыл вниз по течению.

6 сент[ября] в 9 час. утра вернулся в Киев. Тут на пристани узнал от Коковцова о кончине Столыпина. Поехал прямо туда, при мне была отслужена панихида. Бедная вдова стояла, как истукан, и не могла плакать; братья ее и Веселкина находились при ней. В 11 час. мы вместе, т. е. Аликс, дети и я, уехали из Киева с трогательными проводами и порядком на улицах до конца. В вагоне для меня был полный отдых. Приехали сюда 7 сент[ября] к дневному чаю. Стоял дивный теплый день. Радость огромная попасть снова на яхту!

На следующий день, 8 сентября, сделал смотр Черноморскому флоту и посетил корабли: «Пантелеимон», «Иоанн Златоуст» и «Евстафий». Последние два совсем новые. Действительно блестящий вид судов и веселые молодецкие лица команд привели меня в восторг, такая разница с тем, что было недавно. Слава богу!

Всего на рейде стоит: 6 броненосцев, 2 крейсера, 20 больших миноносцев и 2 транспорта. В этом составе эскадра обошла все Черное море и также заграничные порты.

Тут я отдыхаю хорошо и сплю много, потому что в Киеве сна не хватало: поздно ложился и рано вставал.

Аликс, конечно, тоже устала: она в Киеве много сделала в первый день и кое-кого там видела, в другие дни хотя никуда не выезжала, кроме, конечно, освящения памятника. Она сама находит, что чувствует себя лучше и крепче, нежели два года тому назад, при приезде в Севастополь.

11 СЕНТЯБРЯ

Утром ездил с детьми к обедне на Братское кладбище, которое теперь приведено в большой порядок благодаря Комитету Севастополской обороны Сандро⁸ и его помощника ген. Зайончковского.— Третьего дня был шторм, и как раз попала в него на переходе сюда из Одессы бедная Ирина⁹. Она долго не могла встать утром и приехала к нам перед завтраком зеленая и молчаливая. Позже она развеселилась и уехала в Айтодор на моторе.

Многие из господ ездят в Ливадию и привозят очень приятные известия о новом доме; его находят красивым снаружи, уютным и удобным внутри. Мы приедем туда к 20-му, как просил нас архитектор Краснов; раньше не стоит, т[ак] к [ак] Аликс лучше отдохнет на яхте, чем в доме с неустроеными комнатами!

Я нахожусь в переписке с Коковцовым относительно будущего министра внутренних дел. Выбор очень трудный. Надо, чтобы вновь назначаемый знал хорошо полицию, кот [орая] сейчас в ужасном состоянии. Этому условию отвечает государственный секретарь Макаров¹⁰; он был товарищем при Столыпине и год тому назад составил законопроект о полиции. Я еще думаю о Хвостове, бывшем вологодским губернатором¹¹, теперь он в Нижнем. Не знаю, на ком остановиться.

Теперь пора кончать.
Христос с тобою! Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама.
Поклон всем.
Сердечно тебя любящий твой

Ники.

Примечания составителя

- 1) Борис — сын и наследник болгарского царя Фердинанда; на престоле с 1918 по 1946.
- 2) «*апапá*» — так Николай II в интимной переписке с матерью называл своего деда, императора Александра II.
- 3) Ольга (род. 1895) и Татьяна (род. 1897) — великие княжны, старшие дочери Николая II. Расстреляны вместе со всей царской семьей в ночь на 17 июля 1918 в Екатеринбурге (Свердловск).
- 4) Владимир Борисович Фредерикс (1838—1927) — барон, граф, министр императорского двора.
- 5) О Г. Е. Рейне см. прим. на стр. 173.
- 6) Аликс — Александра Федоровна (род. 1872), императрица, супруга Николая II. Расстреляна в ночь на 17 июля 1918.
- 7) О В. Н. Коковцове см. прим. на стр. 54.
- 8) Сандро — великий князь Александр Михайлович (род. 1866), внук Николая I, муж старшей сестры Николая II Ксении Александровны. С 1900 по 1905 возглавлял Торговый флот России, затем организатор первых авиационных школ. Умер в эмиграции.
- 9) Ирина — великая княжна Ирина Александровна (род. 1896) — дочь Александра Михайловича, супруга князя Феликса Юсупова, одного из убийц Распутина.
- 10) Об А. А. Макарове см. прим. на стр. 229.
- 11) Алексей Николаевич Хвостов (1872—1918) — в 1911 нижегородский губернатор, в 1915—1916 министр внутренних дел. Расстрелян большевиками в сентябре 1918.

А. С. ПАНКРАТОВ*

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 1911 ГОДА

(Впечатления очевидца убийства П. А. Столыпина)

Киевский городской театр — место служения искусству — сделался ареной кровавого дела. Кажется, впервые террористы выбрали театр для совершения убийства. Нет более неудобного места для их целей, как театр. Прежде всего никакой надежды на спасение у убийцы возникнуть не может. Около министров, на которых более всего охотятся революционеры, не бывает в театре разношерстной толпы, в которой можно бы затеряться. Первый ряд, в котором обычно сидят министры на парадных спектаклях, всегда в ярком электрическом свете и у всех на виду. Подойти к первому ряду трудно, так как всегда можно ждать, что проход охраняется. Наконец, выбежать некуда — кругом несколько полицейских цепей. Что касается киевского события, то там дело еще более усложнялось, так как на спектакле присутствовал Государь Император с августейшими дочерьми. Значит, охрана была усиlena.

И все-таки кровавое дело совершилось. Охрана не только не спасла, но была введена в заблуждение ловким убийцей и охраняла высокопоставленных лиц от всех, кроме самого убийцы.

Дело было обставлено так, что в театр на парадный спектакль пройти было очень трудно. Спектакль устраивался городом. Билеты были расписаны между видными и всем известными людьми: чиновниками, дворянами и общественными деятелями. И многие даже из таких известных людей не получили права входа в театр, так как число мест было ограничено. Часть билетов разошлась между думцами, часть между видными киевлянами: польскими магнатами, состоящими в придворных должностях или вообще близкими по своим симпатиям к русскому двору, чиновниками, дворянами и военными начальниками. Часть предоставлялась в пользование приехавших с Государем и вообще на киевские торжества людей. Кроме придворных и министров с их приближенными чиновниками, в Киев съехались со всего Юго-Западного края губернаторы, вице-губернаторы, предводители дворянства, но-

* Журнал «Исторический вестник», т. 126, октябрь 1911, стр. 613—639.

Александр Саввич ПАНКРАТОВ (1872—1922) — журналист, в 1911 сотрудник ежемесячника «Новая Жизнь» (не путать с большевистской газетой того же названия).

вые земские деятели и начальники военных частей. Наконец нельзя было отказать в билетах членам киевских монархических организаций, которые на торжествах вообще играли очень видную роль и которым везде отводились лучшие места. К длинному списку обязательных гостей управа для фона прибавила горсточку учащихся девочек и мальчиков, отведя им часть галерки. Наконец, полиция и жандармерия имела в театре видное количество своих представителей; жандармский мундир можно было встретить в антрактах: в фойе, в буфете, в коридорах.

Дня за два до первого сентября я был в городской управе и просил дать мне билет, как представителю одной московской газеты. Чиновник махнул в ответ рукой:

— Куда там! Генералам отказываем...

Это не было преувеличением. Уже после злополучного спектакля я случайно разговорился с одним путейским действительным статским советником. Он жаловался и негодовал:

— Мне не дали билета, а Богрову дали...

По одному этому можно судить о составе посетителей парадного спектакля. Там были отборные лица. Поэтому ни у кого и мысли не могло возникнуть о возможности каких-нибудь революционных эксцессов в такой парадной обстановке. Террористу немыслимо было пройти туда.

Припоминая разные моменты киевских торжеств, можно сказать, что убийцам представлялось много гораздо более удобных положений, чем театр. Начиная с 29 августа Государь с августейшей семьей и министры ежедневно бывали среди толпы. Всякий знает, что переодетые сыщики и полицейские, сдерживающие толпу, — фикция как охрана. Как могут они предотвратить несчастье, когда неизвестная и разнокалиберная толпа находится в 3—4 шагах от высокопоставленных лиц? К тому же часто Государь и за ним все экипажи ехали тихо. Помню один момент: в первый же день по приезде в Киев Государь Император с августейшей семьей и министрами направились из дворца в Киево-Печерскую лавру. Народу было тьма. Конные жандармы еле сдерживали толпу в переулках, прилегающих к Александровской и Никольской улицам. Но кое-где, особенно близко к лавре, были перерывы, где на тротуаре не было толпы, а стояло 2—3 ряда зрителей. Я попал в один из этих перерывов. Здесь было пусто. Тихо замедленной рысью проехала мимо нас процесия. Таких моментов было много. Толпа была так близка к Государю и министрам, что иногда становилось страшно. Купеческий сад вечером 31 августа представлял уже совсем удобную позицию для покушения. Представьте себе шеститы-

сияющую толпу в постоянном движении при очень тусклом освещении. Ночь была темная. Сейчас же за линией сада зиял черный обрыв, в который можно прыгнуть и исчезнуть. Там уже всякие следы терялись. Убийца мог просто даже скрыться в толпе. Был один момент, когда толпа бросилась к обрыву смотреть иллюминацию Труханова острова, смяла и уничтожила цветники. Тут в этой суматохе было уже очень легко исчезнуть. До чего трудно было в этот вечер предохранить Купеческий сад, в котором были высокие гости, от сомнительных людей, можно судить по такому случаю. Мы, корреспонденты газет, стояли около Царского шалаша и заметили, что в толпе трется какой-то человек в мещанском картузе и пиджаке. Всмотрелись: и костюм, и движения обличали в нем очень подозрительного человека. Заметила полиция и его отвела в участок. Явился вопрос: как он вошел в сад? Да просто, гораздо проще, чем все мы, к которым предъявили требование показать билет. Он влез со стороны обрыва в сад. Поздно вечером нам передали, что некоторые из фрачников лишились своих часов. Видимо, работала целая шайка мошенников, которая не вся же целиком влезла по откосу. Можно думать, что часть этой шайки вошла в сад и на законном основании. На таком же основании мог проникнуть туда и террорист. После оказалось, что Богров был в саду, и только какая-то случайность помешала ему совершить свое кровавое дело здесь...

Наконец, что касается П. А. Столыпина, то по приезде в Киев он в первые дни бесстрашно ходил пешком без охраны по Институтской улице: из генерал-губернаторского дома, где жил, в отделение государственного банка, где остановился В. Н. Коковцов.

Однако судьбе угодно было допустить убийство в том месте, где менее всего можно было ждать его. Это склоняет меня к мысли, что покушение Богрова было случайно, без заранее выработанного плана. А удалось оно только благодаря крайней оплошности охраны и благоприятному для убийцы стечению обстоятельств, в силу которого никто не задержал Богрова, когда он подходил к министру: между тем ему надо было пройти длинные ряды стульев от поперечного прохода до третьего ряда.

Билета не имели, кроме меня, многие из моих коллег. Лишь два сотрудника местных газет сумели, благодаря связям в городской управе, достать билеты заблаговременно. Но у нас, безбилетных, оставалась надежда на придворную цензуру, к которой мы были, так сказать, приписаны. Придворная цензура состояла из трех чиновников:

д. с. с. Н. И. Оприца и двух его помощников П. Н. Петрова и А. В. Суслова. Все они с редкой любезностью, мягкостью и добросердечием относились к нам. Мы были уверены, что нам, имеющим уже разрешительный билет от императорского двора и товарища министра Курлова, генерал Н. И. Оприц не откажет в просьбе провести в театр. Накануне он провел нас в Купеческий сад. Но когда я обратился к нему с просьбой считать меня кандидатом в театр, он ответил неопределенно:

— Не знаю как... Трудно...

Он, видимо, учитывал то положение, когда в небольшой сравнительно театр нужно было поместить массу народа. Я уже отчаялся попасть и приготовился провести вечер дома, но один из коллег отвел меня в сторону и шепнул:

— Приходите перед спектаклем сюда, и мы упросим Николая Ильича провести нас.

В 8 часов вечера 1 сентября мы собирались в помещении цензуры. Корреспондентов, желающих пойти, оказалось человек пять. Остальные, основательно предполагая, что «там ничего особенного не будет», захотели отдохнуть вечером. Но, как выяснилось после, отдохнуть им не пришлось. Н. И. Оприц обрадовал нас, сказав, что в театре для нас оставлено несколько мест.

Когда мы подошли к театру, площадь была уже совершенно очищена от народа, который густой толпой стоял по тротуарам Большой Владимирской и Фундуклеевской улиц. Кругом цепь городовых, околоточных и помощников приставов. Топтались на своих местах конные жандармы. Мы шли вдвоем с корреспондентом «Колокола» Н. Н. Балабухой. Его форменный вид, медали и кокарда были так внушительны, что нас пропустили через цепь полиции без опроса и удостоверения нашей личности.

Подошли к театру. Около дверей стояло несколько групп. Несколько людей в цилиндрах кого-то, видимо, ждали. Помню впереди стоял высокий, бритый молодой человек в пенсне и пальто, лицом он был обращен к левому боковому входу. После, когда было совершено покушение и я впервые увидел Богрова, когда он бежал к выходу,— мне показалось, что ожидавший кого-то молодой человек имел с убийцею большое сходство...

В дверях стояло двое жандармских офицеров. Они контролировали билеты. Я заметил, контроль был строгий. «Беспокоили» не только неизвестных фрачников, но и седых генералов в звездах и орденах и их пожилых, расфранченных дам. Все покорно вынимали билеты и показывали их контролерам. Мы подождали, пока подъедут чины придворной цензуры. По их

словесной просьбе, обращенной к контролерам, нас всех пропустили в театр.

В коридорах толпились мундиры и кителы. Более всего было кителей. Мы, фрачники, были в заметном меньшинстве. Разделись и прошли в ложу бельэтажа, назначенную нам. Оказалось, что эта ложа занята семьей антрепренера Брыкина. Наши места были сзади их кресел. Всего нас, корреспондентов, было в ложе шесть человек: В. А. Прокофьев от «Нового Времени», Н. Н. Балабуха от «Колокола», г. Клепацкий от «России», г. Высотский от «Рижского Вестника», Е. М. Бабецкий от «Южного Края» и я. Кое-как разместились. Ложа была мало удобна для того, чтобы смотреть из нее на сцену, но зато весь партер и, главное, первые ряды его были у нас на виду, а Царская ложа была прямо против нас.

Театр весь был белый от белых платьев женщин и кителей. В партере я насчитал только около 20 фрачников и почти все они были расположены сзади, за исключением петербургского городского головы Глазунова, место которого было в третьем ряду недалеко от кресла П. А. Столыпина.

Минут за десять до приезда Государя в зале появились министры. Вошел Кассо, Сухомлинов, Саблер. Наконец прошел к своему креслу председатель совета министров. Взоры всех были устремлены на него. Он стал лицом к публике. Его румяное лицо было ясно и, по-видимому, спокойно. Никому в зале не приходило в голову, что через полтора часа этот большой, сильный человек будет сидеть в кресле бледный, с закрытыми от слабости глазами. Министр разговаривал о чем-то с подошедшим к нему Кассо. Потом беседовал с каким-то полным молодым администратором. Раскланивался с Глазуновым и другими лицами. Одним из последних вошел в зал В. Н. Коковцов и прошел в противоположную от кресла П. А. Столыпина сторону первого ряда, ближе к нашей ложе.

Наконец, около 9 часов приехал Государь с двумя августейшими дочерьми: Ольгой и Татьяной. Государь сел в выступе генерал-губернаторской ложи и был весь открыт театру. Около него, также на виду у зрителей, сели августейшие княжны. Нам было видно, что в глубине Царской ложи рядом с Государем занял место болгарский княжич Борис Тырновский, а за ним великие князья Андрей Владимирович и Сергей Михайлович. Один из великих князей положил на барьере перед Государем афишу, которую Царь уже в темноте долго рассматривал и читал и затем передал дочерям.

После троекратного гимна начался первый акт «Сказки о Царе Салтане». Постановка была прекрасная, голоса также

недурны. Играли г-жа Воронец, которую выписали специально для этой пьесы из Одессы, гг. Улуханов, Орешкевич, Томский (Кочуров) и др. Я видел, как Столыпин во время первого действия раза два взглянул на Государя. Казалось, что его мало интересует сцена, а тревожит или просто занимает что-то другое. Но лицо его по-прежнему оставалось внешне спокойно. Кончился акт. Все встали. Государь просидел на месте минуту и затем вышел в свое фойе. Туда же направились и великие княжны. П. А. Столыпин оставался на месте. Около него образовалась группа. Сзади его кресла, но в третьем ряду, я увидел его великокорсого адъютанта-телохранителя г. Есаулова.

Так же прошел и второй акт, после которого все присутствовавшие в Царской ложе ушли в свое фойе. П. А. Столыпин встал, повернулся лицом к публике и оперся на барьер. Около него стояли военный министр Сухомлинов и шталмейстер граф Потоцкий. Первые ряды на большое протяжение были пусты. Было одиннадцать с половиной часов. Оставалось 12 минут до окончания спектакля: после этого последнего антракта должна была пройти небольшая картина.

Я вышел в коридор, прошелся и когда опять поровнялся с своей ложей, то услыхал два один за другим последовавших сухих, но резких треска. Первая моя мысль была такова: «Что-то лопнуло. Электрический прибор какой-нибудь?» Все были страшно далеки от мысли о покушении. Какой-то офицер пробежал мимо и проговорил: «Это шампанское». Но Н. Н. Балабуха, выбежавший, кажется, из буфета, сказал: «выстрели». Мы бросились в свою ложу. Все это было делом нескольких секунд. У меня в это время промелькнула мысль: «не самоубийство ли?» Потом эту мысль вытеснила другая: «если покушение, то понятно на кого...». После, когда все делились своими впечатлениями, я узнал, что у всех была эта последняя мысль.

Наша ложа была пуста. Прежде всего до меня донеслось восклицание дамы, сидящей за роялем в оркестре:

— Государь жив.

Общее напряжение после этих слов немного упало. Одновременно послышался чей-то пронзительный, видимо женский, крик. Кто-то, должно быть, упал в обморок. Мы посмотрели вниз и замерли. П. А. Столыпин стоял бледный, без кровинки в лице, лицом уже к сцене и ленивым, вернее, больным длительным движением снимал с себя китель. Когда снял и передал кому-то из группы, его окружавшей, я увидел на его белом жилете немного повыше правого кармана красное пятно величиной в медный пятачок. Затем раненый

повернул лицо к Государевой ложе, которая была пуста, и левой рукой сделал по направлению к ней жест. Этот жест я видел отчетливо. Он или успокаивал, или, вернее всего, предостерегал:

— Не ходите сюда.

После этого он сел в кресло, вытянул как-то неестественно ноги и уронил голову на грудь. Видимо, он стал слабеть. В моей памяти запечателась одна подробность: кто-то в военной форме быстро подошел изнутри Царской ложи к ее барьеру, заглянул в зал и так же быстро удалился вглубь. Кто — я не мог упомянуть.

Одновременно с поранением министра я увидел другую картину. Какой-то высокий молодой человек, мне показалось, белокурый, с закинутыми назад волосами, очень бледный, сильным движением рук отбросил от себя двух военных, пытавшихся его схватить, обернулся на миг лицом к нам и кинулся к правому выходу, но сейчас же был схвачен и сбит с ног. Человек пятьдесят чиновников, военных, камергеров, «союзников» набросилось на него. Убийцу уже не было видно, он лежал на полу. Толпа мгла его, терзала, била. Какой-то чиновник, стоя в ложе Потоцких около выхода, обнажил шпагу. Блеснуло лезвие и опустилось на убийцу. Этот же чиновник выскоцил из ложи на спину или на грудь его и стал топтать. В эту страшную минуту театр жил страшною жизнью. Сверху из лож иступленно кричали:

— Убить его! Убить!

Кричали женщины. Кричали истерически, жестикулируя руками. У мужчин оказалось более благородства. На крик «убить» они отвечали:

— Зачем убивать? На суд. Оставьте его.

У меня осталась в памяти такая картина. Рядом с нами была ложа известного киевского администратора. Там стояли две женщины и кричали: «убить». Я видел их иступленные лица. А он урезонивал:

— Что вы! Что вы! Разве можно?

Среди яростных криков толпы, избивающей убийцу, вдруг выделился один хриплый голос:

— Гимн.

Но его не поддержали. Наш сосед по ложе закричал:

— Не надо... Министр еще в зале.

Потом избитого убийцу толпа выволокла из зала. Я его больше не видел. Перевел глаза на Столыпина. Он сидел, склонившись набок, закрыв глаза. Его поддерживали. В газетах писали, что после выстрелов находившиеся вблизи премьера лица побежали от него прочь. Это неверно. Все

остались здесь и окружили раненого. Его подняли человек восемь и, насколько можно осторожно, вынесли из зала. Этот перенос, видимо, усилил боль — гримасы бледного лица выдавали мучительные страдания. Министр сжал зубы, чтобы не стонать и не кричать.

Процессия с раненым еще не вышла из зала, как в "ложе" появился Государь. Открыли занавес. Вся труппа в костюмах, во главе с антрепренером Брыкиным и режиссером Гецевичем, стояла на сцене. Запели гимн. Вместе с артистами запел весь театр. Подъем был необычайный. Некоторые артистки стояли на сцене на коленях и протягивали руки к Государю. Государь кланялся. Театр кричал «ура». Гимн был повторен три раза. Когда Государь ушел, кто-то на верхах запел «Спаси, Господи». Его поддержали артисты и весь театр. Молитву пропели три раза.

Государь с августейшими дочерьми сейчас же уехал во дворец. Спектакль не был докончен. Все стали разъезжаться. П. А. Столыпина вынесли в тот же выход, в который выволокли и убийцу. Раненого положили на маленький малиновый диванчик, стоявший недалеко от кассы. Здесь профессора Рейн и Оболонский остановили ему кровь. Затем в карете скорой медицинской помощи больного увезли в хирургическую лечебницу Маковских. Передают, когда карета скорой помощи, вызванная по телефону, ехала в театр, ее не хотели пропустить сквозь полицейскую цепь, требовали пропуск. Но кучер стегнул лошадей, и карета проехала без пропуска.

В коридоре убийцу вырвали из рук разъяренной толпы, арестовали и препроводили в буфет генерал-губернаторской ложи, где сняли с него первое показание. Лицо из театральной администрации, видевшее его в этот момент, рассказывало мне, что хотя Богров и был сильно избит (у него оказалась сеченая ранка на лбу, выбиты два зуба, шишка от бинокля, которым кто-то ударил его из ложи, боль под ложечкой, растерзанный костюм), но все-таки был в сознании, держал себя спокойно, даже вызывающе, попросил папироску.

Допрашивал его судебный следователь по особо важным делам Фененко и товарищ прокурора Слепушкин при прокуроре судебной палаты Чаплинском и при других чинах судебного ведомства. Убийца назвал себя Дмитрием Григорьевичем Богровым. Он еврей, помощник присяжного поверенного киевского округа, 27 лет. Два года как окончил университет. В кармане его был найден театральный билет № 406 в восемнадцатом ряду партера, выданный киевским охранным отделением. Богров сам писал свое показание. Писал долго.

Допрос кончился в пять часов утра. Затем на убийцу надели наручники. Он протестовал:

— Мне же больно,— сказал он.

Но на протест не обратили внимания.

Как бы не доверяя одному наручнику, Богрову скрутили руки веревками, посадили в карету и отвезли в крепость Косой Капонир, находящуюся около Печерской лавры.

По дороге в крепость Богров обратился к одному из сопровождавших его полицейских с просьбой дать ему папиросу.

— Вся эта история меня страшно взволновала, я до сих пор не могу очнуться,— сказал он.

Но вернемся немного назад. Мы, корреспонденты, задержались в своей ложе и обсуждали событие. В ложу пришел взволнованный антрепренер Брыкин. Обращаясь к своей жене, он с горечью заметил:

— Нужно же ему именно в театре...

Он затратил много энергии на постановку спектакля, так долго готовился к нему, и все это пошло прахом. Выстрел Богрова уничтожил все хорошие впечатления от пьесы.

Потом мы стали расходиться. В коридорах и в фойе оставались еще группы, обсуждавшие злобу вечера. Я подошел к одной группе. Старый, седой чиновник в чине генерала говорил:

— Где же была охрана?

В это время еще не было известно, что Богров прошел в театр по билету охранного отделения. Чиновнику отвечали:

— Эх, охрана! Наша охрана...

— Где же был телохранитель Столыпина?

— В коридоре.

Действительно, г. Есаулова не было в тот момент в зале. После я беседовал с доктором Маковским, который сообщил,— не знаю, с чьих слов,— что телохранитель по окончании второго акта был послан П. А. Столыпином приготовить автомобиль, так как министр хотел одним из первых сейчас же после третьего акта уехать из театра домой. Начальник охранного отделения Кулябко после передавал, что автомобиль министра был приготовлен и дожидался его у подъезда, поэтому незачем было посыпать адъютанта приготовлять его.

Об охране во всех группах говорили с ожесточением и негодованием.

— Ведь при такой халатности и не Столыпина можно было убить...

— Да, не было ничего легче...

Некоторые задавали вопрос:

— Как могло случиться, что в театр, наполненный отборными в смысле благонадежности лицами, попал революционер?

Ответ на этот вопрос стал известен только на другой день.

В другой группе шел такой разговор:

— Кто стрелял?

— Какой-то Богров, здешний адвокат. Его сейчас опознал один бывший в театре член суда...

— Кто он, русский?

— Нет, еврей...

Полковник, стоявший около, облегченно произнес:

— Слава Богу, что не русский...

И перекрестился.

Он забыл, видимо, что у нас были Рысаков, Желябов, Перовская, Каляев, Сазонов, Карпович...

Тут в разговоре выяснилась одна подробность. Некоторые думали, что выстрел был произведен со сцены.

Мы вышли из театра и пошли сначала пешком в помещение цензуры. Киев, видимо, уже знал о печальном событии. На улицах составлялись группы и даже стояли толпы, где передавались подробности покушения. Слышались мрачные предсказания:

— Погрома не избежать...

Утром 2 сентября Киев проснулся в очень тревожном настроении. Сейчас же выяснилось определенно, что убийца еврей. Его многие знали, знали отца его и всю семью.

Отец Богрова — известный в городе присяжный поверенный, член дворянского клуба и председатель старшин в еврейском клубе. Известен он был Киеву и как счастливый игрок в азартные игры. Собственно говоря, он и жил в последнее время картами, практику же забросил. Его состояние оценивалось до миллиона. Однако несколько лет тому назад фортуна стала изменять ему. Во время поездки в Петербург он проиграл в одном из клубов более ста тысяч рублей. С этого момента он потерял хладнокровие, стал играть без выдержки и вскоре проиграл почти все деньги, нажитые за несколько лет удачной игры. Выстроенный им на Бибиковском бульваре громадный дом пришлось заложить.

Самого убийцу также знали, как молодого человека, почти не занимавшегося адвокатурой, но увлекающегося азартными играми, тотализатором и спортом. Впрочем, увлечение его не носило широкого масштаба, не было беспардонным. Он проигрывал небольшие деньги. О революционной деятельности его никто не знал. Тем менее мог кто-нибудь знать об его связи с охранным отделением.

Но все эти подробности отошли в сторону перед главным: «Богров еврей». Уже в ночь покушения много евреев, наспех собравшись, покинули Киев. В том, что сегодня или в крайнем случае после 6 сентября, когда Государь уедет из Киева, неминуем погром, никто не сомневался. На бирже началась паника. Я был в тот день у биржевого нотариуса. Он сказал:

— Платежи по векселям поступают туго. Некоторые из евреев приходят и говорят, что от уплаты они воздерживаются, так как не надеются, что завтра не будут разорены.

События всего дня развивались как раз в сторону погрома. Утром начали служить везде молебны о выздоровлении раненого министра. В Софийском соборе такой молебен состоялся в два часа дня. После богослужения толпа из членов монархических организаций человек в полтораста с пением «Спаси, Господи» собралась во дворе собора. Среди них появились большие портреты Государя Императора и Государыни Императрицы. Начались бурные, зажигательные речи. Ораторы открыто и страстно призывали к погрому. В особенности много и сильно в этом направлении говорил студент Голубев от имени «Союза Михаила Архангела». За ним взял слово один старик в белой парусиновой поддевке, с широкой трехцветной национальной лентой через плечо и со значком «Союза русского народа». Он говорил:

— Православные. Ничего не предпринимайте до 6 числа. Мы оскорбим этим Царя-батюшку...

Полиция первое время была совершенно бессильна. Она ограничилась сначала тем, что никого из посторонних не пускала в двери собора. Но с толпой манифестантов поделать ничего не могла. Киевской полиции тут не было, была московская. Я встретился на площади с одним знакомым по Москве помощником пристава. Он был в отчаянии.

— Положительно не знаю, что делать. У них план: эта толпа пойдет отсюда к Крещатику, а другая направляется сейчас с Подола на Крещатик. Там они соединятся и начнут громить. Погрома не избежать. Послушайте, что они говорят!

Толпа со двора Софийского собора направилась с пением и речами на Софийскую площадь. Здесь у памятника Богдану Хмельницкому она задержалась на минуту. Помощник пристава опять хотел было убедить манифестантов разойтись. Но толпа направилась к Михайловской площади. Я пошел с ней. Толпа манифестантов была, в сущности, очень небольшая, больше было зевак и любопытных. Около памятника св. Ольги, на котором в то время еще было надето полотно, так как памятник не был освящен, толпу постигла неудача. Московская полиция поняла, что надо действовать смело, иначе быть

большой беде. Помощник пристава выбрал трех «агитаторов», среди которых очутился студент Голубев, и арестовал их. Портреты были отобраны. Толпа зашумела было, стала грозить, что донесет начальству, но... все-таки разошлась. В это время другую толпу, шедшую с Подола, рассеяли казаки. После стало известно, что члены монархических организаций обращались с жалобой на полицию почему-то к обер-прокурору В. К. Саблеру.

Любопытно, что, когда главари манифестации были арестованы, некоторые жители подошли к полицейским офицерам и благодарили их.

— За что же? Мы исполнили нашу обязанность,— удивились те.

Тревога, конечно, не улеглась.

Утром состоялось экстренное собрание городской думы. Это собрание в Киеве названо «историческим». Открывая заседание, городской голова, между прочим, сказал:

— Все меры, которые мы, представители города, приняли для безопасности высоких особ, были по силе нашей возможности. Если и произошло прискорбное событие, то не по вине городского управления. Преступник был допущен другим административным учреждением, которому, по распоряжению губернатора, мы передали несколько билетов.

Это поразило всех страшно. Лидер киевских думских националистов гласный Иозефи предложил голове определенно и точно ответить:

— Как Богров попал в театр?

Голова ответил:

— К нам обратилась администрация с просьбой выдать 10 билетов для чинов охраны. Вот в этой книге (показывает книгу) есть расписка в получении этих билетов начальником охранного отделения подполковником Кулябко.

Все стали смотреть книгу. Действительно, богровский билет (кресло № 406) был выдан охранному отделению. Тогда г. Иозефи предложил, чтобы не потерялись следы и доказательства, сфотографировать место в книге с распиской, чтобы открыто заявить всем, что городское управление в этом страшном событии ни при чем. Это предложение было принято собранием и утверждено губернатором. Вместе с этим г. Иозефи обратился к гласным с такой речью:

— Если охрана так неудовлетворительна, то будем ходатайствовать о разрешении нам, гласным, взять на себя охрану высоких гостей нашего города, хотя бы для этого нам пришлось дежурить по ночам.

И это постановление было принято и утверждено.

Кроме того, было постановлено всем поехать и расписаться в книге соболезнований и повергнуть к стопам Его Императорского Величества свои верноподданныческие чувства.. Тут же гласные решили назвать Малую Владимирскую улицу — «Столыпинской», приобрести лечебницу Маковских и назвать ее также «Столыпинской». Это «историческое» заседание породило еще больше тревоги в народе. Вечерняя газета определенно сообщила, что Богров был охранник, разъездной агент охранного отделения. Все обвиняли во всем Кулябко за лишнее доверие и за слепоту, которая не позволила ему разгадать в Богрове террориста. В конце дня стало известно, что Богров получил билет как агент охраны, что он будто бы был приставлен г. Кулябко к особе министра для охраны.

Вечером город совершенно изменил свою физиономию. Не было видно не только масс народа, как это было накануне, но и небольших групп. Встречались одиночные прохожие, спешившие домой с выражением испуга и озабоченности на лицах. Как раз в 11 часов вечера Государь уехал в Овруч, и по городу расползлись слухи, что сегодня ночью надо ждать погрома. Город, еще вчера сиявший электричеством, теперь был погружен в темноту, вполне гармонировавшую с унынием, овладевшим жителями. Блестела огнями лишь арка при въезде во дворец да два-три дома по Александровской улице. Казалось, что хозяева этих домов позабыли потушить фонари. Главная бойкая улица Крещатик была совершенно пуста.*

Толпа народа стояла лишь в одном пункте города — на углу Большой Подвальной и Малой Владимирской. Проезд по Малой Владимирской был запрещен, тут через улицу был протянут канат, стоял наряд городовых и конные жандармы. Набросана кругом солома, чтобы ослабить стук колес. Толпа стояла в безмолвии, ловя вести, которые изредка приносились людьми, посещавшими лечебницу.

В первый день была большая надежда на выздоровление раненого министра. Около постели больного собралось до 15 киевских врачей. Среди них несколько профессоров: декан медицинского факультета Н. Н. Оболонский, Яновский, Рейн, Волкович и др. Консилиумом было установлено, что рана в груди представляла собою отверстие в области шестого межреберного промежутка кнутри от сосковой линии. Выходного отверстия не было. Сзади пуля прощупывалась под 12-м ребром на три пальца от линии остистых отростков позвонков. Вторая рана сквозная в кисть правой руки. Я забыл в свое время упомянуть, что эта вторая пуля, прострелив руку министра, попала в ногу первого скрипача оркестра Антона Берглера. Раненый музыкант долго, но тщетно кричал: «Помо-

гите!» На него никто не обращал внимания: одни думали, что он призывает на помощь П. А. Столыпину, другие — что с ним истерика. Только спустя полчаса он был доставлен в Тарасовскую больницу. Рана Берглера оказалась неопасной.

Владелец лечебницы доктор Маковский, с которым я тогда беседовал, рассказывал, что врачи с первого момента разделились на оптимистов и пессимистов. На другой день приехал известный петербургский хирург профессор Цейдлер. Он определенно стал на сторону оптимистов. Ослушав больного, он вышел в комнату, где собирались врачи, и сказал:

— Ручаюсь, что больной выздоровеет.

Но, например, Маковский, по его словам, уже в первый день ставил 65 против выздоровления и 35 за выздоровление. А за день до смерти ставил уже 95 против. Он сообщил, что врачи с первого момента определили прострел печени. Между тем, в официальных бюллетенях о печени говорилось, что врачи не установили точно прострел печени. По вскрытии, как рассказывал мне профессор Оболонский, вскрывавший труп, оказалось, что печень не только прострелена, но размозжена, так как пуля, ударившись о владимирский орден, расплющилась и вошла в организм как разрывная. Любопытно, что врачи в первый день говорили о благодетельной роли владимирского креста. Он, дескать, ослабил силу ранения. Но оказалось как раз наоборот.

Раненый министр по дороге в лечебницу стонал, жаловался на боль, просил телеграфировать жене, чтобы она не беспокоилась. «Что суждено, тому не миновать», — говорил он. Когда его привезли в лечебницу, он крепко держал рукой раненную грудь. Врачи разрезали на нем жилет и рубашку и отвели руку.

Министр думал, что он сейчас умрет. Приобщился св. тайн. Но обнаруживал при этом редкое присутствие духа. Он уже не стонал от нестерпимых болей, сдерживался. В самую тяжелую минуту, когда лежал на операционном столе, он вспомнил о раненом музыканте и спросил об его здоровье. «Слава Богу», — сказал он, когда услышал, что рана музыканта не опасна. Вообще, по отзывам врачей, министр был редкий, исключительный больной. Доктор Маковский говорил мне, что за 16 лет практики он встретил первого такого дисциплинированного больного. Министр был послушный, терпеливый, деликатный больной. Обычно же больные капризны. Он иногда говорил: «Как мне совестно, сколько хлопот и убытков я вам принес». Ни стонов, ни жалоб мы от него не слыхали. Иногда только он говорил: «Больно». Или: «Тоска меня одолевает».

После первого осмотра и перевязки ран больного ему прописали абсолютный покой. К нему никого не пускали из посторонних за все время его болезни. На другой день приехала его супруга Ольга Борисовна, она не отходила от его постели. Да дежурил врач, без которого больной боялся оставаться. Исключение было сделано только для В. Н. Коковцова, который исполнял обязанности председателя совета министров и, конечно, не мог миновать указаний и руководства П. А. Столыпина. Он несколько раз беседовал с раненым. Третьего сентября в седьмом часу вечера Государь Император по приезде из Овруча прямо с вокзала направился в лечебницу. Врачи не были против того, чтобы Царь беседовал с министром. Но О. Б. Столыпина, с которой Государь милостиво беседовал наедине, видимо, высказала опасение, что беседа может отразиться на здоровье больного. Поэтому Государь, высказав соболезнование Ольге Борисовне и спросив о состоянии здоровья раненого, изволил отбыть во дворец. В «Киевлянине» тогда было напечатано, что О. Б. Столыпина в разговоре с Государем сказала:

— Сусанины, Ваше Величество, не перевелись на Руси.

Я уже сказал, что в первый день у врачей была надежда на выздоровление. Сам больной также одно время верил в то, что останется жить. Но это продолжалось недолго. А. А. Столыпин мне передавал, что больной все время чувствовал, что умирает.

— «Смерть незаметно подкрадывается ко мне», — говорил он. Брат не верил никаким уверениям врачей. Они успокаивали его, говорили, что недели через две он встанет, а он не верил и говорил: «Нет, я чувствую, что умираю». Самообладание он сохранил удивительное. Только во сне прорывались стонь, все же остальное время он молчал, терпеливо перенося муки.

А. Ф. ГИРС*

«СМЕРТЬ СТОЛЫПИНА»

Утро 1 сентября было особенно хорошим, солнце на безоблачном небе светило ярко, но в воздухе чувствовался живительный осенний холодок. В восьмом часу утра я отправился ко дворцу, чтобы быть при отъезде Государя на маневры. После проводов Государя, ко мне подошел Начальник Киевского Охранного Отделения подполковник Кулебко и обратился со следующими словами: «Сегодня предстоит тяжелый день; ночью прибыла в Киев женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористический акт в Киеве; жертвой намечен, по-видимому, Председатель Совета Министров, но не исключается попытка Цареубийства, а также и покушения на Министра Народного Просвещения Кассо; рано утром я доложил обо всем Генерал-Губернатору, который уехал с Государем на маневры; генерал Трепов заходил к П. А. Столыпину и просил его быть осторожным; я остался в городе, чтобы разыскать и задержать террористку, а генерал Курлов и полковник Спиридович тоже уехали с Государем». Мы условились, что подполковник Кулебко вышлет за Председателем Совета Министров закрытый автомобиль, чтобы в пять часов дня отвезти его в Печерск на ипподром, где должен был происходить в Высочайшем присутствии смотр потешных. Кулебко передаст шоферу маршрут, чтобы доставить министра туда и обратно кружным путем. По приезде П. А. Столыпина к трибуне я встречу его внизу и провожу в ложу, назначенную для Совета Министров и лиц свиты, возле царской; вокруг Кулебко незаметно расположит охрану. Кулебко просил провести Министра так, чтобы он не останавливался на лестнице и в узких местах прохода. Я спросил Кулебко, что он предполагает делать, если обнаружить и арестовать террористку не удастся. На это он ответил, что вблизи Государя и Министров он будет все время держать своего агента-осведомителя, знающего терро-

* Из книги: А. Столыпин «П. А. Столыпин». Париж, 1927, Приложение, стр. 86—102. В несколько иной редакции этот текст опубликован в журнале «Часовой», № 328 и 330, 1953.

Алексей Федорович ГИРС (род. 1871) — действительный статский советник, камергер, в 1909—1912 киевский губернатор, затем губернатор минский и нижегородский. Умер в эмиграции. Рукописи его воспоминаний хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

ристку в лицо. По данному этим агентом указанию она будет немедленно схвачена.

До крайности встревоженный всем слышанным, я поехал в городской театр, где заканчивались работы к предстоящему в тот же вечер парадному спектаклю, и в Печерск на ипподром. Поднимаясь по Институтской улице, я увидел шедшего мне навстречу П. А. Столыпина. Несмотря на сделанное ему Генерал-Губернатором предостережение, он вышел около 11 часов утра из дома Начальника Края, в котором жил. Я повернулся в ближайшую улицу, незаметно вышел из экипажа и пошел за министром по противоположному тротуару, но П. А. скоро скрылся в подъезде Государственного Банка, где жил Министр Финансов Коковцов.

В пятом часу дня начался съезд приглашенных на ипподром. На кругу перед трибунами выстроились в шахматном порядке учащиеся школ Киевского Учебного Округа. Яркое солнце освещало их рубашки, белевшие на темном фоне деревьев. Незадолго до 5 часов прибыл Председатель Совета Министров, и я встретил его на условленном месте. Выйдя из автомобиля, П. А. Столыпин стал подниматься по лестнице, но встретившие его знакомые задерживали его и я видел обеспокоенное лицо Кулябко, который делал мне знаки скорее проходить. Мы шли мимо лож, занятых дамами. П. А. остановился у одной из них, в которой сидела вдова умершего сановника. Здороваясь с ним и смотря на его обвшанный орденами сюртук, она промолвила: «Петр Аркадьевич, что это за крест у вас на груди, точно могильный?» Известная своим злым языком, дама незадолго до того утверждала, что дни Столыпина на посту Председателя Министров сочтены и она хотела его уколоть, но эти слова, которым я невольно придал другой смысл, сильно ударили мне по нервам. Сидевшие в ложе другие дамы испуганно переглянулись, но Столыпин совершенно спокойно ответил: «Этот крест, почти могильный, я получил за труды Саратовского Местного Управления Красного Креста, во главе которого я стоял во время Японской войны».

Затем Министр сделал несколько шагов вперед, и я просил его войти в ложу, предназначенную, как я уже сказал, Совету Министров и Свите. Министр войти в ложу не пожелал и на мой вопрос, почему, возразил: «Без приглашения Министра Двора я сюда войти не могу». С этими словами П. А. Столыпин стал спускаться с трибуны по лестнице, направляясь на площадку перед трибунами, занятой приглашенной публикой. У окружавшего площадку барьера, с правой стороны, Министр остановился. Через несколько минут я увидел, что

сидевшие кругом, в разных местах, лица в штатских костюмах поднялись со своих сидений и незаметно стали полукругом, на расстоянии около 20 шагов от нас, по ту и другую сторону барьера. П. А. Столыпин имел вид крайне утомленный. «Скажите,— начал П. А. свою беседу со мной,— кому принадлежит распоряжение о воспрещении учащимся-евреям участвовать 30 августа, наравне с другими, в шпалерах во время шествия Государя с крестным ходом к месту открытия памятника?» Я ответил, что это распоряжение было сделано Попечителем Киевского Учебного Округа Зиловым, который мотивировал его тем, что процессия имела церковный характер. Он исключил поэтому всех нехристиан, т. е. евреев и магометан. Министр спросил: «Отчего же вы не доложили об этом мне или Начальнику Края?» Я ответил, что в Киеве находился Министр Народного Просвещения, от которого зависело отменить распоряжение попечителя округа. П. А. Столыпин возразил: «Министр Народного Просвещения тоже ничего не знал. Произошло то, что Государь узнал о случившемся раньше меня. Его Величество крайне этим недоволен и повелел мне примерно взыскать с виновного. Подобные распоряжения, которые будут приняты как обида, нанесенная еврейской части населения, нелепы и вредны. Они вызывают в детях национальную рознь и раздражение, что недопустимо, и их последствия ложатся на голову Монарха».

В конце сентября попечитель Киевского Учебного Округа, Тайный Советник Зилов был уволен от службы.

Во время этих слов я услышал, как возле меня что-то щелкнуло, я повернул голову и увидел фотографа, сделавшего снимок со Столыпина. Возле фотографического аппарата стоял человек в штатском сюртуке с резкими чертами лица, смотревший в упор на Министра. Я подумал сначала, что это помощник фотографа, но сам фотограф с аппаратом ушел, а он продолжал стоять на том же месте. Заметив находившегося рядом Кулябко, я понял, что этот человек был агентом охранного отделения, и с этого момента он уже не возбуждал во мне беспокойства.

Знакомые начали подходить к П. А., но Министр не был на этот раз словоохотлив, и разговор не завязывался. Вскоре он опять остался один со мной. Стрелка показывала далеко за 5, но Государь против обыкновения сильно запаздывал, а из Святошина сообщали, что Он еще не приехал с маневров. Я стал рассказывать о киевских делах. Министр слушал безучастно. Он оживился только, когда я заговорил о ходе землеустроительных работ по расселению на хутора в Уманском уезде — первом в России по количеству расселенных

и по площади, охваченной движением, принял в целом округе стихийный характер. После минуты раздумья Министр сказал: «Если ничто не помешает, я съезжу после отъезда Государя на несколько дней в Корсунь, а оттуда поеду посмотреть уманские хутора, но об этом никому не говорите, пока я не переговорю с Начальником Края». Когда я заговорил о выборах в земство и о достигнутых результатах, Министр стал слушать внимательно. Он называл фамилии некоторых лиц и интересовался их характеристикой, а затем сказал следующее: «Государь очень доволен составом земских гласных. Он надеется, что их воодушевление искренно иочно. Я рад, что уверенность в необходимости распространения земских учреждений на этот край сообщилась Государю. Вы увидите, как край расцветет через десять лет. Земство можно было ввести здесь давно, конечно, с нужными ограничениями для польского землевладения. Я заметил также, что та острота, которой сопровождались прения Государственно-го Совета и Думы по вопросу о национальных куриях, не имеют корней на месте. Поляки везде с большим интересом и вполне лояльно отнеслись к выборам. Я сам в свое время много работал с поляками, знаю, что они прекрасные работники, и потому не сомневаюсь, что земская деятельность послужит к общему сближению».

С опозданием часа на полтора приехал Государь с детьми. П. А. встретил Государя внизу и прошел в ложу рядом с Царской. Охранявшая Министра охрана, в том числе и агент, стоявший у фотографического аппарата, сошла со своих мест и окружила Государя, Его Семью, Министров и Свиту. Смотр потешных прошел, и разъезд закончился около 8 часов вполне благополучно.

К 9 часам начался съезд приглашенных в театр. На театральной площади и прилегающих улицах стояли сильные наряды полиции, у наружных дверей — полицейские чиновники, получившие инструкции о тщательной проверке билетов. Еще утром все подвальные помещения и ходы были тщательно осмотрены. В зале, блеставшем огнями и роскошью убранства, собиралось избранное общество. Я лично руководил рассылкой приглашений и распределением мест в театре. Фамилии всех сидевших в театре мне были лично известны, и только 36 мест партера, начиная с 12-го ряда, были отправлены в распоряжение заведывавшего охраной генерала Курлова, для чинов охраны, по его письменному требованию. Кому будут даны эти билеты, я не знал, но мне была известна цель, для которой они были высланы, и этого было достаточно. В кармане сюртука у меня находился план театра и при нем

список, на котором было указано, кому какое место было предоставлено.

В 9 часов прибыл Государь с Дочерьми. К своему креслу, к первому от левого прохода, с правой стороны, прошел Столыпин и сел в первом ряду. Рядом с ним налево, по другую сторону прохода, сел Генерал-Губернатор Трепов, направо — Министр Двора граф Фредерикс. Государь вышел из аванложи. Взвился занавес и раздались звуки народного гимна. Играли оркестр, пел хор и вся публика. Патриотический подъем охватил и увлек всех. Шла «Сказка о Царе Салтане» в новой, чудесной постановке. Я весь отдался чувству высокого эстетического наслаждения. Мне казалось, что здесь можно быть спокойным: ведь все сидящие в театре известны, а снаружи он хорошо охраняется и ворваться с улицы никто не может. Кончилось первое действие. Я встал около своего кресла, во втором ряду, за креслом Начальника Края. К Председателю Совета Министров подошел ген. Курлов. Я слышал, как Министр спрашивал его, задержана ли террористка, и настаивал на скорейшей ликвидации этого дела. Началось второе действие, прослушанное с тем же напряженным вниманием. При самом начале второго антракта, когда Государь с Семьей отошел в глубь аванложи, а П. А. Столыпин встал и, обернувшись спиной к сцене, разговаривал с графом Фредериксом и графом Иосифом Потоцким, я на минуту вышел к подъезду, чтобы сделать какое-то распоряжение. Возвращаясь, я встретил Министра Финансов Коковцова, пожимавшего руку встречным и говорившего: «Я уезжаю сейчас в Петербург и тороплюсь на поезд». Простишись с Министром, я медленно пошел по левому проходу к своему креслу, смотря на стоявшую передо мной фигуру П. А. Столыпина. Я был на линии 6-го или 7-го ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер, и я услышал два коротких сухих выстрела, последовавших один за другим. В театре громко говорили, и выстрел слыхали немногие, но когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П. А. Столыпина и на несколько секунд все замолкло. П. А. как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено!» Затем он грузно опустился в кресло и ясно и

отчетливо, голосом слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за Царя». Увидя Государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы Государь отошел. Но Государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом.

Преступник, сделав выстрел, бросился назад, руками расчищая себе путь, но при выходе из партера ему загородили проход. Сбежалась не только молодежь, но и старики и стали бить его шашками, шпагами и кулаками. Из ложи бельэтажа выскочил кто-то и упал около убийцы. Полковник Спиридович, вышедший во время антракта по службе на улицу и прибежавший в театр, предотвратил едва не произошедший самосуд: он вынул шашку и, объявив, что преступник арестован, заставил всех отойти.

Я все-таки пошел за убийцей в помещение, куда его повели. Он был в изодранном фраке, с оторванным воротничком на крахмальной рубашке, лицо в багрово-синих подтеках, изо рта шла кровь.— Каким образом вы прошли в театр?— спросил я его. В ответ он вынул из жилетного кармана билет. То было одно из кресел в 18-м ряду. Я взял план театра и список и против номера кресла нашел запись: «отправлено в распоряжение генерала Курлова для чинов охраны». В это время вошел Кулябко, прибежавший с улицы, где он все старался задержать террористку по приметам, сообщенным его осведомителем. Кулябко сразу осунулся, лицо его стало желтым. Хриплым от волнения голосом, с ненавистью глядя на преступника, он произнес: «Это Богров, это он, мерзавец, нас морочил». Всмогревшись в лицо убийцы, я признал в нем человека, который днем стоял у фотографа, и понял роль, сыгранную этим предателем.

Я вышел искать Начальника Края. Генерал Трепов распоряжался у Царской ложи, подготавливая отъезд Государя. Он опасался, что выстрел в театре был первым актом более широкого плана и что засады могут быть на улице. Всю площадь перед театром сильными полицейскими нарядами очистили от публики; у подъезда Царской ложи было несколько закрытых автомобилей, в один из них поместился Государь с Дочерьми, в других разместилась свита. Начальник Края ехал впереди и, минуя улицы, на которых собрался народ, чтобы видеть проезд Царя, привез Его во дворец.

Проводив Государя до автомобиля, я вернулся в театр. П. А. Столыпина уже вынесли, зал наполовину опустел, но оркестр все продолжал играть гимн. Публика пела «Боже, Царя храни» и «Спаси, Господи, люди Твоя», но в охватив-

шем всех энтузиазме чувствовался надрыв, слышался вопль отчаяния, как будто люди сознавали, что пуля, пробившая печень Столыпина, ударила в сердце России. Я распорядился понемногу тушить огни и прекратить музыку.

Когда публика разъехалась, я вошел в комнату, где на диване, с перевязанной раной и в чистой рубашке, с закрытыми глазами, лежал П. А. Столыпин. От окружавших его профессоров, известных киевских врачей, я узнал, что они распорядились отвезти раненого в лечебницу доктора Маковского, что на Мал. Владимирской, и что у подъезда театра уже стоит карета скорой помощи. Я обратился к одному из врачей и спросил его, есть ли надежда на спасение. «Рана очень опасная,— сказал мне доктор,— но смертельна она или нет, сейчас сказать нельзя. Все зависит от того, в какой степени повреждена печень». Когда П. А., смертельно бледного, на носилках выносили в карету, он открыл глаза и скорбным страдающим взглядом смотрел на окружающих.

В то время, когда В. Н. Коковцов находился в приемной, в лечебницу приезжал генерал Курлов. Он стал докладывать В. Н. по поводу случившегося, но В. Н. выслушал его сухо и сделал соровую реплику. Курлов отошел и, заметив меня, сказал: «Всю жизнь я был предан П. А., и вот результат». Он протянул мне руку, и на его глазах заблестели слезы. Всю ночь, до самого рассвета, провел В. Н. Коковцов у изголовья кровати раненого, в беседе с ним. Видя в В. Н. своего естественного заместителя, изнемогавший от раны Петр Аркадьевич последние силы свои отдал на посвящение его в текущие и сложные вопросы государственной жизни беззатратно любимой им Матери-России.

На следующий день Государь ездил в Овруч. По выходе из дворца Его Величество объявил, что желает навестить Столыпина. Царский автомобиль направился на Мал. Владимирскую. При входе в лечебницу Государь спросил встретивших Его врачей, может ли Он видеть Петра Аркадьевича. На это старший врач ответил, что свидание с Его Величеством взволнует больного и может ухудшить его состояние, о чем он откровенно докладывает по долгу врача и верноподданного. Узнав, что в лечебнице находится, только что прибывшая из Ковенского имения, супруга П. А. Столыпина — Ольга Борисовна, Государь пожелал ее видеть и ненадолго прошел к ней в приемную.

В тот же день, по инициативе группы членов Государственной Думы из партии националистов и земских гласных Края, в 2 часа дня, во Владимирском Соборе, Высокопреосвященнейшим Флавианом Митрополитом Киевским и Галицким,

соборне с четырьмя Епископами, было отслужено торжественное молебствие о выздоровлении Столыпина. Собор был переполнен. Собравшиеся истово молились и многие плакали.

Два последующих дня прошли в тревоге, врачи еще не теряли надежды, но по вопросу о возможности операции и извлечения пули консилиум, с участием прибывшего из Петербурга профессора Цейдлера, вынес отрицательное решение.

4 сентября вечером здоровье П. А. сразу ухудшилось, силы стали падать, сердце слабело, и около 10 ч. вечера 5 сентября он тихо скончался.

Весть о кончине Столыпина быстро распространилась по городу и все подернулось скорбью и печалью. Государь 5 сентября находился в Чернигове. 6 сентября утром Он возвратился в Киев на пароходе по Днепру и с пристани, не заезжая во дворец, проехал поклониться праху Своего верного слуги, жизнь положившего за Россию. В присутствии Государя, вдовы и ближайших лиц Свиты у тела Столыпина была отслужена панихида.

«Я хочу быть похороненным там, где найду свою смерть», — говорил П. А., предчувствуя свой близкий конец от руки революционера. Указание Столыпина было свято исполнено его близкими и местом вечного его упокоения была избрана Киево-Печерская лавра.

8 сентября вечером печальная процессия двинулась из лечебницы в Печерск, сопровождаемая многочисленной толпой русских людей. Все было величественно и вместе с тем просто и это так гармонировало с светлым обликом того, «кто безвременно отошел в вечность». 9 сентября утром в Трапезной церкви, заставленной венками с национальными лентами, собралось Правительство, представители армии и флота и всех гражданских ведомств, многие члены Государственного Совета, центр и почти все правое крыло Государственной Думы, а также более сотни крестьян, прибывших из ближайших деревень отдать последний долг почившему. Киевский Генерал-Губернатор Генерал-Адъютант Трепов, по повелению уехавшего 7 сентября Государя, представлял Его Особу. Старшие чины Министерства Внутренних Дел и чины Государственной Канцелярии несли дежурство у гроба. После отпевания гроб вынесли и опустили возле церкви, рядом с исторической могилой другого русского патриота Кочубея.

Сейчас же, после смерти Столыпина, в той же группе земских гласных и членов Государственной Думы из партии националистов, возникла мысль о постановке ему памятника в Киеве. Было использовано пребывание в Киеве Государя

Императора и заместителя Председателя Совета Министров Коковцова и на Всероссийский сбор пожертвований уже 7 сентября утром последовало Высочайшее соизволение. Пожертвования потекли столь обильно, что в три дня в одном Киеве была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятник,— так обаятельна была память Столыпина. Местом постановки памятника была избрана площадь возле Городской Думы, на Крещатике, а исполнение его поручено итальянскому скульптору Ксименесу, бывшему в Киеве. В 1912 году, ровно через год после смерти П. А., памятник был открыт в торжественной обстановке, среди съехавшихся со всех концов России его почитателей. Столыпин был изображен как бы говорящим с Думской кафедры, на камне высечены сказанные им слова, ставшие пророческими:

«Вам нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия».

Г. Е. РЕЙН*

Пролог драмы. В конце августа и в начале сентября 1911 г. в Киеве состоялся, в Высочайшем присутствии, ряд блестящих торжеств, по случаю освящения памятника Императору Александру Второму. С этим событием совпало и открытие деятельности земского самоуправления в западных губерниях, а также восстановление древнего собора Св. Василия в г. Овруче.

Для охраны высоких особ был разработан целый ряд чрезвычайных мероприятий и были асигнованы значительные кредиты.

Еще летом приезжали в Киев товарищ министра внутренних дел, командир особого корпуса жандармов, генерал-лейтенант П. Г. Курлов и начальник собственной Его Величества охраны полковник А. В. Спиридович для ориентировки на месте и для установления необходимых мер.

Начальником Киевского охранного отделения был недоброю памяти подполковник Кулебко. Спиридович ему вполне доверял, как бывшему своему сослуживцу и родственнику, но находил его «слишком мягким, добрым, доверчивым» — качества, конечно, мало пригодные для заведывающего сыскной частью.

В Петербурге, в августе месяце, установлена была центральная организация охраны во время киевских торжеств и притом не совсем удачная. По Всеподданнейшему докладу П. А. Столыпина во главе всей охранной организации был поставлен генерал Курлов, с широкими полномочиями и с непосредственным подчинением его дворцовому коменданту генерал-адъютанту В. А. Дедюлину. Между тем в Киеве был генерал-губернатор — генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов. Власть генерал-губернатора, в пределах вверенного ему края, была не меньше министра. Подчинение генерал-губернатора товарищу министра, хотя бы и частичное и в чрезвычайном порядке, было явлением ненормальным. Вместе с тем это было едва ли и целесообразно, так как местным властям

* Академик Г. Е. Рейн «Из пережитого. 1907—1918», в двух томах. Изд-во «Парабола», Берлин, 1934, т. I, стр. 124—149. Впервые рассказ Г. Е. Рейна о смерти Столыпина был опубликован в сокращении виде в журнале «Иллюстрированная Россия», № 38 и 39 за 1933 г.

Георгий Ермолович РЕЙН (род. 1854) — действительный тайный советник, почетный лейб-хирург, академик. В 1908—1915 председатель Медицинского совета Министерства внутренних дел, в 1916 главноуправляющий Государственным здравоохранением.

лучше известны местные условия, чем приехавшим издалеко-го центра.

Как только генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов получил упомянутое выше распоряжение, он, ссылаясь на номер письма об этом министра, кратко телеграфировал, прося дождить Государю его просьбу об отставке.

Столыпин собственноручно, на маленьком почтовом листке бумаги ответил:

«Дорогой Федор Федорович. Меня подвели. Я твердо верю, что Вашей отставкой Вы не пожелаете омрачить светлых дней пребывания Государя в Киеве и разрешите мне не давать движения Вашей телеграмме. Душевно Ваш Столыпин». (Кто подвел Столыпина, так и не удалось выяснить. Возможно, что это были Курлов и Дедюлин, с которым Курлов был в хороших отношениях.)

Итак, генерал-губернатор был устранен от официального высшего заведывания охраною Царской Семьи и сопровождавших ее министров.

Это, с одной стороны, уменьшало престиж его власти в крае, а с другой — создавшееся на практике некоторое двоевластие производило известную путаницу и смятение в среде агентов охраны. Указанные неправильности высшей организации охраны остались, вероятно, не без известного влияния на катастрофу.

Еще припоминаю одно обстоятельство.

Летом 1911 года, после одного из моих докладов Министру Внутренних Дел по Медицинскому Совету, П. А. Столыпин завел со мною разговор о Киеве, куда он направлялся осенью с Государем. Я ему сообщил, что Киев — город сложный, населенный различными национальностями и излюбленный социалистами-революционерами. Там служил Судейкин, убийтый впоследствии Дегаевым; там стреляла в театре в жандармского полковника Новицкого Дора Каплан, так неудачно ранившая впоследствии Ленина; там, на Бибиковском бульваре, Гершуни, глава боевой организации партии С.-Р., сковаривался с Косюрой об убийстве Харьковского губернатора князя Оболенского; там же совершено было покушение на б. начальника Киевского охранного отделения А. В. Спиридовича и т. д. Я рассказал Петру Аркадьевичу, как, переехав в Киев после избрания моего на кафедру в университете, я был поражен двумя вещами. Во первых, около одного здания виднелся сильный наряд воинских и полицейских чинов. Это было здание, где судили нескольких революционеров. Во-вторых, несмотря на жаркие дни, в воздухе носились

как будто мелкие снежинки. Это был пух из перин после еврейского погрома.

Припомнив все сказанное, а также и то, что на Столыпина и после взрыва на Аптекарском острове много раз готовились покушения, я посоветовал Петру Аркадьевичу носить под платьем во время пребывания в Киеве легкий панцирь, о которых тогда много писали. На это П. А. Столыпин ответил приблизительно так: «Пулю можно предупредить, а от бомбы никакой панцирь не спасет».

Какая была бы красавая картина, если бы и после выстрела преступника Столыпин остался невредим! Он мог бы еще долгие годы послужить любимой им России. Ведь ему не было и 50 лет в день кончины.

Выстрел в театре. Как сравнительно легко было попасть в Купеческий сад, так, наоборот, трудно было получить билет на парадный спектакль 1 сентября. Многим выдающимся общественным деятелям и видным представителям местного общества так и не удалось попасть в театр, несмотря на все хлопоты и протекции.

Во время спектакля 1 сентября зрительный зал представлял красавую картину. Военные были в мундирах защитного цвета в орденах и в лентах, гражданские чины — в белых кителях и орденах, немногие штатские во фраках, дамы в роскошных вечерних туалетах, сияющих всеми лучшими фамильными драгоценностями русской и польской аристократии. Говорили, что некоторые туалеты были выписаны из Парижа. Из министров я заметил барона Б. В. Фредерикса, В. Н. Коковцова, В. А. Сухомлинова и Л. А. Кассо (А. В. Кришошин и И. Г. Щегловитов прибыли в Киев позже). Исполнение «Царя Салтана» артистами и оркестром было превосходно, декорации роскошные. В общем, парадный спектакль производил чарующее впечатление и создавал общее чудное настроение. И вот при такой обстановке произошло ужасное, непоправимое злодеяние.

Во время спектакля я сидел в кресле 5-го или 6-го ряда справа. В антракте я вышел из театральной залы через правый проход в коридоре, как вдруг услышал два коротких сухих звука, характерных для браунинга, раздавшихся по направлению Царской ложи. Мгновенно пришла мысль о покушении на Государя. Вбежав в зал, я увидел, что в Царской ложе никого не было, а на пересечении левого продольного прохода и поперечного видна была кучка людей, наносивших удары какому-то человеку — очевидно, преступнику.

У барьера оркестра, обернувшись лицом к залу, против своего кресла стоял Столыпин. Около него в этот момент я никого не заметил. Я подбежал к Столыпину. Он был бледен, из кисти правой руки сильно брызгала струйка крови из раненой артерии, окрасившая мой мундир и ленту, а на правой стороне груди, на границе с брюшной полостью, виднелось зловещее кровавое пятно, увеличивавшееся на моих глазах. Орден Св. Владимира, прикрепленный к петлице форменного белого кителя, был прострелен как раз посередине. Выходное отверстие пули не было видно. Другая пуля, пропустившая кисть правой руки, пролетела в оркестр и ранила музыканта.

Министр был в полном сознании и снимал свой китель, вероятно, для облегчения предстоящей перевязки. Он сказал мне, что он сам велел задержать удаляющегося преступника. Я усадил раненого в кресло, наскоро перевязал платком простреленную руку и стал прижимать, через жилет, кровоточащую рану на груди. В это время подбежало несколько человек, в том числе врачи — мои бывшие ученики по Киевскому университету. Решено было вызвать немедленно карету скорой помощи и перевезти раненого в ближайшую частную клинику д-ра Маковского, вполне благоустроенную.

Между тем театр стал наполняться. Публика, узнавшая, что Государь в безопасности, потребовала Гимн. Государь показался в ложе, и торжественные звуки «Боже, Царя храни» огласили театральную залу. Раненый министр бледнел все больше и больше и был близок к обмороку, очевидно вследствие внутреннего кровотечения. Обстановка шумного театра была совсем неподходящая для тяжкого больного, а потому мы его вынесли на руках в вестибюль театра. Совершенно обессилевший, почти в обмороке, он оказался очень тяжелым для 6—8 человек, и на несколько мгновений пришлось его опустить в вестибюле на пол, но в этот момент подъехала прекрасная карета скорой помощи, с носилками и опытным персоналом. Через несколько минут раненый уже был в клинике. Я, без фуражки, вскочил в первый попавшийся экипаж и последовал за каретой, увозившей раненого. Все описанное происходило быстрее, чем мое описание. От момента рокового ранения до доставки раненого в клинику прошло, по моему расчету, менее 20 минут.

Смерть Столыпина. В клинику, куда привезли раненого министра, тотчас же приехал профессор хирургии Киевского университета Н. М. Волкович и другие известные хирурги. В клинике же собралась группа сановников, потрясенных грозным пережитым событием и желавших узнать, опасна ли

рана и переживет ли Столыпин нанесенное ему ранение и его последствия.

Раненый был немедленно перенесен в операционную комната для точного исследования раны и для перевязки. Все было готово и для немедленной операции, если бы она потребовалась.

Исследование показало, что пуля, пронизав печень спереди назад, остановилась под кожею спины, справа от позвоночника. Судя по направлению пулевого канала, ни крупные кровеносные сосуды, ни кишечник не были ранены,— поэтому и имея в виду, что раны печени не требуют, по господствовавшему среди хирургов мнению, немедленного оперативного пособия, сопряженного притом с тяжелой операцией вскрытия брюшной полости на ослабленном от кровотечения больном, решено было единогласно прибегнуть к консервативному, выжидательному лечению. Для удаления пули, не представлявшей в данный момент никакой опасности для организма, показаний не было.

Около часа ночи пульс больного резко упал, вероятно от возобновившегося внутреннего кровотечения. Был момент, когда пульс почти не прощупывался и казалось, что мы потеряем больного, но после впрыскиваний под кожу камфоры и физиологического раствора поваренной соли, пульс вновь появился, и непосредственная опасность для жизни больного миновала. Остальная часть ночи прошла благополучно.

Утром 2 сентября состояние здоровья раненого было вполне удовлетворительно, самочувствие хорошее. Он пожелал причесаться, привел в порядок левою рукою перед зеркалом свои усы, у него появился аппетит.

Петр Аркадьевич в трогательных выражениях благодарил меня за то, что я остался при нем и не поехал сопровождать Государя в Овруч — город Волынской губернии, одним из представителей которой я был на торжествах. Он обменялся со мною некоторыми впечатлениями и между прочим сообщил, что на лице приближавшегося к нему Богрова он заметил быструю смену выражений — и страха, и волнения, и вместе с тем как бы сознания исполняемого долга.

В течение дня состояние раненого продолжало быть удовлетворительным. Внутреннее кровотечение, видимо, остановилось, пульс и температура нормальны — словом, первые последствия ранений были счастливо ликвидированы.

После благополучного ликвидирования первичных последствий ранения явилась надежда на возможность выздоровления раненого, о чём было доложено Государю и появились

сведения в печати. Но, как известно, раны в полость живота одни из самых тяжких и опасных. В данном случае предстояло заживление раны печени и брюшины, чреватое всяческими осложнениями. Если рана была заражена частицами одежды, занесенными пулею в глубину пулевого канала, что обычно и наблюдалось при огнестрельных ранах, то предстоял воспалительный процесс, более или менее тяжкий и опасный для жизни, в зависимости от силы и характера инфекции.

Я принял на себя организацию ухода за раненым министром, пока не прибыли супруга министра Ольга Борисовна и два ее брата сенаторы Алексей Борисович и Дмитрий Борисович Нейдгардт.

«Государь был очень взволнован ранением Столыпина и проявил горячее участие» (В. Н. Коковцов).

Больной был окружен самым заботливым уходом, и были применены все необходимые лечебные мероприятия. Множество врачей пожелали давать свои советы и приезжали в лечебницу. Я собирал их всех в нижнем этаже, в приемном кабинете лечебницы. Там составлялся и подписывался ежедневный бюллетень и сообща обсуждались все предложения и все необходимые меры. В комнату же больного допускались только проф. Волкович и четыре врача, принявшие на себя дежурство при больном в течение круглых суток, по очереди.

Вскоре прибыл из Петербурга экстренным поездом проф. Цейдлер, который пользовал детей Столыпина после взрыва на Аптекарском острове. Он был вызван семьею больного по телеграфу. Мы сделали все сообща новое подробное исследование раненного. Проф. Цейдлер согласился с установленным диагнозом и, ввиду того, что появились лихорадочные явления, удалил пулю, легко прощупывающуюся под кожей спины. Однако вид извлеченной пули, которую я тотчас же показал больному, не порадовал его, как это обыкновенно бывает при огнестрельных ранах.

Самочувствие больного резко ухудшалось. С конца вторых суток после ранения, а особенно в начале третьих мы были сильно встревожены появившимися признаками воспаления брюшины и общего септического заражения организма. В это время, 3 сентября вечером, навестил больного министра Государь, по возвращении из поездки в г. Овруч. Министр Финансов В. Н. Коковцов, вступивший, как старший член Совета Министров, в исполнение обязанностей Председателя Совета, почти не покидал клиники.

Медицина и уход близких людей оказались бессильны спасти больного, и в конце четвертых суток после ранения, вечером 5 сентября П. А. Столыпин скончался. Судебно-Ме-

дицинское вскрытие, произведенное проф. судебной медицины Н. А. Оболонским, установило, что П. А. Столыпин погиб от огнестрельной раны, нанесенной ему преступником. На вскрытии вся печень оказалась раздробленной несколькими глубокими трещинами, радиально расходившимися во все стороны от пулового канала. Пуля браунинга среднего калибра имела 2 перекрещивающихся надреза и действовала как разрывная. Разрывному действию пули способствовали и занесенные ею в рану частицы простреленного ордена. Ранений крупных сосудов и повреждений кишечника не оказалось. Таким образом, вскрытие подтвердило прижизненный диагноз, но столь глубоких ранений печени не предполагалось. Ввиду найденных повреждений печени, возможно допустить, что смертельная инфекция могла проникнуть не только через пуловой канал, но и из полости кишечника через вскрытые желчные пути.

Когда вскрыли завещание Столыпина, написанное задолго до покушения Богрова, в первых же строках его стояло: «Я хочу быть погребенным там, где меня убьют».

Во исполнение завещания, он был погребен в Киеве, в Киево-Печерской лавре. Могила его находится рядом с могилами Кочубея и Искры. Погребение произошло при чрезвычайно торжественной обстановке. Бесчисленные толпы народа провожали до могилы останки преждевременно погибшего министра-героя.

Многие думают, и я в том числе, что если бы не было преступления 1 сентября, не было бы, вероятно, и мировой войны и не было бы и революции с ее ужасными последствиями. Столыпину приписывают многократно повторенное им утверждение: «Только война может погубить Россию». Если с этим согласиться, то убийство Столыпина имело не только всероссийское, но и мировое значение.

П. Т. САМОХВАЛОВ*

«Приблизительно часов в десять вечера 1 сентября, во время парадного спектакля в присутствии Высочайших особ и министров, я сделал очередной обход площади и вокруг театра. Везде был полный порядок. И вот, когда я подходил к главному подъезду театра, одна из входных дверей быстро распахнулась и из нее не вышел, а выбежал начальник Киевского охранного отделения подполковник Кулябко, сразу же натолкнувшись на меня.

— Как хорошо, что я вас нашел, — забормотал он взволнованным голосом. — В театре несчастье!.. Аленский убил Столыпина!.. Аленский задержан... Поезжайте скорее к нему на квартиру и произведите там обыск...

Слова Кулябко поразили меня, как громом.

— Какой Аленский? Где он живет? — вырвалось у меня.

— Аленский... наш сотрудник... фамилия его Богров... Вы же знаете, где дом Богровых.

Дальнейших слов Кулябко я уже не слушал. Подбежав к стоянке экипажей, я вскочил в первую попавшуюся мне на глаза коляску и приказал ехать. По пути я захватил с собой трех или четырех встретившихся мне городовых. Едва я успел сойти с экипажа, как увидел спешившего мне навстречу заведующего филерским отрядом Киевского охранного отделения С. И. Демидюка. Встреча с ним здесь была для меня новой неожиданностью. Помню, что я обрадовался его появлению, так как каждый лишний, а тем более опытный человек при обыске большая помощь. Но в то же время в моем мозгу промелькнуло удивление: почему это старший филер не находится в данное время там, где ему надлежало быть, то есть у театра... Помню, что Демидюк первый обратился ко мне с вопросом:

— Куда вы направляетесь, выше высокоблагородие?

— Вы знаете, где квартира Богрова? — спросил я.

— Так точно, знаю.

— Пойдемте со мной... Богров убил в театре Столыпина... нужно произвести обыск на квартире Богрова.

В моей памяти ясно запечателось, как Демидюк, после этих моих слов, сначала отшатнулся в сторону, потом схватился за голову, а затем испуганным голосом сказал:

* Из книги: В. Маевский «Борец за благо России». Мадрид, 1962, стр. 139—145.

П. Т. САМОХВАЛОВ — ротмистр Киевского жандармского управления, затем армейский полковник. Умер в эмиграции.

— Ваше высокоблагородие... в квартиру Богрова входить нельзя... У него на квартире скрываются террористы... с бомбами... они приехали в Киев для совершения террористического акта... Здесь со мной 15 фильтров... мы уже несколько дней безотлучно наблюдаем за его квартирой... всех выходящих с его квартиры неизвестных лиц нам приказа-но арестовывать...

Заявление Демидюка явилось новым ударом по нервам. Нужно было как можно скорее выработать план действий, чтобы задержать террористов с наименьшими для нас потерями и не допустить побега их из квартиры.

— Самсон Иванович... Потрудитесь собрать ко мне всех ваших людей! — приказал я.

Одного из городовых я отправил в ближайший полицей-ский участок с требованием о высылке усиленного отряда полиции. А пока исполнялось приказание, отданное мною Демидюку, я расставил городовых на парадной и черной лестницах, ведущих к квартире Богрова. Из числа подходив-ших фильтров выделил несколько человек для наблюдения за окнами, как с улицы, так и со двора, а остальных оставил при себе. Когда собравшихся было уже достаточно, чтобы идти в квартиру Богрова, я приказал им следовать за мною. Квартира Богрова находилась на втором этаже. Парадная лестница была освещена. Только что мы стали подниматься по ступенькам лестницы, как нам навстречу попался какой-то неизвестный господин с чемоданом в руках, быстро стремив-шийся к выходу.

— Куда вы идете? — спросил я, загораживая ему дорогу.

— Я спешу на вокзал... боюсь опоздать... Поезд скоро отходит, — заговорил господин с чемоданом, видимо испуган-ный нарядом полиции.

— Потрудитесь оставаться!.. Пока мы не установим вашу личность, вы арестованы... Обыщите его! — сказал я и напра-вился по лестнице вверх.

Вот, наконец, и дверь в квартиру Богрова. На двери обычная медная дощечка с фамилией владельца квартиры.

— Приготовить револьверы! — приказываю я и нажимаю кнопку звонка. В квартире тишина. Нажимаю кнопку во второй и третий раз... Наконец, слышны шаги. Дверь отворяет какая-то женщина. Я и за мной несколько фильтров быстро входим в квартиру. Остальные фильтры остаются пока за дверью.

— Кто у вас в квартире? — задаю я вопрос женщине.

Она, испуганная нашим появлением, бормотала какие-то слова, из которых можно было понять, что кроме нее в

квартире нет никого; что старые господа живут на даче, а молодой барин куда-то ушел.

— Сколько комнат в вашей квартире? — спросил я.

— Двенадцать и кухня, — ответила женщина.

В прихожей, куда мы вошли, горело электричество; в комнаты вело три двери. Две из них, которые шли налево и направо от входа, были затворены; третья же дверь, полуотворенная, вела в совершенно темную комнату. Из комнаты не доносилось ни шума, ни разговора. Оставив часть вооруженных людей на лестнице и другую часть в прихожей, я взял с собою несколько человек, а также и женщину, отворившую нам двери, и направился с ними сначала в комнату, которая находилась налево от входа. Женщину я заставил открывать электричество при входе в каждую комнату, чтобы не терять лишнего времени на обнаружение штепселей.

— Это комната молодого барина! — заявила служанка.

Осмотрев ее, мы в ней никого не нашли. На письменном столе «молодого барина» был полный беспорядок. На полу валялись обрывки бумаг, а перед печкой пепел от сожженной бумаги. Надо было спешить с обходом квартиры, а потому, не останавливаясь здесь, я направился через прихожую в следующие комнаты. И вот, когда мы зажгли электричество в последней комнате и нашли ее пустой, как и все предыдущие, то помню, что я опустился на диван и перекрестился.

— Живы? — спросил у Самсона Ивановича.

— Так точно, ваше высокоблагородие! — ответил он. Мы молчали.

— Где же ваши террористы?

— Теперь ясно, что морочил он нас, — ответил Самсон Иванович. — Да еще как морочил-то, мерзавец, — продолжал он, — ведь он сегодня вызывал по телефону подполковника Кулебко и заявил, что террористы из окон заметили наших филеров, и потребовал, чтобы мы не держались очень близко перед окнами.

В комнате убийцы были обнаружены лишь обрывки не имеющих значения бумаг. Куча пепла от сгоревшей бумаги, обнаруженная в печке, указывала на то, что Богров уничтожил все важное и его компрометирующее раньше ухода своего в театр. Женщина, отворившая нам двери, оказалась кухаркой Богровых. При допросе она твердо стояла на своем первом заявлении о том, что в квартире ее господ никаких посторонних лиц не проживало и не было случая, чтобы ей приходил эз за последние дни, отпирая входную парадную дверь на звонки, впускать или выпускать из квартиры неизвестных ей лиц, приходивших к «молодому барину». Из

показаний других свидетелей, членов семьи Богрова, заявление служанки впоследствии подтверждалось до мельчайших подробностей. Таким образом, после обыска в квартире Богровых и после опроса свидетелей, у меня составилось определенное представление, что сотрудник подполковника Кулябко, по кличке «Аленский», — в действительности Дмитрий Богров или, как его называла служанка, «молодой барин», — с каким-то злым умыслом в продолжение нескольких дней, самочинно или по чьему-либо поручению или говору, давал Кулябко и другим чинам охраны заведомо ложные сведения о том, что в квартире его отца и комнате, им занимаемой, скрываются террористы, прибывшие в Киев с оружием и бомбами для совершения террористического акта, приурочивая таковой ко времени пребывания в Киеве Государя, Его Семьи и Кабинета министров.

При производстве подробного опроса служанки Богровых было обращено особое внимание на выяснение лиц, посещавших эту квартиру за последнее время, причем пришлось натолкнуться на следующий чрезвычайно интересный факт. Служанка, между прочим, показала, что 1 сентября, — т. е. в день убийства Столыпина — часа в два или три, ее посетил один ее знакомый, даже ее кум, некто Сабаев. По ее словам, он вошел к ней в кухню с черного хода и, видимо очень торопясь, спросил, нельзя ли из их квартиры поговорить по телефону. Служанка ответила Сабаеву, что в квартире находится только «молодой барин», а потому он, Сабаев, может свободно пройти в прихожую и поговорить по телефону. В дальнейшем она показывала, что Сабаев прошел из кухни один в комнаты. Говорил ли он по телефону или нет, она не знает. Но, возвратившись в кухню, Сабаев наскоро простился и ушел... Чем он занимается, она точно не знает, но слышала, что он служит писарем где-то в полиции или в охранном отделении.

Это показание обратило на себя особенное внимание потому, что в Киевском охранном отделении действительно служил писарем чиновник Сабаев с тем же именем и отчеством, как называла его служанка. Вызванный для допроса, он показал, что в кухарках у Богровых действительно служит его кума и что первого сентября около трех часов дня он к ней заходил. Затем он, подробно рассказал, как было это дело. Первого сентября он, кончив утренние занятия в охранном отделении, шел домой. Проходя по улице, невдалеке от дома Богровых, он встретился с заведывающим наружным наблюдением С. И. Демидюком, который подозвал Сабаева к себе и спросил о том, разданы ли уже сегодня билеты для

пропуска на ипподром. Когда Сабаев ответил утвердительно, то Демидюк поинтересовался узнать, кто получил билеты для его жены и детей. Сабаев ответил, что этого не знает. Так как скачки на ипподроме в этот день, при Высочайшем присутствии, начинались в пять часов⁷ дня, а Демидюк за ними сам отлучиться с поста не имел возможности, то он стал упрашивать Сабаева возвратиться в охранное отделение, взять назначенные для семьи Демидюка билеты и отправить их по назначению. Сабаев решительно отказался возвратиться, ссылаясь на то, что не имеет свободного времени; но так как Демидюк очень настаивал, то Сабаев согласился передать эту просьбу по телефону из одной, близ находящейся отсюда квартиры, в которой кума его служит кухаркой. Демидюк, не интересуясь, где живет кума Сабаева и у кого она служит, очень обрадовался предложению Сабаева и просил так и сделать.

В дальнейшем своем показании Сабаев рассказал: «Зайдя в квартиру Богровых, где служит моя кума, я застал ее на кухне и, осведомившись, что в квартире находится только один «молодой барин», просил разрешения пройти к телефону. Кума мне охотно это разрешила, и я, пройдя несколько комнат и никого в них не встретив, подошел к телефону, снял трубку и, как полагается, громко назвал номер телефона Киевского охранного отделения. Дверь из комнаты, к которой я стоял спиной, отворилась, и кто-то громко произнес: «Из нашей квартиры с охранным отделением разговаривать нельзя!» Я быстро обернулся и увидел в дверях комнаты человека, которого я знал как секретного сотрудника охранного отделения под кличкой «Аленский», которому за день или за два перед этим я — бывши дежурным по охранному отделению — поздно ночью отворял двери и впускал его для свидания с подполковником Кулябко. Что сотрудником «Аленским» является Богров, я не только не знал, но и не предполагал. «Аленский», в свою очередь, видимо узнал меня и, быстро хлопнув дверью, скрылся в своей комнате. Я же настолько растерялся от этой неожиданной встречи с секретным сотрудником, что положил трубку телефона на место, быстро прошел в кухню и, не задерживаясь у кумы, ушел домой».

Но выйдя с квартиры Богрова, Сабаев уже с Демидюком не встречался и о своем посещении квартиры Богровых до этого времени никому не говорил, и никто его по этому поводу не расспрашивал. А служанка Богровых так описала состояние «молодого барина» после ухода ее кума Сабаева: «После того, как Сабаев ушел, я часто заходила из кухни в комнаты и заметила, что наш «молодой барин» был чем-то очень

расстроен. Раньше я его таким не видала. Он выходил из своей комнаты, подхёдил к окнам, выходящим на улицу, шумел бумагой в своей комнате и рвал ее. Затем он куда-то уходил и возвращался лишь тогда, когда стемнело. Отпирая ему парадную дверь, я заметила, что он был все в таком же расстроенном состоянии. Потом он затворился в своей комнате, и было слышно, как хлопал печной дверкой. Когда он выходил вторично, и я вышла в прихожую, чтобы запереть за ним дверь, то помню, что «молодой барин», уже одетый в пальто, вновь возвращался в свою комнату. Но вскоре оттуда вышел и быстро куда-то удалился из квартиры... С тех пор он домой не возвращался».

СЛЕДСТВИЕ, СУД, КАЗНЬ

1188

СЛЕДСТВИЕ*

Арестованный после избиения Богров был переведен в помещение при театре, куда прибыли чины прокурорского надзора. Первым явился судебный следователь по особо важным делам при киевском окружном суде В. И. Фененко, затем товарищ прокурора Слепушкин, а через несколько времени прибыл прокурор киевской судебной палаты Чаплинский.

Богров был обыскан, и при нем нашли записку следующего содержания:

«Николай Яковлевич» очень взволнован. Он в течение нескольких часов наблюдает из окна через бинокль и видит наблюдение. Уверен, что за ним поставлено наблюдение скверно, слишком откровенно. Я не провален еще».

Затем следственные власти приступили к допросу.

Несмотря на полученные тяжкие увечья, Богров, весь окровавленный и избитый, давал показания спокойно, с особым хладнокровием. Он заявил, что всю историю с «Николаем Яковлевичем» и «Ниной Александровной» он выдумал.

Кроме Богрова тут же было допрошено несколько ближайших свидетелей покушения. Первым допрошен был граф Иосиф Потоцкий, беседовавший со Столыпиным во время покушения. Когда графа Потоцкого спросили, узнает ли он в Богрове лицо, произшедшее выстрел, тот заявил, что затрудняется положительно ответить на вопрос. После этого заявления все внимание следственных властей было направлено на личный допрос Богрова, который продолжался до 5 часов утра непрерывно.

В ответ на упрёк, что покушение было произведено им в такой торжественный день и направлено на Столыпина, являвшегося гостем в Киеве, Богров заявил:

— Столыпин — министр, и потому я смотрю на него как на лицо, находящееся при исполнении своих служебных обязанностей, а не как на гостя. Я по взглядам убежденный анархист, — добавил Богров.

Кулябко и Курлов делали попытку отправить Богрова для допроса в охранное отделение, — по словам генерала Курлова, эта мера, благодаря беседе Богрова с самим Кулябко, могла выяснить соучастников Богрова, — но этому энергично воспротивился прокурор судебной палаты, и Богрова решено было отправить в киевскую крепость.

* А. Мушин. Ук. соч., стр. 164—169.

Богрова вывели из театра и усадили в экипаж. С одной стороны сидел полицеймейстер полковник Скалон, с другой — жандармский полковник и впереди жандарм с револьвером, направленным в Богрова. Затем, в следующих трех экипажах разместились жандармы, которые его провожали в Косой Капонир, где Богрова заключили в одиночную камеру.

На следующий день генерал Курлов снова возбудил перед судебными властями вопрос о допущении подполковника Кулябко на свидание с Богровым, но и эта попытка была безуспешна. Судебные власти не разрешили ему этого.

Следствие по делу об убийстве Столыпина было поручено судебному следователю Фененко и жандармскому подполковнику Иванову, под руководством товарища прокурора Слепушкина.

Небезынтересными являются показания, данные следствию Курловым, Спиридовичем, Веригиным и Кулябко о том, каким образом Богров оказался в театре, извлекаемые нами из доклада Трусевича.

В объяснениях своих, говорит сенатор Трусевич, на расследовании генерал Курлов, статский советник Веригин и полковник Спиридович категорически отрицали всякую осведомленность свою о том, что Богров был допущен на гуляние в сад Купеческого Собрания и в городской театр. Спиридович, кроме того, намекал, что во всем этом случае от него что-то умышленно скрывали, но определенных разъяснений не представил. Кулябко же утверждал противное, доказывая, что о посещении Богровым Купеческого сада и спектакля было известно всем означенным должностным лицам. При оценке этого противоречия, продолжает Трусевич, нельзя не отметить, что каждое из приведенных заявлений имеет в своем основании вполне понятные побуждения. В то время, когда подполковнику Кулябко, в видах устранения ответственности, весьма важно сослаться на приказания начальства, прочие прикосновенные чины заинтересованы в признании Кулябко действовавшим самовольно, без их ведома и согласия. Затем полк. Спиридович в своем показании пояснил, что после 1 сентября в разговоре с ним и Веригиным относительно посещения Богровым сада Купеческого Собрания, генерал Курлов высказал, что об этом обстоятельстве ему не было известно, но Веригин заметил, что, как ему кажется, Кулябко докладывал генералу и об этом. Ответив отрицательно, ген. Курлов переменил тему беседы.

Богров же на первом допросе у судебного следователя, в ночь на 2 сентября, будучи вне всякой возможности снестись каким-либо образом с Кулябко, удостоверил, что

снабжение его билетом было решено при участии Веригина утром 1 сентября. Равным образом, подп. Кулябко в ту же ночь на вопросы лица прокурорского надзора заявил, что Богров был на спектакле с ведома генерала Курлова, Веригина и Спиридовича.

В дальнейшем Кулябко добавил, что из докладов его генералу Курлову о двукратной посылке Богрова из театра домой у товарища министра не могло оставаться сомнений, что Богров находился в то время в театре. По утверждению же ген. Курлова, он из разговора с Кулябко в театре понял, что Богров не находился на спектакле, а приезжал туда для извещения Кулябко о положении дела. Ссылка Кулябко на то, что Богров маскировал свои возвращения домой необходимостью взять перчатки, с очевидностью доказывала генералу Курлову, что Богров занимает место в театре. Наконец, с полной несомненностью установлен факт, что Богров открыто находился в том самом партере зрительного зала, в котором были Веригин и Спиридович, из коих первый виделся с ним утром, а Спиридович настолько хорошо помнил Богрова в лицо, что узнал его даже в момент крайнего волнения, намереваясь нанести ему удар саблей. При указанных условиях представляется совершенно невероятным, чтобы Кулябко пропустил Богрова в театр с намерением скрыть это распоряжение от своих ближайших друзей и генерала Курлова, осведомленного о всех мелочах розыска по этому делу.

Сейчас же после покушения в квартире Богрова, по приказанию подп. Кулябко, был произведен обыск жандармским ротмистром Самохваловым, причем остервенелая полиция вела себя отчаянно грубо. Квартира была окружена целым войском. Восемьдесят чинов вошли внутрь и безнадежно искали мифического «Николая Яковлевича».

А в ночь на 2 сентября Кулябко, с одобрения ген. Курлова, приступил к обыскам и арестам по всему Киеву. 78 человек было арестовано и среди них чуть ли не все родственники и знакомые Богрова. Арестовывались и обыскивались без разбора все, кто случайно подвергался под руку или чей адрес случайно попадал на глаза охранникам. И по удостоверению Трусевича, и по существу самого дела, конечно, весь этот разгул оказался безрезультатным.

Безрезультатной оказалась и вся та кипучая медицинская деятельность, которая была проявлена в лечении Столыпина,

поставить на ноги или, по крайней мере, продлить агонию которого составляло в правящих кругах государственную задачу.

5 сентября П. А. Столыпин умер от ран, нанесенных ему Богровым.

Аскольдова могила — место захоронения П. А. Столыпина

По преданию, на этом месте был убит и похоронен в 882 г. киевский князь Аскольд. В 1957 бывшее здесь кладбище превращено в часть «паркового комплекса». Как при этом поступили с останками Столыпина — неизвестно.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ*

1 сентября 1911 г. в г. Киеве подполковник отдельного корпуса жандармов Иванов, вследствие предложения прокурора киевской судебной палаты, допрашивал Богрова, который показал:

«Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров, вероисповедания иудейского, от роду 24 года, звание помощника присяжного поверенного. Проживаю в г. Киеве, Бибиковский бульвар, № 4, кв. 7. К делам политического характера не привлекался. На предложенные вопросы отвечаю: решив еще задолго до наступления августовских торжеств совершить покушение на жизнь министра внутренних дел Столыпина, я искал способ осуществить это намерение. Так как я не имел возможности встретиться с министром, я решил обратиться к начальнику охранного отделения Н. Н. Кулябко, которому я рассказал, что ко мне обращался некий молодой человек, который готовится совершить покушение на одного из министров и что этот молодой человек проживает у меня на квартире. Кулябко, будучи очень взволнован сообщенными сведениями, поставил наблюдение за моей квартирой для установления личности этого молодого человека. У Кулябко я был, кажется, 27 августа, затем 31 августа и, наконец, встретился с ним в «Европейской» гостинице 1 сентября в № 14. При свидании с Кулябко в первый раз присутствовал полковник Спиридович и еще один господин (кажется, Веригин). При последнем свидании присутствовал тот же господин, конечно Кулябко вполне искренно считал мои слова истинными. Вследствие этого Кулябко дал мне билет в Купеческое Собрание и затем в театр. За билетом в Купеческое я посыпал в охранное отделение посыльного, билет ему был выдан в запечатанном конверте с надписью «для Аленского». Билет в театр был прислан мне на квартиру в 8 часов вечера Кулябко, который меня предупредил по телефону № билета 406, 18-го ряда. Билет передал мне какой-то филер, который знал в лицо меня, как знают меня многие филеры. В Купеческом я пробыл с 8 часов вечера до конца торжеств. Револьвер был со мной. Стоял на аллее, недалеко от малороссийского хора ближе к входу. Потом переменил место и стоял на пути прохода государя за хором, приблизительно против ресторана. Имел при себе револьвер. Почему не выполнил своего намерения, не

* Протоколы опубликованы Борисом Струмилло в статье «Материалы о Дм. Богрове», ж. «Красная летопись», № 1(10), 1924, стр. 229—238.
О Б. Струмилло см. прим. на стр. 105.

знаю. Еще раз повторяю, что подполковник Кулябко не знал о цели моих посещений. В театр я пришел в 8 часов вечера, вошел через главный вход, после этого увидел Кулябко, который спросил: «Ну что, ушел ли ваш квартирант?» Я ответил, что он еще у меня на квартире, что он заметил наблюдение и поэтому не выходит. Кулябко предложил мне съездить под каким-нибудь предлогом домой и посмотреть, не собирается ли мой гость уходить. Я вышел из театра приблизительно в 8 ч. 25 м. вечера, перешел на другую сторону Владимирской ул. и приблизительно через 15 минут вернулся обратно. Вошел я через правый боковой вход, причем неизвестный мне офицер не пропускал меня, так как часть билета была прорвана при первом контроле. Я обратился за помощью к Кулябко, который удостоверил, что я уже был в театре. Тогда меня впустили. Во время первого антракта я не сходил с места. Во время второго я прошел в коридор, где Кулябко сказал мне, что он сильно беспокоится на счет моего квартирента, и предложил ехать немедленно домой. Я выразил согласие, но повернулся в другую сторону и прошел в проход, в котором стоял Столыпин. Подойдя к нему на расстояние 2—3 шагов, я вынул револьвер «браунинг» и произвел два выстрела. После этого повернулся и пошел к выходу, но был задержан. Револьвер мною приобретен в бытность мою за границей в Берлине, в магазине в 1908 г., вместе с револьвером мною были куплены патроны в количестве 50—60 штук. Стрелять мне приходилось мало, в общем стрелял я раз 30, иногда в цель, иногда в воздух.

Все рассказанное мною Кулябко было вымыщено (курсив наш.— Ст.). Никто у меня не останавливался. В первое свидание я рассказал в самом неопределенном виде, что ко мне на дачу, где я жил в течение двух недель, приезжал молодой человек по кличке «Николай Яковлевич», с которым я будто бы познакомился в С.-Петербурге. Человек этот расспрашивал меня об условиях, в которых будут происходить Киевские торжества и, видимо, интересовался условиями, при которых мог бы иметь место террористический акт. Кулябко спросил у меня приметы этого человека, а также просил сообщить, если будет что-нибудь новое. Между прочим, он указал на пачку билетов, которые лежали у него на столе, и спросил: «А билет на торжества у вас есть?» Я ответил, что билет мне не надобен, ибо я боюсь афишироваться. При этом разговоре присутствовали Спиридович и Веригин. Только при следующем разговоре по телефону я попросил билет в Купеческое. Билет мне был дан. После Купеческого вечера часов в 11 зашел в охранное отделение; Кулябко

уже спал, я написал ему сообщение, что «Николай Яковлевич» приехал ко мне, ночует у меня и завтра намерен встретиться с неизвестною девицей «Ниной Александровной», у которой есть бомба. *Все это опять-таки было ложно* (курсив наш.—Ст.). Кулябко поставил к моему дому наблюдение для того, чтобы заметить выход «Николая Яковлевича» и встречу его с «Ниной Александровной». Во время свидания в «Европейской» гостинице я напирал на необходимость выделить меня из компании бомбистов и с этой целью просил создать предлог в виде ухода моего в театр. В то же время посещение мною театра давало бы возможность предупредить покушение тем, что я не дал бы нужного заговорщикам сигнала.

Ни к какой партии я не принадлежу. Имел года три тому назад связи с анархистами, но связи эти безвозвратно порвал. С тех пор я занимался исключительно своим образованием. В январе 1910 года кончил Киевский университет и в апреле того же года уехал в С.-Петербург, где пробыл до ноября 1910 г. Из С.-Петербурга я уехал по болезни и в течение двух месяцев, январь и февраль 1911 г., пробыл в Ницце, откуда вернулся в Киев. В С.-Петербурге я жил по Лиговской ул. в д. № 69, кв. 19, у двоюродного брата Льва Богрова, занимался отчасти адвокатурой, отчасти состоял помощником секретаря в Комитете по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов при министерстве торговли и промышленности, где получал 50 р. в месяц жалованья, судебная практика в мировых учреждениях давала мне 25—30 р. в месяц и от 75—100 руб. ежемесячно высыпал мне отец.

С анархистами я познакомился в 1907 году в Киеве в университете через студента Татнева под кличкой «Ираклий». В состав группы входили Иуда Гросман, Леонид Таратута, Петр, Кирилл Городецкий и несколько рабочих-булочников. Состав группы многократно менялся в течение 1908 г., туда вошел целый ряд новых лиц: Сандомирский Герман, Филипп, Тыш, Дубинский. Никаких преступных действий я за все время принадлежности к анархистам не совершал. Примкнул к анархистам и искал связей с ними сначала из-за желания подробнее познакомиться с их учением, а затем, но очень короткое время, был заражен царившим там боевым духом. Я принимал участие в целом ряде собраний, проходивших в квартирах у членов их, и высказывал мнение свое по разным вопросам. Домов, где были собранья, не припомню. В организации с 1908 г. ни в С.-Петербурге, ни за границей с присяжным поверенным С. Г. Крупновым, помощником которого я состоял с марта 1910 года, я раньше знаком не был. Просил же его принять меня в помощники потому, что

рассчитывал у него на работу по уголовным делам. Узнал я про то, что в С.-Петербурге в Комитете борьбы с фальсификацией имеется вакансия на место помощника секретаря, через родственника своего доктора Семена Леонидовича Райковича, причем на место был утвержден в Мюнхене и до конца 1906 года состоял одновременно студентом Мюнхенского и Киевского университета, приезжая в Киев, чтобы сдавать экзамены.

Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, т. е. отступления от установленного в 1905 году порядка: распуск Государственной Думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Государственной Думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа. С середины 1907 года я стал давать сведения охранному отделению относительно группы анархистов, с которой имел связи. В охранном отделении состоял до октября 1910 года, но последние месяцы никаких сведений не давал. В сентябре 1908 года я предупредил охранное отделение о готовящейся попытке освободить заключенных в тюрьму Тыша и «Филиппа». Необходимо было немедленно принять меры, и я предложил Кулябко арестовать и меня. Я был арестован и содржался в Старокиевском участке 2 недели.

В охранном отделении я шел под фамилией «Аленский», и сообщил сведения о всех вышеприведенных лицах, о сходках, о проектах экспроприаций и террористических актов, которые и расстраивались Кулябко. Получал я 100—150 р. в месяц, иногда единовременно по 50—60 р. Тратил их на жизнь. В 1910 г. в июле или августе я встретился с Столыпином при осмотре им С.-Петербургского водопровода. Расстояние между нами было шагов 10—12, но, по указанию начальника водопровода, я удалился. Был ли у меня при себе револьвер тогда, не помню, но мысли с совершение покушение не было. Никакого определенного плана у меня выработано не было, я только решил использовать всякий случай, который может меня привести на близкое от министра расстояние, именно сегодня, ибо это был последний момент, который я мог рассчитывать на содействие Кулябко, так как мой обман немедленно должен был обнаружиться. Настоящее показание написано мною собственноручно. *Дмитрий Богров. Подполковник Иванов.* Предъявленный мне револьвер принадлежит мне (система Браунинг № 239630), он был заряжен восемью патронами, из коих один был в дуле, а семь в обойме. *Д. Богров.* При допросе присутствовали: товарищ прокурора

судебной палаты Царюк и прокурор суда Брандорф. Подлинный подпись: подполковник *Иванов*.

2 сентября 1911 года, следователь по особо важным делам В. И. Фененко в Косом Капонире, где содержался Богров, допрашивал Богрова.

Богров показал:

«Я не признаю себя виновным в том, что состоял участником преступного сообщества, именующего себя группой анархистов и имеющей целью своей деятельности насилиственное ниспровержение установленного основными законами образа правления, но признаю себя виновным в том, что, задумав заранее лишить жизни председателя совета министров Столыпина, произвел в него 1 сентября сего года 2 выстрела из револьвера Браунинга и причинил ему опасные для жизни поранения, каковое преступление, однако, совершено мною без предварительного уговора с другими лицами и не в качестве участника какой-либо революционной организации.

Вырос я в семье отца моего и матери, которые проживают в Киеве, причем отец присяжный поверенный и домовладелец. Дом отца моего находится на Бибиковском бульваре под № 4 и стоит приблизительно 400 тысяч рублей. Долга на этом доме имеется сто тысяч рублей. Таким образом, мой отец является вполне обеспеченным человеком. Я лично всегда жил безбедно, и отец давал мне достаточные средства для существования, никогда не стесняя меня в денежных выдачах. После окончания Киевской 1-й гимназии в 1905 г. я поступил в Киевский университет на юридический факультет. В сентябре того же года я уехал в Мюнхен для продолжения учения, так как Киевский университет был закрыт. Вернулся я из Мюнхена осенью 1906 г. В то время я уже был настроен революционно, хотя ни в каких конкретных поступках это мое настроение не выражалось. Вернувшись в Киев, я в декабре 1906 г. примкнул через студенческий кружок к группе анархистов-коммунистов, с которыми я познакомился через студента Татиева под кличкой «Ираклий». В настоящее время (в 1911 г.) он куда-то выслан, куда — не знаю. В состав группы входил Иуда Гросман, Леонид Таратута, какой-то Петр, фамилии которого не помню, Кирилл Городецкий и несколько рабочих-булочников. Эта группа имела при мне 10—15 собраний, происходивших на разных квартирах, но на каких именно — указать не могу, так как забыл адрес. На этих собраниях разрабатывались организационные планы и высказывались предположения о возможности совершения разных экспроприаций, но определенных замыслов не было. Я лично за все время принадлежности к группе анархистов-

коммунистов ни в каких преступлениях не участвовал. Состав партии часто менялся, и в течение 1908 г. все вышеупомянутые лица из нее выбыли, будучи арестованы, а в состав ее вошли приехавшие из-за границы: Герман Сандомирский, Наум Тыш, Дубинский и какой-то Филин, фамилии которого не помню. Примкнул я к группе анархистов вследствие того, что считал правильной их теорию и желал подробнее познакомиться с их деятельностью. Однако вскоре, в середине 1907 г., я разочаровался в деятельности этих лиц, ибо пришел к заключению, что все они преследуют главным образом чисто разбойничью цели. Поэтому я, оставаясь для видимости в партии, решил сообщить Киевскому охранному отделению о деятельности членов ее. Решимость эта была вызвана еще тем обстоятельством, что я хотел получить некоторый излишек денег. Для чего мне был нужен этот излишек — я объяснять не желаю. Когда я впервые явился в середине 1907 года в охранное отделение, то начальник его Кулябко расспросил меня об имеющихся у меня сведениях и, убедившись, по-видимому, что таковые совпадают с его сведениями, Кулябко принял в число своих сотрудников и стал уплачивать мне 100—150 р. в месяц. Тратил я эти деньги на жизнь, причем от отца своего в то время получал, кроме стола и квартиры, около 50 р. в месяц. В охранное отделение я ходил раза два в неделю и, между прочим, сообщал сведения о готовящихся преступлениях, как, например, Борисоглебской организации максималистов, об экспроприации в Киевском политехническом институте, лаборатории в Киеве, на Подоле, по которой была привлечена Р. Михельсон, разъяснил дело Мережевской, подготавливавшей покушение на жизнь государя в 1909 г., и много других замыслов анархистов.

Кроме того, я предупредил охранное отделение о готовящейся попытке освободить находившихся в Лукьянинской тюрьме Тыша и Филиппа при помощи бомб. Для предупреждения этого преступления необходимо было арестовать участников накануне, и для того, чтобы моя роль как сотрудника не была раскрыта, я тоже был арестован фиктивно охранным отделением и содержался в Старокиевском участке с 10 сентября по 25 сентября 1908 г., после чего был отпущен и продолжал свою деятельность в охранном отделении, где шел под фамилией «Аленский».

Всего работал я в охранном отделении около 2 1/2 лет (курсив наш. — Ст.) *и в течение этого времени был несколько раз за границей, причем одна моя поездка длилась с сентября 1908 г. по май 1909 г. Эти мои поездки предприняты мною для моих личных надобностей и не носили характера команди-*

ровок от охранного отделения, но Кулябко пользовался этими поездками и сохранял со мною связь, поручая собирать сведения о заграничной деятельности анархических организаций и продолжая выплачивать мне ежемесячно деньги.

В охранном отделении я работал до начала 1910 г., а затем уехал в Петербург, по окончании в феврале месяце 1910 г. курса в Киевском университете. Там я продолжал числиться помощником киевского присяжного поверенного С. Г. Крупнова и иногда получал практику через знакомых прис. пов.: Кальмановича, Рацковича, Дубосарского и др. Вскоре по приезде в Петербург в июле месяце 1911 г. я решил сообщить петербургскому охранному отделению или Департаменту полиции вымышленные сведения для того, чтобы в революционных целях вступить в тесные сношения с этими учреждениями и детально ознакомиться с их деятельностью.

На вопрос, почему у меня после службы в Киевском охранном отделении явилось вновь стремление служить революционным целям, я отвечать не желаю.

По прибытии в Петербург я снова сделался революционером, но ни к какой организации не примкнул. На вопрос о том, почему я через такой короткий промежуток времени из сотрудников охранного отделения снова сделался революционером, я отказываюсь отвечать. Может быть, по-вашему это нелогично, но у меня своя логика. Могу только добавить, что в Киевском охранном отделении я действовал исключительно в интересах сего последнего. Задумав сообщить петербургским жандармским властям вымышленные сведения, я написал Кулябко письмо, в котором, сообщая, что у меня есть важные сведения, запрашивал его, куда мне их сообщить. На это письмо я получил телеграфный ответ с указанием, что мне нужно обратиться к петербургскому начальнику охранного отделения фон-Коттену. У этого последнего я был раз 10 и, передавая ему вымышленные и довольно безразличные сведения, по-видимому, заслужил его доверие. Мне думается, что меня рекомендовал ему Кулябко. Коттен платил мне 150 р. в течение 4 месяцев. После этого я серьезно заболел в С.-Петербурге, и врачи послали меня на юг Франции, куда я прибыл в декабре месяце 1910 г. и оставался там до марта 1911 г. Там я никаких сношений с революционными организациями не имел и никаких поручений от них не получал. Вернувшись в Киев, я прожил здесь до конца июля месяца, ни с Кулябко, ни с революционерами не виделся. В июле же месяце я поехал на дачу около Кременчуга, где пробыл недели две у своих родителей. После этого я вернулся в Киев

в начале августа и оставался здесь безвыездно до вчерашнего дня.

Еще в 1907 году у меня зародилась мысль о совершении террористического акта в форме убийства кого-либо из высших представителей правительства, каковая мысль являлась прямым последствием моих анархических убеждений. Затем в период моей работы в Киевском охранном отделении я эту мысль оставил. А в нынешнем году снова вернулся к ней, причем я решил убить министра Столыпина, так как я считал его главным виновником реакции и находил, что его деятельность для блага народа очень вредна. Зная о предстоящих в Киеве августовских торжествах и о предполагаемом приезде Столыпина, я решил воспользоваться этим обстоятельством для осуществления своего замысла. Но так как мне трудно было проникнуть в те места, где должен был иметь пребывание Столыпин, то я придумал ввести Кулябко в заблуждение и при его помощи получить доступ в означенные места. Для этой цели я 26 или 27 августа отправился к Кулябко на квартиру, предварительно уведомив его по телефону о том, что имею сообщить ему некоторые сведения. Кулябко принял меня у себя дома, и при нашем разговоре присутствовали полк. Спиридович и камер-юнкер Веригин. Я сообщил всем этим лицам вымышленные сведения, схема которых была выработана мною заранее по следующему плану. В бытность мою в С.-Петербурге я сообщил фон-Коттenu ложное известие о моем знакомстве с молодым террористом, и вот теперь я и решил воспользоваться этой же несуществующей личностью, которую назвал «Николаем Яковлевичем», для того, чтобы создать связь между сведениями, сообщенными раньше фон-Коттену и ныне сообщаемыми мною Кулябко и тем самым придать этим сведениям большую достоверность. Я решил рассказать Кулябко, что этот «Николай Яковлевич» с женщиной «Ниной Александровной», также не существующей, условились приехать в Киев во время августовских торжеств для совершения убийства одного из видных министров, что они просили меня дать им возможность прибыть в Киев не по железной дороге и не на пароходе, а на моторной лодке для того, чтобы избежнуть полицейского наблюдения и что «Николай Яковлевич» имеет намерение остановиться у меня на квартире. После передачи всех этих сведений я решил убедить Кулябко дать мне пропуск в те места, где будет Столыпин, для того чтобы иметь возможность предупредить покушение на него. Получив же эти пропуска, я решил воспользоваться близостью Столыпина и стрелять в него. Весь этот план и был мною осуществлен,

причем Кулябко, несомненно, вполне искренно считал мои слова правдивыми. Я виделся с Кулябко всего 3 раза, а именно: 26 или 27 августа в присутствии Спиридовича и Веригина, затем ночью 31 августа у него на квартире и, наконец, 1 сентября в «Европейской» гостинице в № 14 в присутствии того же Веригина. В эти три раза я ему рассказал все вышеизложенное и прибавил, что «Николай Яковлевич» и «Нина Александровна» приехали и первый из них остановился у меня на квартире. Тогда Кулябко учредил за ней очень густое наблюдение, но, конечно, никого не выследил, так как никто ко мне не приезжал. При первом свидании с Кулябко он, указывая мне на пачку пригласительных билетов на торжества, спросил меня, имею ли я таковые, но я, не желая возбудить у него подозрений, ответил ему, что мне таковых не надо; однако я твердо решил достать такие билеты и с этой целью телефонировал ему в 6 часов 31 августа, что в видах успеха дела мне необходим билет на вход в Купеческий сад. Кулябко, очевидно, понял, что мое присутствие в саду требуется для предупреждения покушения, и сообщил мне, что билет мне будет выдан и чтобы я прислал за ним посыльного. Таким образом, я и получил билет и находился в Купеческом саду 31 августа, где стоял сначала около эстрады с малороссийским хором, а затем перешел на аллею, ближе к царскому шатру; стоял я в первом ряду публики и хорошо видел прохождение государя, но Столыпина в тот момент не заметил и видел его только издали и то неотчетливо; поэтому я не мог в него тогда стрелять.

Вернувшись из Купеческого сада и убедившись, что единственное место, где я могу встретить Столыпина, есть городской театр, в котором был назначен парадный спектакль 1 сентября, я решил непременно достать туда билет и с этой целью пошел в охранное отделение и, ввиду того, что Кулябко уже спал, я написал предъявляемую мне записку. В этой записке я сообщил, что у «Нины Александровны» имеется бомба, что у «Николая Яковлевича» имеются высокопоставленные покровители, и что покушение на государя не состоится из опасения еврейского погрома. Я рассчитывал, что эта запись произведет на Кулябко серьезное впечатление и что он примет меня лично и тогда я выпрошу у него билет на спектакль. Так оно и вышло: Кулябко меня принял, и из разговора с ним я понял, что он меня ни в чем не подозревает и что я имею все шансы на получение билета. Но окончательно этот вопрос не был тогда разрешен, поэтому я на следующий день снова пошел к Кулябко и сообщил ему, а также присутствующему Веригину, что билет мне необходим, во-пер-

вых, для того, чтобы быть изолированным от компании бомбистов, во-вторых, для разных других целей, полезных для охранного отделения. Но эти цели были изложены мною весьма неопределенно и туманно, и я главным образом рассчитывал, что Кулябко среди окружающей его суматохи не станет особенно в них разбираться, а из доверия ко мне выдаст билет. Мои предположения в этом смысле вполне оправдались, и билет был мне прислан в 8 ч. с фильтром охранного отделения, о чем меня предупредил по телефону Кулябко. Билет был за № 406, 18-й ряд и был написан на мое настоящее имя, только с ошибкой в заглавной букве моего отчества. Приехал я в театр во фраке в 8 1/4 и встретил Кулябко, которому сообщил, что «Николай Яковлевич» по-прежнему находится у меня на квартире и, по-видимому, заметил наблюдение. Тогда Кулябко, боясь прозевать его, просил меня съездить домой и удостовериться, не вышел ли он из дома. Я удалился на некоторое время из театра и в первом антракте не имел случая приблизиться к Столыпину. Затем во время второго антракта, высматривая, где находится Столыпин, я в коридоре встретился с Кулябко, который мне сказал, что очень опасается за деятельность «Николая Яковлевича» и «Нини Александровны» и предложил мне ехать домой следить за «Николаем Яковлевичем». Я согласился, но когда Кулябко отошел от меня, оставил меня без всякого наблюдения, я воспользовался этим временем и прошел в проход партера, где между креслами приблизился к Столыпину на расстоянии 2—3 шагов. Около него почти никого не было, и доступ к нему был совершенно свободен. Револьвер браунинг, тот самый, который вы мне предъяляете, находился у меня в правом кармане брюк и был заряжен 8 пулями. Чтобы не было заметно, что карман оттопыривается, я прикрыл его театральной программой. Когда приблизился к Столыпину на расстоянии 2 аршин, я быстро вынул револьвер из кармана и, быстро вытянув руку, произвел 2 выстрела и, будучи уверен, что попал в Столыпина, повернулся и пошел к выходу, но был схвачен публикой и задержан.

Я помню, что перед задержанием у меня кто-то отнял револьвер, но кто именно — не знаю. Пули в патронах, которыми я стрелял, отправлены не были. До этого случая я никаких попыток на убийство Столыпина или кого-либо другого не делал. После задержания меня прокурор суда отобрал у меня бумажник, в нем находилась записка, писанная мною собственноручно, начинающаяся словами: «Николай Яковлевич» очень взволнован...» Подтверждаю, что

я совершил покушение на убийство статс-секретаря Столыпина единолично без всяких соучастников и не в исполнение каких-либо партийных приказаний».

Это показание Богровым собственноручно подписано.

Одновременно по поводу его показания составлен был другой протокол, подписанный со слов Богрова Чаплинским, Брандорфом и Фененко, подписать его Богров отказался, мотивируя тем, что «правительство, узнав о его заявлении, будет удерживать евреев от террористических актов, устрашая организацией погромов. В неподписанном протоколе говорилось, что Богров, давая показания, между прочим упомянул, что у него возникла мысль совершить покушение на жизнь государя, но была оставлена из боязни вызвать еврейский погром. Он, как еврей, не считал себя вправе совершить такое действие, которое вообще могло бы навлечь на евреев подобное последствие и вызвать стеснения их прав».

4 сентября 1911 г. на допросе у жандармского подполковника Иванова Богров показал (дело Департамента полиции № 124-а, т. I):

«Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров. Относительно причин, побудивших Кулябко выдать мне билет, показываю следующее: я сообщил Кулябко, что ночевавший у меня «Николай Яковлевич» собирается в 9 ч. вечера выйти для встречи с «Ниной Александровной» куда-то в окрестности Владимирского собора, и просил инструкций, как мне поступить в случае, если кто-либо из этой компании даст мне какое-нибудь поручение. Кулябко категорически воспретил мне исполнять какое бы то ни было поручение. Тогда я заявил, что при таких условиях я должен быть изолирован от компании бомбистов, иначе возбужу подозрение их, и что лучше всего для этой цели выдать мне билет в театр, ибо, показав этот билет «Николаю Яковлевичу» и другим, я смогу принять на себя исполнение роли наблюдателя за Столыпинским и неправильно данным сигналом испортить их предприятие. Билет я получил в 8 ч. вечера через филера «Самсона Ивановича» на углу Бибиковского бульвара и Пушкинской улицы, куда я вышел, встревоженный долгим неполучением билета. Я прилагал все усилия к тому, чтобы достать билет в театр на 1 сентября именно потому, что полагал, что более мне не представится удобного случая для встречи с Столыпиным, ибо мой обман должен был быть выяснен в самом непродолжительном времени охранным отделением. План покушения мною разработан не был. Я был уверен, что, находясь в театре, смогу улучить момент для того, чтобы приблизиться к министру. При разговоре 1 сентября я просил

Кулябко дать мне место поближе к креслу Столыпина, но он и Веригин ответили мне, что в первых рядах будут сидеть только генералы и потому мне сидеть там неудобно. Вообще Кулябко обращал внимание, что я очень взволнован, но приписывал это волнение тому, что я неожиданно попал в центр заговора; вместе с тем он мог бы обратить внимание на то, что держал я себя весьма неконспиративно, приходил днем в охранное отделение, телефонировал туда из своей квартиры, посыпал туда посыльного и т. п., ходил в «Европейскую» гостиницу и, наконец, решался открыто посещать такие места, как Купеческое и театр, куда, как лицо неблагонадежное, билетов получить не мог бы. Билет в Купеческое был мною получен от Кулябко, без всякой особенной мотивировки. Я по телефону часов в 6 вечера просил его выдать мне билет, и он предложил прислать за ним посыльного.

По возвращении из Потоков меня посещали несколько раз: Владимир Абрамович Скловский, мой товарищ по гимназии и по университету, который, однако, о моих планах совершенно осведомлен не был, пом. прис. поверенного Лев Леонтьевич Фельдзэр, с которым я встречался ежедневно в кабинете прис. пов. Александра Соломоновича Гольденвейзера, который находился за границей; студент Киевского университета Самуил Леонтьевич Фельдзэр, мой товарищ по гимназии, заходил ко мне только один раз, возвращаясь от доктора. Я категорически утверждаю, что все эти лица не имели ни малейшего понятия о моих планах. Сведения, которые я давал Кулябко, им не записывались, и письменный след о них сохранился лишь в одной записке, которую я посыпал ему 31 августа из охранного отделения в квартиру. Подлинный подписали: *Дмитрий Богров. Подполковник Иванов.*

10 сентября 1911 г. на допросе у жандармского подполковника Иванова Богров показал (дело Департамента полиции № 124, лит. А, т. I):

«Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров. В предъявленной мне фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка Петра Лятковского) я признаю того человека, который явился ко мне в первых числах марта сего года и сообщил мне, что в Лукьянинской тюрьме, из которой он вышел в феврале месяце, существует сильное раздражение против меня.

Еще раньше, в 1908 г., приблизительно в мае месяце, отбывающие наказание за участие в анархической группе Наум Тыш, «Филипп» и несколько других лиц возбудили против меня обвинение в провокации. Обвинение это, однако, окончилось ничем, и доверие ко мне было восстановлено.

Однако, в 1910 году, приблизительно в сентябре или октябре месяце, в тюрьму поступили новые сведения, а именно письмо от некоего «Николая», настоящее имя которого Рафаэль Черный, в котором он обвинял меня в растрате партийных денег, а также письмо из Парижа с запросом о некоторых обстоятельствах в моей деятельности. Ввиду этого в Лукьяновской тюрьме вновь был возбужден и решен в утвердительном смысле вопрос о моем сотрудничестве в охранном отделении.

П. Лятковский был уполномочен находящимися в тюрьме анархистами расспросить меня о деньгах и вообще сообщить мне свои впечатления. После разговора с Лятковским, уехавшим через несколько дней домой, на Кавказ, я в течение двух месяцев не имел никаких сведений и свиданий с кем-либо из анархистов. Лятковский приходил ко мне один раз, был одет в студенческую форму. Дверь ему, насколько помню, открывала горничная и впустила его в мою комнату, находящуюся направо от главной передней. Разговор с Лятковским велся в миролюбивой форме, и, уходя от меня, он взял у меня две книги (помню, что часть журнала «Былое»). Приблизительно числа 6—7 мая месяца ко мне явилось два человека, из которых одного я знал по Парижу как анархиста, состоявшего в группе «Буревестник». Имени и клички я его не помнил, но он назывался «Василий». Что касается второго из моих посетителей, то о нем я никакого понятия не имел, но он говорил, что также меня знает из Парижа. Не назывался он мне никак.

«Василий» и неизвестный заявили мне, что они присланы из Парижа в качестве членов «революционной комиссии», имеющей целью объехать те города России, в которых была, но прекратилась революционная работа, отчасти в целях выяснения оставшихся на местах сил, спрятанных материалов (шифра, револьверов), отчасти же для выяснения причины провалов организаций. От меня лично они требуют отчета в деньгах, которые находились у меня на руках в течение 1908 года, при этом они представили мне мой отчет в 2000 руб., помещенный в № 4 «Бунтаря», копию подробного отчета, присланного мною в 1908 году в Париж Иуде Гросману, и указывали на погрешности его, доходившие по собранным ими справкам до 520 рублей. Я оспаривал правильность их счетов и сначала пришел с ними к соглашению, по которому должен был уплатить им 260 рублей. Деньги я должен был доставить через два дня, но к установленному сроку явился один «Василий» и заявил, что они, «ревизионная комиссия», на прежнее решение не согласны и что требуют все деньги

сполна. Я попросил еще три дня срока и потом внес «Василию» все требуемые от меня деньги.

Деньги я получил от родителей, причем в первый раз от матери моей 150 рублей, а через два дня от отца 210 рублей, 160 рублей были у меня. Обстоятельства эти мои родители могут подтвердить. «Василий» — светлый шатен, низкого роста, слабого сложения, лет 24—26, маленькая бородка и усы. Другой, неизвестный, по-видимому еврей, чрезвычайно маленький брюнет, без усов и бороды, лет 20—21. Расписки я у них о вручении мною денег не взял, а вместо того написал вместе с «Василием» письмо Гросману в Париж, где подтверждал вторичную уплату мною уже раз истраченных на партийные цели денег. Всего я виделся с членами «ревизионной комиссии» три раза, из коих два раза у себя дома, а один раз в центральной молочной на Крещатике. После этого я считал все мои партийные счеты окончательно законченными, но в конце июля месяца в Потоки мне было переслано заказное письмо из Парижа; письмо это было адресовано мне в Киев. Пересыпал его, должно быть, швейцар. Письмо это было написано Максимом Раевским, «Томом» и еще, кажется, Василием Железным, а также Аскаровым. Все эти лица состояли членами парижской группы «Буревестник».

В письме этом, написанном в явно враждебном тоне, от меня требовались ответы на целый ряд вопросов о моей прежней деятельности, а именно: 1) передавал ли я при подготовлявшемся побеге из Лукьяновской тюрьмы Н. Тыша и «Филиппа», который организовала Роза Сельская, телеграмму в тюрьму для вывоза означенных лиц к следователю; 2) был ли известен кому-либо, кроме меня, адрес «Николая» в Варшаве; 3) каковы были мои отношения к борисоглебским максималистам, почему я сам не ездил в Борисоглебск, и кто та «Роза», которую я посыпал в Воронеж за литературой. На это письмо я не ответил непосредственно написавшим его, а вновь написал Гросману о том, чтобы он передал «Буревестникам», что подобными письмами они меня могут легко провалить, если такое письмо попадет в руки полиции, и что я, отстранившись от всяких партийных дел, ни в какую переписку вступать не желаю. После этого письма 16 августа ко мне на квартиру явился известный мне еще с 1907—1908 года «Степа». Последний был в Киеве в 1908 году летом. Он бежал с каторги, куда был сослан по приговору екатеринославского суда за убийство офицера. Преступление его, насколько помню, было совершено в следующей обстановке: «Степа» направился на какой-то террористический акт или на экспроприацию и был вооружен браунингом. На улице его внимание

обратил на себя офицер, бравший солдата, не отдавшего ему честь. «Степа» выхватил браунинг и ранил или убил офицера, затем был арестован и приговорен к каторжным работам на 8 или 10 лет.

В Киеве он был на пути за границу, причем со мной встретился только для того, чтобы я помог ему деньгами. Я дал ему денег (8 рублей) и адрес в Черкассы, куда он и отправился. После этого «Степа» я видел в 1909 г. в Париже в русской столовой. Он говорил мне, что работает на заводе, но собирается эмигрировать в Америку. При его появлении 16 августа «Степа» был одет очень прилично, вообще настолько изменил свою внешность, что я его совершенно не узнал. Открыл я ему двери сам, ибо в это время жил уже в двух комнатах, имеющих отдельный парадный ход. Приметы «Степы»: высокого роста, лет 26—29, темный шатен, усы, падающие вниз, волосы слегка завиваются, довольно полный и широкоплечий. «Степа» заявил мне, что моя провокация безусловно и окончательно установлена, что сомнения, которые были раньше из-за того, что многое приписывалось убитому в Женеве в 1908 году прокурору Нейдорфу (клиника «Бегемот», настоящая фамилия, кажется, Левин из г. Минска), теперь рассеялись, и что решено о всех собранных фактах довести до сведения общества, разослав объявления об этом во все те места, в которых я бываю, как, например, суд, комитет присяжных поверенных и т. п., вместе с тем, конечно, мне в ближайшем будущем угрожает смерть от кого-то из членов организации. Объявления эти будут разосланы в самом ближайшем будущем.

Когда я стал оспаривать достоверность парижских сведений и компетентность парижского суда, «Степа» заявил мне, что реабилитировать себя я могу только одним способом, а именно путем совершения какого-либо террористического акта, причем намекал мне, что наиболее желательным актом является убийство начальника охранного отделения Н. Н. Кулябко, но что во время торжеств в августе я имею «богатый выбор». На этом мы расстались, причем последний срок им был дан мне 5 сентября.

После этого разговора я, потеряв совершенно голову, из опасения, что вся моя деятельность в охранном отделении будет раскрыта, решил совершить покушение на жизнь Кулябко. Для того чтобы увидеться с ним, я по телефону передал, что у меня имеются важные сведения, и приготовил в общих чертах рассказ о «Николае Яковлевиче».

Но, будучи встречен Кулябко очень радушно, я не привел своего плана в исполнение, а вместо этого в течение получаса

рассказывал ему и приглашенным им Спиридовичу и Веригину вымышленные сведения.

Уйдя от Кулябко, я опять в течение трех дней ничего не предпринимал, потом, основываясь на его предложении (при первом свидании) дать мне билеты в Купеческое и театр, я попросил у него билет в Купеческое. Там я вновь не решился произвести никакого покушения и после Купеческого ночью поехал в охранное отделение с твердой решимостью убить Кулябко. Для того чтобы его увидать, я в письменном сообщении еще больше подчеркивал грозящую опасность. Кулябко вызвал меня к себе на квартиру, встретил меня совершенно раздетым, и хотя я при такой обстановке имел все шансы скрыться, у меня не хватило духа на совершение преступления, и я вновь ушел. Тогда же ночью я укрепился в мысли произвести террористический акт в театре. Буду ли я стрелять в Столыпина, или в кого-либо другого, я не знал, но окончательно остановился на Столыпине уже в театре, ибо, с одной стороны, он был одним из немногих лиц, которых я раньше знал, отчасти же потому, что на нем было сосредоточено общее внимание публики.

В предъявленной мне фотографической карточке (мне предъявлена фотографическая карточка Муравьева) я не признаю знакомого мне лица и отрицаю, чтобы это лицо посещало меня на квартире. Относительно «Степы» я в 1908 году давал сведения Кулябко. Билет в театр мне был передан «Самсоном Ивановичем» в 8 часов вечера на углу Пушкинской и Бибиковского бульвара. В 5 часов вечера 1 сентября я по телефону передал Кулябко о том, что «Николай Яковлевич» заметил наблюдение и беспокоится. Разговор мой по телефону 31 августа с Кулябко, когда я просил билет в Купеческое, был случайно услышен одним из клиентов моего патрона Певзнером, который мне об этом в иронической форме заявил. Относительно сохранившихся в Черкассах и Киеве оружия и шрифта могу соответственно тому, что слышал от членов «ревизионной комиссии» и знал сам, сообщить следующее: в Киеве около пуда шрифта должно быть закопано в усадьбе на Боричевом Току, где в 1908 году произошел взрыв бомбы.

В Черкассы из Киева в том же году был отправлен транспорт в 21 браунинг, которые в значительной части были спрятаны в усадьбе, в которой было оказано вооруженное

сопротивление группой анархистов. Где в настоящее время находится Петр Лятковский, члены «ревизионной комиссии» и «Степа», не знаю. Полагаю, что Лятковский на родине, на Кавказе; «Степа» же на юге России, но не в Екатеринославе. Настоящее показание написано мною собственноручно. Подлинное подписали: *Дмитрий Богров. Подполковник Иванов.*

СУД*

Суд над Дмитрием Богровым происходил в Косом Капонире 9 сентября 1911 г.

Мрачное неуклюжее здание Косого Капонира находится в крайнем правом углу Печерской крепости, над почти недоступным обрывом.

Собачья тропа, стелющаяся по горе, с одной стороны, с другой — земляные валы столетней кладки.

Из глухих окошечек, замурованных частыми решетками, — жуткая, дышащая ужасом перспектива легендарной Лысой Горы, ставшей теперь местом казни осужденных военным судом.

Здание одноэтажное, очень старое, но построено из хорошо обожженного желтого кирпича.

Через массивные дубовые ворота идет вход в узкий треугольник, составленный высокими посеревшими стенами корпуса.

В основании треугольника — небольшая дверь, прикрытая снаружи решеткой.

За нею извилистый коридор, теряющийся во мраке. Здесь подвалы. Мрачные, кошмарные подвалы стариных олеографий, с сочащейся водой, крысами и плесенью. Говорят, что здесь — место карцера для провинившихся заключенных.

Винтовая лестница ведет вверх во второй коридор, со сводчатым потолком, глухими, точно провалившимися в стены дверями, лишенными последнего слова тюремной техники — автоматических глазков и форточек.

Тяжелые замки висят на дверях.

В углу, где коридор делает резкий изгиб, тянется вверх узенькая лестничка...

В темноте вверху теряется двойная окованная железом дверь.

Это — важнейшая секретная камера.

В ней содержался когда-то Асланов.

В ней содержался и Богров...

Заседание суда происходило в самой большой камере второго коридора.

Сюда было доставлено 30 стульев и большой стол, покрытый красным сукном.

* А. Мушин. Ук. соч., стр. 170—174.

За судейским столом находились генерал Рейнгартен, полковник Акутин, подполковник Мещанинов, подполковник Кравченко и подполковник Маевский.

Председательствовал генерал Рейнгартен. Обвинял прокурор киевского военного суда, генерал Костенко. Секретарем был Лесниченко.

Зашитника не было — от защиты подсудимый категорически отказался.

В зал суда были допущены исключительно представители высшей администрации и судебной власти. Тут находились: министр юстиции И. Г. Щегловитов, киевский генерал-губернатор генерал Ф. Ф. Трепов, командующий войсками Н. И. Иванов, киевский губернатор А. Ф. Гирс, прокурор судебной палаты Чаплинский и окружного суда Брандорф, судебный следователь по особо важным делам В. М. Фененко, расследовавший дело, комендант крепости Медер, губернский предводитель дворянства Куракин, Алексеев, Зальца и др. Всего около 20 человек.

Заседание открылось в 4 часа дня.

Подсудимый Богров был доставлен в суд под конвоем.

На нем та же фрачная пара, в какой он был взят в театре. Воротник, манжеты, галстух — сняты.

Обвинительный акт написан на трех листах.

Чтение его заняло около получаса.

Свидетелей вызвано 12, из них явилось только 7. Неявившиеся свидетели — сановники, очевидцы покушения. Показания неявившихся свидетелей не были прочитаны, за исключением одного.

Из неявившихся свидетелей допрошен был только начальник Киевского охранного отделения подполковник Кулябко. От допроса остальных свидетелей прокурор отказался.

Богров подробно рассказал, как морочил руководителей охраны.

По просьбе Богрова, Кулябко во время его объяснений был оставлен в зале.

Много говорилось о том, каким путем был получен Богровым билет на парадный спектакль.

Заседание продолжалось три часа.

Совещание длилось не более 20 минут.

Резолюцией суда Богров, признанный виновным по предъявленным ему 102-й (принадлежность к революционной партии) и 279-й (покушение на убийство) статьям, приговорен к смертной казни через повешение. Кроме того, суд вынес особое постановление, что разбором дела установлены дан-

ные, достаточные для возбуждения преследования против руководителей охраны.

Резолюция суда была выслушана Богровым совершенно спокойно.

Держался Богров спокойно и во все время суда, удивляя всех своей выдержанкой и самообладанием. Он произвел огромное впечатление на судей рассказом о своей жизни и объяснениями.

После объявления резолюции Богров обратился к председателю с просьбой дать ему поесть и жаловался, что кормят его отвратительно.

Председатель распорядился, чтобы просьба Богрова была удовлетворена.

Через час, после приговора резолюция была объявлена в окончательной форме.

В приговоре подробно изложены мотивы.

Приговор в тот же вечер был отправлен командующему войсками киевского военного округа на утверждение.

От подачи кассационной жалобы Богров отказался.

Приговор по его делу был утвержден командующим войсками через 24 часа после его объявления, а именно, в 10 часов веч., и 10 сентября немедленно был направлен к исполнению.

Письмо Богрова родителям, написанное после суда*

Дорогие мама и папа!

Единственный момент, когда мне становится тяжело, это при мысли о вас, дорогие мои. Я знаю, что вас глубоко поразила неожиданность всего происшедшего, знаю, что вы должны были растеряться под внезапностью обнаружения действительных и мнимых тайн. Что обо мне лишут, что дошло до сведения вашего, я не знаю. Последняя моя мечта была бы, чтобы у вас, милые, осталось обо мне мнение, как о человеке, может быть и несчастном, но честном. Простите меня еще раз, забудьте все дурное, что слышите, и примиритесь со своим горем, как я мирюсь со своей участью. В вас я теряю самых лучших, самых близких мне людей, и я рад, что вы переживаете меня, а не я вас. Целую вас много, много раз. Целую и всех дорогих близких и у всех, у всех прошу прощения.

Ваш сын Митя.

10 сентября 1911 г.

* А. Мушин. Ук. соч., стр. 174—177.

КАЗНЬ*

В ночь на 12 сентября, в 3 ч. смертный приговор киевского военно-окружного суда был приведен в исполнение.

Казнь предполагалось совершить еще в субботу, но потом было решено не отступать от обычая, не допускающего казни накануне праздников и воскресных дней.

Палачом был один из каторжан Лукьянинской тюрьмы. Палач поставил условием, что его немедленно после казни переведут в другую тюрьму, так как он боялся мести со стороны своих товарищей.

Казнь происходила под обрывом Лысогорского форта. Это — часть упраздненной киевской крепости, находящаяся в 4 верстах от Косого Капонира, где содержался Богров.

Приготовления к казни начались еще в воскресенье вечером. На Лысой Горе была сооружена виселица, вырыта яма. Вся местность, прилегающая к Лысогорскому форту, была тщательно обыскана полицией, ротой пехоты и сотней казаков. В воскресенье, с вечера, были расставлены кругом казаки, оцепившие плотным кольцом место казни.

В первом часу ночи в Печерский полицейский участок прибыли: товарищ прокурора, помощник секретаря суда, полицеймейстер, два его помощника, пять приставов, наряды городовых и околоточных, городовой врач, еврейский общественный раввин. Несколько времени спустя в участок прибыл губернатор А. Ф. Гирс, но, переговорив с полицеймейстером и товарищем прокурора, сейчас же уехал. Кроме официальных лиц в участке находилось около 30 «союзников» и правых, в том числе товарищ председателя киевского клуба националистов, сотрудник «Нов. Времени».

Больше Богров в камере не проронил ни слова. Из камеры вывели Богрова за руки двое городовых. Усадили в арестантскую карету и под усиленным конвоем конной жандармерии отвезли на Лысую Гору. Здесь его уже ожидали должностные лица и вся «публика», прибывшая из участка.

Когда Богрова вывели из кареты, «союзники» стали его рассматривать. Один из офицеров приблизил к его лицу электрический фонарик.

— Лицо как лицо, ничего особенного, — сказал Богров.

— Ну, господа, опознайте, — это он? — спросил «союзников» товарищ прокурора.

— Он, он, — зашумели «союзники».

* А. Мушин. Ук. соч., стр. 175—180.

Раздавались также возгласы: «Как же? Он самый. Ведь я его в театре здорово побил». Анатолий Савенко, ныне украшающий своим присутствием IV Гос. Думу, председатель «Союза русского народа» Постный, председатель «Союза русских рабочих» Цитович. Все они получили разрешение присутствовать при казни, так как выражали сомнение, что Богров будет повешен.

Были поданы почтовые лошади, все уселись в кареты и поехали на Лысую Гору.

Когда дежурный офицер вошел в Косой Капонир, в камеру Богрова, тот спал. Его разбудили. Богров сразу догадался, в чем дело, и стал поспешно одеваться. Оделся он в тот же фрак, в каком был в театре...

Богрову стали связывать руки.

— Пожалуйста, покрепче завяжите брюки,— обратился Богров к офицеру,— а то задержка выйдет.

Богров держал себя спокойно и разглядывал собравшихся, освещенных светом факела. Кто-то из «союзников» стал иронизировать над фраком Богрова. Услыхав это, Богров заметил:

— Пожалуй, в другое время мои коллеги-адвокаты могли бы мне позавидовать, если бы узнали, что уже десятый день я не выхожу из фрака.

Помощник секретаря окружного суда громко прочел приговор.

Богров выслушал его спокойно.

— Может быть, желаете что-нибудь сказать раввину?— спросил его товарищ прокурора.

— Да, желаю,— ответил Богров,— но в отсутствии полиции.

— Это невозможно,— возразил товарищ прокурора.

— Если так,— сказал Богров,— то можете приступить.

К Богрову подошел палач...

В этот момент Богров обратился к присутствующим с просьбой передать его последний привет родителям.

Затем палач связал ему руки назад, повел к виселице, надел на него саван.

Уже под саваном Богров спросил:

— Голову поднять выше, что ли?

Затем на шею Богрова была накинута веревка. Богрова подвели к виселице. Он сам взошел на табурет. В этот момент палач вытолкнул табурет из-под ног Богрова.

Тело повисло.

В таком положении, как это требует закон, тело висело около 15 минут.

Царила глубокая тишина. Факелы по-прежнему горели. Кто-то сказал: «Небось стрелять не будет».—«Теперь не время разговаривать . . .»—возразил ему какой-то голос.

Палач снял тело. Подошли врач и союзники. Врач констатировал смерть.

Труп положили в яму, закрыли досками, засыпали и сравняли с землей.

Все это в общем продолжалось около 45 минут. В три часа утра все было кончено.

«Союзники», присутствовавшие при казни Богрова, уезжая с Лысой Горы, взяли на память по куску веревки.

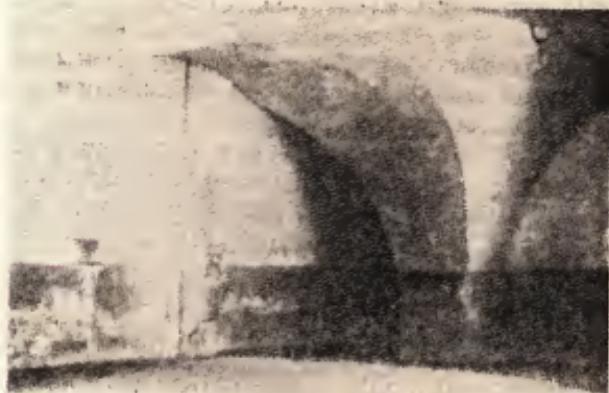
Во время казни они вели себя безобразно.

Охрана была снята.

Все вернулись обратно в город.

Крепость «Косой Катонци».

Камера из мраморника.

ВЕРА БОГРОВА*

Мы с Володей окончательно переселились в Петербург в 1911 г. Уже была нанята там квартира, мебель нашего дома была отправлена из Киева, кое-что мы с большим удовольствием покупали в Петербурге... В общем, все было готово к началу новой жизни на новом месте — и к появлению нашего первого ребенка! Но лето мы еще провели на родной нашей Украине: родители сняли дачу в Потоках Полтавской губернии, на берегу реки Псла. Чудесное было место! Здесь мы съехались все вместе в последний раз. Впрочем, Митя и Володя не все лето жили там с нами: и Митя и Володя были помощниками присяжного поверенного, уже занятые были у своих патронов и приехали только к концу лета. А Сережа в это время был женат и весь последний год уже не жил с нами — тоже переехал в Петербург.

В конце августа стали мы все разъезжаться. Мне тогда уже приходилось довольно трудно — роды ожидались в середине сентября. Родители хотели к этому времени приехать в Петербург, но перед тем решили еще поехать на короткий курс лечения за границу. Когда во второй половине августа приехал в Петербург Митя — мы ненадолго — и в последний раз — были все вместе, т. е. родители, тетя Маша с девочками, Митя и мы с Володей — и с будущей внучкой. В последний раз мы видели Митю, когда он провожал нас в Киеве при отъезде нашем в Петербург. Разъехались мы все в конце августа, а увиделись с родителями уже только летом 1912 года, когда мы приехали к ним с нашей уже восьмимесячной Таней в Берлин, где они временно обосновались, — Володя, впрочем, еще раньше ездил туда ненадолго...

Вот в эту нашу новую квартиру и явился к нам рано утром 2 сентября Сережа с газетой в руках, с невероятной, ужасной вестью о том, что случилось накануне, 1 сентября, в Киеве... Оба — и Сережа и Володя — были совершенно ошеломлены, смотрели друг на друга и на меня непонимающими, невидящими глазами... Никто, никто из всей семьи — ни Володя, с которым Митя всегда был очень близок, ни Сережа, который мог быть близок ему как революционер — не только ничего подобного не ожидали, но просто этому не поверили! Казалось, что это какое-то недоразумение, кто-то что-то перепутал — этого не может быть!

* Из рукописных воспоминаний (см. примеч. на стр. 85).

Такова была наша общая первая реакция!.. Но все было так подробно и правдоподобно рассказано, приведены были имена родных, адреса — слишком верны были разные подробности...

Не помню уж, когда ушел Сережа. Мы с Володей остались одни и вдвоем неподвижно, как окаменелые, сидели на нашем новом диване, не говоря ни слова, не в состоянии были даже вообразить себе — что же дальше будет — с Митей? С нами? А родители? Не знали чего ожидать, не знали, что же нам делать? К нам не приходил — и не звонил — в этот день никто!

За Володей пришли в тот же день, попозже. Я осталась совсем одна — опять-таки не зная, что ожидать... Прошел день, прошел вечер, наступила ночь — и опять возник вопрос, что же теперь делать? Не ложиться же спокойно спать в свою постель? Это было немыслимо! Я прилегла не раздеваясь — поддалась уговорам милой девушки, нашей прислуги, — на широком диване-тахте, стоявшем в столовой... Стена эта была смежной с лестницей. Мы жили в шестом этаже и был у нас лифт — но по ночам он не действовал... Стало очень, очень тихо — и я, должно быть, задремала... Но вдруг услышала шаги! Много, много шагов, гулких и мерных, по всем бесконечным ступеням всех шести этажей... По лестнице подымалось несколько человек, мерно и четко ступая. Все громче, все ближе... Сомненья быть не могло — шли за мной. Сознаюсь, сердце у меня замерло...

Раздался звонок... Сколько было людей за дверьми — не знаю, но казалось, что очень много... Вряд ли столько, сколько нужно людей, чтобы арестовать одну женщину? Но был среди них и «главный» — сам «околодочный» — в светло-серой шинели — он со мной и говорил: сказал, чтобы я взяла вещи и следовала за ним. Не знаю уж, какие там вещи собрала моя Груша: сложила она их в так называемый «порт-плед» и кто-то понес его вслед за мной. Порт-плед этот я еще видела в участке — первом этапе моего следования в какие-то другие места, мне тогда неизвестные... В участке мне полагалось ждать: была еще совсем черная ночь. Меня посадили у окна, на стол положили мой порт-плед, и я, положив на него голову, в полудремье ожидала рассвета, ожидала утра...

Должно быть, было еще очень рано, когда вокруг меня все зашевелилось — и я подняла голову со своего порт-пледа, служившего мне в эту ночь подушкой... Кто-то сказал, что пора ехать... Но не помню уж, кто мне сказал... как я узнала... что повезут меня в 3-е отделение... По тому, что

я знала, что я помнила из маминых рассказов — это было страшное место — и сердце невольно опять екнуло... Но у дверей участка ждала обыкновенная петербургская пролетка с верхом и на резиновых шинах, которыми я так восхищалась, когда приехала в Петербург (но которыми в обыденной жизни редко приходилось пользоваться... это была «роскошь» — больше ездили в трамваях!) — мне предложили... помогли... сесть... и сел со мной опять-таки околоточный... не знаю уж, тот ли самый, который меня арестовал — или другой — во всяком случае совершенно такой же, в такой же светло-серой шинели — и поехали мы по набережной, вдоль Невы... Было еще раннее утро, где-то уже взошло солнце, но свет, освещенье реки, противоположного берега — было совершенно необыкновенно — и я невольно загляделась на реку, на небо, на другой берег... И вдруг мой околоточный, слегка откашлявшись, сказал: «Не правда ли, сударыня, какой прекрасный вид!» — И я этому околоточному ответила: «Да, очень красиво!» — Вот какой разговор был у меня 3 сентября 1911 года — в день моего ареста, с везшим меня в 3-е отделение!

Там, куда меня привезли, долго ждать мне не пришлось — меня почти сейчас же повели «на допрос»...

В маленькой комнатке меня ждал молодой человек в военной форме, очень аккуратный, очень хорошо причесанный и очень вежливый... Он спросил меня, что я знаю по этому делу — на что я, конечно, могла ответить только, что не знаю ничего!.. Он вежливо настаивал, пытался уточнить свои вопросы — и напоминал мне, что я должна говорить правду! На это я только могла сказать: «Неужели вы не видите, что я не умею говорить неправду?» На что этот вежливый молодой человек очень вежливо ответил: «Мы не имеем права полагаться на свои собственные впечатления» — и больше ни о чем не спрашивал — и отпустил меня... И это был мой единственный «допрос»!

Во дворе этого самого 3-го отделения меня фотографировали — анфас и в профиль — где-то поблизости взяли отпечатки моих пальцев... Затем ненадолго меня оставили в какой-то полутемной камере... Кажется, принесли какую-то еду — но не помню, чтобы я ела... только отдохнула немногоД — и снова стала думать — что же будет дальше — что будет с Митеем, с Володей, с родителями? Спустя некоторое время вывели меня во двор — и здесь ждала меня большая, громоздкая черная карета, запряженная парой черных лошадей... На козлах сидели две черные фигуры — городовые? полицейские? охранники? Не знаю, как их назвать. Меня

подсадили в эту карету и со мной сел еще один такой черный человек... И кто-то громко приказал: «В Литовский замок!» Сознаюсь — тут уж я не выдержала — хотя до того времени крепко держала себя в руках... Я вскрикнула — и слезы полились у меня из глаз — к счастью, беззвучно... Литовский замок! Что может быть страшней... Ведь дальше — только каторга! Это я знала, мне об этом говорила мама! Мы с ней одно время — когда короткое время я была на Коммерческих курсах в Петербурге — жили как раз напротив Литовского замка, на Офицерской улице — и каждый раз, когда мы проходили мимо — рассказывала мне мама о том, как женщины-революционерки — после суда и приговора и перед отправлением на каторгу — отвозили в Литовский замок. И вот меня — хоть меня и не судили, хотя меня и не допрашивали «по-настоящему» — все же везли прямо в Литовский замок! Что же, значит, произошло, что происходит такое ужасное за пределами этой черной кареты — что я должна идти на каторгу? За пределами черной кареты происходило действительно неописуемо ужасное: там происходили допросы, и суды. Был вынесен и приговор... Ничего обо всем этом я тогда не знала... Но в пределах этой кареты произошло нечто совсем иное — хотя и маловероятное... Мой «страж» — человек в черной шинели, сопровождавший меня, арестованную в связи с государственным преступлением, — стал утешать, успокаивать меня! Поглядывая в переднее оконце на двух других «полицейских» — или тюремных стражников — сидевших на козлах, он тихим голосом — не глядя на меня, — стал говорить: «Да вы, барыня (или, быть может, сударыня? во всяком случае, какое-то привычное, старое, родное русское слово!) — не убивайтесь, ничего плохого вам не будет». А я все-таки смогла выговорить: «Да ведь Литовский замок...» И услышала ответ тем же тихим голосом: «Так что же, что Литовский замок? Ведь только там есть больница — потому вас туда и везут! Сами знаете, вам ведь больница, может, и очень нужна будет! Потому туда и везут...» И еще что-то тихо говорил он — пока я не успокоилась... Надеюсь, что я все-таки смогла — и сказала ему — спасибо! Если же не тогда, то всю мою жизнь я не перестаю этому человеку в черной шинели говорить — спасибо!

Когда мы приехали, наконец, в это страшное место, то меня действительно привели в помещение, совсем не похожее на те тюремные камеры, о которых столько пришлось слышать и читать! Меня ввели в обыкновенную большую комнату в 2 окна — и окна были большие и без всяких решеток.

Правда, во входной двери был «глазок», а в углу стояла «параша»... Это были единственные признаки тюремного заключения! В комнате стояли по стенам четыре кровати, посередине стоял большой стол с длинными скамьями по сторонам... Когда меня в эту комнату ввели, там была еще одна — тоже чрезвычайно взвинченная женщина. Я успела обменяться с ней несколькими словами — это была Розовская, младшая сестра Сережиной жены Розы. Арестована она была по тому же «делу» — и не понимала, не знала, почему — так как она явно ничего не могла знать... Ее быстро увезли — и я осталась одна — в «одиночном заключении»! Когда же я спросила — да почему же? — мне ответили: «Ну, знаете, неудобно ей быть с вами — она незамужняя, девушка — а вдруг у вас роды начнутся...»

Вскоре — вероятно вследствие моих повторных заявлений и отношений — ко мне привели врача-специалиста, он меня исследовал — и сказал, что беспокоиться нечего, что роды могут наступить не раньше чем через 2 недели... А между тем роды начались в ту же ночь. Я еле дождалась утра — и снова подняла тревогу! — Тут уж прибежала ко мне не только надзирательница, но и сама главная начальница, и какие-то еще «чины» — очевидно, «высшие» — потому что были они в серых шинелях — и меня не вежливо, а прямо-таки ласково просили не беспокоиться, что санитарная карета уже в пути — а с нею и вызванная по телефону мама! Так все это и случилось: меня с величайшими предосторожностями спустили во двор и уложили в санитарную карету... Мама была со мной... Уже очень скоро мы оказались в клинике — и там меня перенесли в эту отдельную, ожидавшую меня, комнату (какая прелестная была комната!) — и сразу уложили в постель (какая чудесная это была постель!). Но было это 13 сентября — и по дороге в эту комнату, в эту постель — какая-то полузнамокая мне сестра успела сообщить мне ужасную новость о казни Мити — в то же утро, на рассвете...

С мной однако — несмотря на прогноз тюремного доктора — не все было благополучно: роды начались — но приостановились — и меня продержали в постели еще целых два дня... Мама была все время около меня. Настоящие роды возобновились только в ночь на 15-е — и в 1 ч. 40 мин. моя дочь уже была на свете! Произошло все, говорят, чрезвычайно благополучно, но все же у меня об этом процессе осталось впечатление довольно неприятное...

После этого меня начали навещать друзья и знакомые — и я понемногу узнала все! Володя еще не был освобожден — он пришел ко мне только 17-го. Мы узнали, что родители

в Россию не вернулись: их не пустили друзья, бывшие тогда тоже за границей — и приехавшие немедленно к ним: эти друзья опасались, что их немедленно — может быть, уже на границе — арестуют, и что Григорий Григорьевич этого не перенесет... Но через кого-то, возвращавшегося в Россию, они передали вещи, купленные ими для ребенка...

Что же было дальше? Никто из родственников, товарищей, знакомых — вопреки ожиданиям — не пострадал. Аресты были — но кратковременные. Меня в клинике навестила Роза, Сережина жена: и она, и Сережа арестованы были — но уже очень скоро были отпущены, — как и молоденькая сестра Розы, которая была так перепугана, когда я видела ее в тюрьме... Знакомых и друзей приходило ко мне столько, что ясно было — никто не боится соприкосновеня со мной — опасности нет никакой... «Охраны» вокруг меня — как мы с мамой думали сначала — не было никакой с самого приезда в клинику. Не было никаких признаков «слежки», или каких-нибудь ограничений, каких-либо запрещений, каких-либо притеснений и после того... Володин патрон Вельдбрехт совершенно частным образом посоветовал ему некоторое время «не привлекать к себе внимания» — не выступать в суде... — и это было все... Володя тогда решил заняться «теорией» — да он и всегда к теоретическим наукам был склонен... Решил готовиться «на магистра» (университет он кончил с дипломом первой степени), готовиться к магистерскому экзамену, писать работу, защищать диссертацию. В петербургском университете пошли ему навстречу — и он усиленно стал заниматься дома. Писал он статьи, которые печатались в журнале «Право», — принимались там с полной готовностью, без всяких затруднений. Я дала себе тогда срок в 6 месяцев, чтобы выкормить своего ребенка: через 6 месяцев, когда началось «прикармливание», с которым уже могла справиться наша очень опытная и очень добросовестная няня — я вернулась на курсы. И там, опять-таки, все пошло нормально — и не было даже со стороны курсисток никакого любопытства, никаких расспросов, ни вопросов, ни намеков...

Родители, однако, в это время в Россию так и не вернулись: они наняли в Берлине большую квартиру, обставили ее — и туда к ним начали приезжать родственники со всех концов России. Тете Маше, которая была в Киеве все это ужасное время и которая приняла на себя все самые тяжелые удары, — родители поручили все ликвидировать — продать и дом: с Киевом было покончено — порваны были все связи. Покончив с этим трудным делом, тетя Маша с девочками переехала тоже в Берлин... Поехал туда и дедушка Рашко-

вич, отец Екатерины Яковлевны, хоть и был он уже очень стар... В последние годы он стал частным поверенным в каком-то провинциальном городе — недалеко от Киева* — но всегда «наведывался» к нам — приезжал погостить. Теперь уж ему стало невыносимо оставаться одному, вдали от семьи, от своих двух дочерей! Некоторое время — неделю — прожил он у нас, в Петербурге — но этого было ему недостаточно, и он совершенно самостоятельно, несмотря на возраст — а было ему тогда за восемьдесят! — отправился впервые в своей жизни «за границу»! И даже не в сравнительно близкий Берлин, а еще дальше — в Ниццу, где родители — и на этот раз — как и всегда раньше, проводили самые суровые месяцы зимы: Григорий Григорьевич плохо переносил холод и сырость, и родные, оберегая его от возможных заболеваний — увозили его среди зимы в Ниццу. Туда-то и направился наш дедушка — и прибыл благополучно, а затем вместе со всеми вернулся в Берлин, куда окончательно был перенесен центр семейной жизни.

Как я уже говорила, Володя на короткое время съездил повидаться с родителями — еще до их отъезда в Ниццу. Я же поехала в Берлин с ребенком — 8-месячной Таней только в начале лета. Родители наняли дом на берегу моря, в Альбеке — ради этой самой Тани, которой это пребыванье и в самом деле пошло на пользу. Целые дни проводила она со своей няней на солнце, на песке — и единственная из. всех нас в это лето была безмятежно счастлива!

Еще два года после этого мы ездили в Германию и проводили лето с родителями, — пока в 1914 г. не разразилась война. Тогда уж пришлось нам уезжать — мы оказались «нежелательными иностранцами» — чуть ли не шпионами — и кружным путем — через Швецию и Финляндию — поехали мы в Россию.

* Вместе с семьей Владимира Богрова вернулся в Россию н Богров-отец. Вначале он поселился на квартире сына (Петроград, ул. Преображенская, ныне ул. Радищева, 20), затем купил себе собственную (ул. Сергиевская, ныне ул. Чайковского, 67). Умер в январе 1918.

**ОХРАНА ДЕРЖИТ
ОТВЕТ...**

ПЕРЕД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ

(ЗАПРОСЫ ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ОТВЕТ
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)

ЗАСЕДАНИЕ 15 ОКТЯБРЯ 1911 Г.*

Председательствующий объявляет, что поступили заявления о запросах, и просит секретаря огласить их.

Секретарь Государственной Думы. Первые три заявления о запросах — по поводу убийства Председателя Совета Министров П. А. Столыпина. Первое заявление по этому поводу фракции союза 17 октября. Оно гласит следующее (читает): «Г. Председателю Государственной Думы. 1 сентября сего года в Киеве евреем Мордкой Богровым было произведено покушение на жизнь Председателя Совета Министров. 5 сентября П. А. Столыпин от полученной раны скончался. Революционные партии и враги России, объединившись, исполнили свою давнишнюю угрозу отомстить тому, кто когда-то подавил революцию, и устранил грозного для них противника, твердо стоявшего на страже целости и величия России. Условия, при которых произошло убийство, свидетельствуют о том, что вся постановка охраны во время киевских торжеств была в высокой степени неудовлетворительной и что со стороны некоторых должностных лиц, на которых была возложена охрана, были допущены преступные действия, которые сделали возможным самое покушение и могли бы повлечь за собой еще другие ужасные последствия: во власти убийцы и лиц, им руководивших, было направлено покушение и против Государя Императора и против Царской Семьи. Такими должностными лицами, преступно нарушившими свой долг, являются, по нашим сведениям, генерал-лейтенант Курлов, полковник Спиридович, подполковник Кулябко и камер-юнкер Веригин. Возможно, что ревизия сенатора Трусевича, а также следствие раскроют и других прикоснувшихся к этому преступлению лиц. Интересы государства и возмущенная народная совесть требуют, чтобы расследование этого темного и печального дела было доведено до конца, чтобы были раскрыты все прикоснувшиеся к убийству лица и чтобы преступники эти, каково бы ни было их положение, понесли ответственность в полной мере. Вместе с тем выясняется полная несостоятельность существующей постановки политического сыска и охраны и необходимость коренной реорганизации всего этого дела, как в интересах целесообраз-

* «Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты». Гостипография, Спб, 1911, столбцы 25—31.

ности, так и в интересах правомерности. Ввиду сего мы предлагаем Государственной Думе обратиться к Министру Внутренних Дел, на основании ст. 33 Учр. Гос. Думы, с нижеследующим запросом: 1) известны ли Министру Внутренних Дел такие незакономерные действия должностных лиц, которые имели своим последствием совершение злодействия 1 сентября, 2) если известны, то какие меры он предполагает принять к полному раскрытию преступных действий таких должностных лиц и к привлечению их к ответственности на основании закона, и 3) какие меры он намерен принять для предупреждения подобных преступлений путем реорганизации учреждений, призванных охранять государственный порядок от проявлений террора и анархии?». Настоящий запрос просим признать спешным. Первый подписавшийся А. И. Гучков.*

Второе заявление о запросе — русской национальной фракции. «Г. Председателю Государственной Думы. Злодейское убийство главы Правительства П. А. Столыпина, Министра Внутренних Дел — главного начальника полиции и политической охраны — убийство, совершенное служившим в охране евреем Мордкой Гершовым Богровым, дерзновенно заявившим, что он намеревался посягнуть на Священную Особу Государя Императора, к чему была ужасная возможность, и что он не привел в исполнение этого замысла единственно из опасения народного самосуда над его соплеменниками, обнаружило полнейшую несостоительность охранения не только высших представителей власти, но даже драгоценной жизни русского Монарха. Оказалось, что организация охраны совершенно не отвечает ее задачам, ведение дела представляется неумелым и беззаботным до преступности, наконец, в охране состоит на службе много лиц, не заслуживающих никакого доверия, а также немало евреев, непримиримых врагов России и ее государственного строя, причем они нередко занимают ответственное и даже руководящее положение. Между тем из множества уголовных процессов с несомненностью выяснилась предательская роль евреев в политических злодействиях. Должностным лицам, заведывавшим охраной во время киевских торжеств, были представлены исключительные полномочия и в их распоряжение отпущены необходимые денежные средства в широких размерах, и тем не менее злодействие совершилось. Поэтому не подлежит сомнению, что такое состояние охраны, коей вверяется безопасность Государя Императора, Высочайших

* Об А. И. Гучкове см. примечание на стр. 284.

Особ и представителей Правительства, не может быть допущено и к преобразованию ее следует приступить без промедления. Ввиду сего мы, нижеподписавшиеся, предлагаем Государственной Думе предъявить Министру Внутренних Дел и Министру Юстиции, на основании ст. 33 Учр. Гос. Думы, следующий запрос: 1) известно ли Министрам Внутренних Дел и Юстиции о преступном бездействии должностных лиц, которым была вверена охрана Священной Особы Государя Императора, Его Августейшей Семьи и представителей высшего Правительства и которые, несмотря на предоставленные им полноту власти и достаточные денежные средства, допустили в присутствии Монарха убийство главы Правительства служившим в охранной полиции евреем Богровым; 2) какие меры принимают Министры для выяснения степени виновности указанных должностных лиц в целях неуклонного применения к ним судебной кары по всей строгости уголовных законов; 3) предполагает ли Правительство приступить к преобразованию охраны ввиду выяснившейся полной ее несостоятельности?». Настоящий запрос просим признать спешным. Первые подписавшиеся: Балашев, Алексеев, Червинский.*

Третье заявление о запросе — социал-демократической фракции. «1 сентября сего года убит в Киеве Председатель Совета Министров П. А. Столыпин. Вся обстановка убийства и ряд обстоятельств, сопровождавших его, ясно указывающие на прикосновенность к этому убийству чинов охраны, привели к себе общественное внимание, поразившее своею необычайностью, и еще раз в наиболее резкой форме поставили перед русским обществом вопрос о той системе управления, которая доминирует над всей общественной и государственной жизнью России и которая создавала и создает бесконечный ряд кровавых событий русской действительности. Не вдаваясь в глубь истории, можно указать, что за последнее десятилетие мы имели целый ряд аналогичных фактов убийства высших русских сановников при содействии чинов политической охраны. Никто не сомневается теперь, что убийства министра внутренних дел Плеве, Уфимского губернатора

* Лидеры думской фракции «умеренных националистов» (партия «Всероссийский национальный союз»).

Петр Николаевич БАЛАШЕВ (род. 1871) — землевладелец, депутат от Подольской губернии.

Петр Николаевич АЛЕКСЕЕВ (род. 1872) — учитель гимназии, депутат от русского населения Варшавы.

Григорий Евгеньевич ЧЕРВИНСКИЙ (род. 1853) — мировой судья, депутат от Подольской губернии.

Богдановича, Великого Князя Сергея Александровича, С.-Петербургского градоначальника Ляуниза были организованы сотрудником охраны, известным провокатором Азефом. Известно также, что начальник Петербургского охранного отделения полковник Карпов убит социалистом-революционером Воскресенским-Петровым, приглашенным на службу в охранное отделение, убит в то время, когда он подготовлял с Петровым провокационный акт. Таковы общеизвестные более яркие факты из деятельности политической охраны с широко развитой ею системой провокации. Но если эта система требовала жертв себе вверху среди самих творцов и защитников ее, то в стране она уносила тысячи жертв, тяготела над обществом кровавым кошмаром. Культивируемая сверху система провокации расцвела пышным цветом во всей охранной организации до самых ее низов. Повсюду инсценируются: издательства нелегальной литературы («Революционная Россия», Томск), мастерские бомб (Куоккала, Хорольский в Екатеринославской губ.), транспортировка из-за границы нелегальной литературы и оружия (Виленское охранное отделение, «Джон Крафтон»), подготовка террористических актов, покушения на представителей власти (фон-Оглио в Пятигорске) и т. д.; благодаря такой широкой деятельности, тысячи жертв, втянутых этой адской машиной, идут в ссылку, в тюрьму, каторгу, на виселицу. С торжеством черной реакции, деятельность охраны с ее провокационными приемами занимает доминирующее, всепоглощающее место правительенной деятельности. Вместо удовлетворения требований широких демократических слоев населения, вместо установления элементарных условий правовой жизни, столь необходимых для развития творческих сил многомиллионного великого народа, вместо торжественно обещанных политических свобод над страной безгранично господствует грубый произвол и административное усмотрение, и все управление государством сводится к развитию этой охранной деятельности. Вся общественная жизнь приносится в жертву этому молоху русской полицейской государственности. Но став независимой, самодовлеющей организацией, на которую Правительство, не имеющее за собой никакого жизнеспособного общественного класса, опиралось как на единственную свою опору в борьбе с народом, охрана стала государством в государстве, правительством среди правительства, министерством в министерстве. Товарищ Министра, заведывающий полицией, стал хозяином положения, перед ним стал трепетать и сам Министр Внутренних Дел. Таким образом, охрана, созданная Правительством как орудие борьбы с обществом, требующим

громадных прав, как орудие грубого насилия против политических пробудившегося народа, усилила разложение, деморализацию и анархию высших правительственные органов. Она стала орудием междуусобной борьбы лиц и групп правительственные сфер между собою. Самым ярким проявлением, зрелым плодом этой анархии органов государственной власти является факт убийства в Киеве Председателя Совета Министров Столыпина. Столыпин, который открыто пред страной защищал необходимость для современного русского Правительства существующей системы политического сыска и охраны, Столыпин, который по словам кн. Мещерского («Гражданин», № 37) говорил при жизни: «охранник меня убьет», Столыпин, создавший культ охраны, погиб от руки охранника, при содействии высших чинов охраны. При каких обстоятельствах совершилось убийство Столыпина — известно. Он убит Богровым, состоявшим на службе в охране, «агентом внутреннего освещения». Богров был вызван начальником Киевской охраны полковником Кулябко в Киев специально для охраны Столыпина, он получил входной билет в театр, где совершил убийство, от самого начальника охраны, с ведома других высших чинов охраны на киевских торжествах: Веригина, Спиридовича и Товарища Министра Внутренних Дел Курлова, главного руководителя охраны. Богров допущен был в театр для того, чтобы раскрыть там террористов, которые, по его заявлению охране, должны были совершить покушение на жизнь Столыпина. Приходится предполагать при этом, что чины охраны сознательно, намеренно должны были пропустить в театр и самих террористов, так как все входные билеты выдавались охраной и, конечно, с чрезвычайным выбором. Такое предприятие совершалось для наибольшей славы охраны, когда покушение будет остановлено в последний момент. При этом обращает на себя внимание и тот факт, что один из выходов театра не был совершенно охраняется, и Богров после произведенных выстрелов в Столыпина направился именно к этому выходу. На основании уже этих фактов, ставших достоянием общественного мнения, в обществе вплоть до самых правых его кругов вполне определенно формируется обвинение в несомненной причастности охраны к убийству Столыпина. Там, где все было сосредоточено на охране, там, где на охрану было затрачено до миллиона рублей из государственного казначейства, там, где охраной непосредственно руководил сам Товарищ Министра Внутренних Дел Шеф жандармов, там чиновники охраны при содействии высших чинов охраны, якобы напрягающих все свое внимание на охране Столыпина, — Сто-

лыгин убит. Пользуясь фактом убийства Столыпина, как новым кровавым проявлением разлагающего действия охраны с ее провокационною системою, которая логически вытекает из современной политики Правительства и командующих классов и тяжелым кошмаром лежит на всей гражданской самодеятельности общества, мы, нижеподписавшиеся, предлагаем Государственной Думе предъявить в порядке ст. 33 Учр. Гос. Думы нижеследующий запрос Председателю Совета Министров и Министру Внутренних Дел: «1) сознают ли они, что убийство бывшего Председателя Совета Министров П. А. Столыпина, равно как и другие аналогичные убийства высших сановников (Плеве, Великого Князя Сергея, Лауница, Богдановича) являются естественным логическим следствием существующей организации политической полиции с широко развитой ее системой провокации, которая естественно, разлагаая правящие сферы, кладя на них пятно позора сотрудничества с наемными убийцами, налагает на общество гнет наглого, грубого насилия, парализующего живые силы народа; 2) намерены ли они что-либо предпринять для уничтожения организации политической охраны с ее системою провокации?». Запрос предлагаем признать спешным. Первый подпи-
савшийся Покровский-2*.

* Порядковый номер присваивался в Думе депутатам-однофамильцам. Иван Петрович ПОКРОВСКИЙ (1872—1963) — врач, депутат от Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии. Большевик, председатель социал-демократической фракции в III Думе.

ЗАСЕДАНИЕ 16 НОЯБРЯ 1911 Г.*

Министр Внутренних Дел Макаров**.. Гг. члены Государственной Думы, мне предстоит ответить вам на два вопроса, которые хотя и объединены внешним образом ужасным событием 1 сентября нынешнего года, но тем не менее, по моему мнению, по содержанию своему значительным образом различствуют друг от друга. Первый запрос, исходящий от 34 членов Государственной Думы, редактирован таким образом: «1) признают ли Председатель Совета Министров и Министр Внутренних Дел, что убийство бывшего председателя Совета Министров П. А. Столыпина, равно как и другие аналогичные убийства высших сановников (стас-секретаря Плеве, Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича, Петербургского градоначальника фон-дер-Лауница и губернатора Богдановича) являются естественным логическим следствием существующей организации политической полиции с широко развитой ее системой провокации, которая, естественно, разлагая правящие сферы, налагает на общество гнет грубого насилия, парализующего живые силы народа, и 2) намерены ли Председатель Совета Министров и Министр Внутренних Дел что-либо предпринять для уничтожения организации политической охраны с ее системой провокации?» Таким образом, центром этого запроса является, по моему мнению, обвинение Правительства в насаждении системы провокации (*голос слева*: правильно) и темой запроса должна быть признана тема уже старая, неоднократно обсуждавшаяся в заседаниях общего собрания Государственной Думы. (*Кузнецов*,*** с места: но это истина.) Подобное обвинение Правительства не новость, и я сказал бы, что я не понимаю прежде всего, почему это обвинение приурочивается к гнусному злодействию, совершен-

* «Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты», Спб, 1911, столбцы 2056—2064.

** Александр Александрович МАКАРОВ (1857—1919) — действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета. С 1889 по 1906 прокурор губернских судебных палат. С мая 1906 по январь 1909 товарищ министра внутренних дел, с сентября 1911 по декабрь 1912 министр внутренних дел и шеф жандармов, с июля по декабрь 1916 министр юстиции. Расстрелян большевиками.

*** Георгий Сергеевич КУЗНЕЦОВ (род. 1881) — слесарь, социал-демократ, депутат от Екатеринославской губернии.

ному 1 сентября? (Булат,* с места: какой наивный.) Я не понимаю этого потому, что понятие о провокации, с моей точки зрения, представляется понятием совершенно определенным, не раз устанавливавшимся и в этом зале. Я напомню вам, гг., что еще в заседании 11 февраля 1909 г. ныне покойный председатель Совета Министров коснулся этого вопроса и совершенно правильно, по моему мнению, определил это понятие. Он тогда говорил с этой же самой трибуны, что «по революционной терминологии всякое лицо, доставляющее сведения Правительству, есть провокатор; в революционной среде такое лицо не будет названо предателем или изменником, оно будет объявлено провокатором. Это прием не бессознательный, это прием для революции весьма выгодный; во-первых, каждый революционер, который улавливается в преступном деянии, обычно заявляет, что лицо, которое на него донесло, само провоцировало его на преступление, а во-вторых, провокация сама по себе есть акт настолько преступный, что для революции не безвыгодно с точки зрения общественной оценки подвести под это понятие действия каждого лица, соприкасающегося с полицией. Вместе с тем Правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считает провокатором только такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-проводника». Вот что является, по моему крайнему убеждению, провокацией. Спрашивается, неужели же убийство бывшего, покойного ныне, председателя Совета Министров может быть приписано провокации? Не безумно ли предполагать, что на это убийство провоцировал кто-нибудь Богрова, кроме его же соратников по революции, кроме социалистов-революционеров (слева голос: он не революционер) или кроме тех лиц, которые ему под угрозою смерти приказали сделать этот террористический акт для того, чтобы оправдаться в их глазах? (Гегечкори**, с места: это старая песня.) Богров может быть назван предателем, но он не провокатор, и в событии 1 сентября я ничего общего с провокацией не вижу. Я полагаю, что и авторы запроса,

* Андрей Андреевич БУЛАТ (наст. фамилия БУЛОТА, 1872—1941) — присяжный поверенный, депутат от Вильно (Вильнюса), председатель думской фракции трудовиков. С 1915 по 1917 в эмиграции в США. В 1940—1941 зав. юридическим отделом Президиума Верховного Совета Литовской ССР. В 1941 расстрелян немцами.

** Евгений Петрович ГЕГЕЧКОРИ (1881—1954) — социал-демократ, депутат от Кутаисской губернии. В 1918—1921 министр иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии. После захвата Грузии большевиками эмигрировал во Францию.

34 члена Государственной Думы, в существе сознавали, что провокация притянута здесь совершенно зря, а потому, чтобы установить эту связь, они и присоединяют к событию 1 сентября нынешнего года убийства других лиц: Великого Князя Сергея Александровича, статс-секретаря Плеве, генерал-майора фон-дер-Лауница и губернатора Богдановича; другими словами, они сводят настоящий свой запрос, по существу, к теме, уже давно обсуждавшейся в этом же самом зале Государственной Думы, при участии покойного П. А. Столыпина, а именно 11 или 13 февраля 1909 г. Но, милостивые государи, тогда обсуждение это окончилось тем, что запрос о провокаторской деятельности Азефа был отвергнут (*слева шум, смех и голоса: браво, поздравляю; звонок Председателя*), и Государственная Дума в переходе к очередным делам, предложенном фракциями союза 17 октября, националистов и умеренно-правых, признав объяснения Правительства удовлетворительными (*шум и смех слева; звонок Председателя*) и исчерпывающими, выразила уверенность, что в борьбе с террором Правительство будет пользоваться всеми законными средствами, отвергнув запрос и перешла к обсуждению очередных дел. (*Шум слева; звонок Председателя.*) С тех пор, гг. члены Государственной Думы, никаких новых сведений по этому поводу в Министерство Внутренних Дел не поступало (*Булат, с места: бедные, бедные*) и полагаю, что этим я и отвечаю на старый запрос о провокаторской деятельности Азефа, к которому, в сущности, и сводится запрос 34 членов Государственной Думы. Правда, я не скрою от вас, с тех пор в подпольной иностранной печати, в изданиях «Социалист-Революционер» Чернова и в «Будущем», издающемся Бурцевым, появились разоблачения об участии Азефа в этих делах. Но, милостивые государи, эти разоблачения идут от таких лиц, которые на мой взгляд доверия не заслуживают. Эти лица не стесняются в средствах для проведения своих партийных целей, для опорочения Правительства и для того, чтобы сеять смуту в России. (*Голос слева: слабо.*) Эти люди похваляются даже теми убийствами, которые они совершили, и ниже достоинства Правительства полемизировать с сочинениями Савинкова, Бурцева, Петрова (*голос справа: правильно*); пропагандировать же их сочинения с этой трибуны не входит в задачи Правительства. (*Справа продолжительные рукоплескания и голоса: браво, правильно; голоса слева: а «Новое Время», Мещерский?.*) Между воззрениями и симпатиями лиц, которые избрали своим девизом «Чрез учредительное собрание к демократической республике» и между представителями Правительства точек соприкосновения быть не может.

(Справа и в центре рукоплескания и голоса: браво.) Заявляю открыто, что считаю их врагами России *(справа и в центре рукоплескания и голоса: браво)*, и употреблю все усилия для того, чтобы обезвредить от их тлетворного влияния нашу родину. *(Рукоплескания справа.)* Затем обращаюсь ко второму запросу и не отрицаю прежде всего, что отвечать на этот запрос мне гораздо труднее, чем отвечать на запрос первый. Центр тяжести второго запроса, в противоположность первому,— ужасное злодеяние 1 сентября нынешнего года. При одном воспоминании об этом злодеянии, гг., передо мною встает благородная фигура покойного председателя Совета Министров П. А. Столыпина, мирно беседующего в театре; я слышу выстрелы в него; я вижу, как он делает несколько шагов к своему креслу и беспомощно садится в него. А там, гг., в нескольких шагах от места преступления, в Царской ложе находится Государь Император с своей Августейшей Семьей, и только милость Божия отвекла руку убийцы от выстрела в этом направлении! Я разделяю, гг., ужас, который должен испытывать при этом всякий верноподданный Государя Императора и любящий сын своей родины. *(Голоса справа: браво.)* Я присоединяюсь к тому чувству негодования, которым проникается каждый из вас, когда он думает о том, что Богров был допущен в театр одним из агентов Правительства. Мне трудно отвечать прежде всего на этот запрос *(Булат, с места: октябрьсты, снимите ваш запрос)* потому, что я не могу при обсуждении его отрешиться от тех чувств, которые меня в этот момент волнуют. Вместе с тем, я должен, однако, сказать, гг., что и самая постановка запроса, в особенности п. 3-го, лишает меня возможности держаться того обыкновения, которого я всегда держусь,— открыто, прямо, определенно высказать вам то, что я думаю, без недомолвок. *(Кузнецов, с места: а насчет фракции? Слева смех; голоса справа: остановите их.)* Вы спрашиваете прежде всего, известны ли Министрам Внутренних Дел и Юстиции те незакономерные действия должностных лиц, которые имели своим последствием совершение злодеяния 1 сентября — убийства председателя Совета Министров, статс-секретаря П. А. Столыпина? На этот вопрос я вам должен ответить, что, хотя Правительству и неизвестны результаты производившейся сенатором Трусевичем ревизии, но тем не менее мой ответ: да, известны, по крайней мере известны в части, известны в том отношении, что лицо, допустившее Богрова в театр, совершило несомненно служебное нарушение; оно нарушило

циркуляр 3 октября 1907 г., которым предписывается...
(*Смех и шум слева; Крупенский*, с места: выгнать их.*)

Председатель. Покорнейше прошу соблюдать тишину.

Министр Внутренних Дел Макаров... не поручать секретным сотрудникам обязанности наблюдательных агентов. Секретному сотруднику Богрову была поручена обязанность наблюдательного агента в театре, и этим самым были нарушены те обязанности, которые были возложены на лицо, наблюдавшее за Богровым и за устройством охраны. Прежде всего таким виновным лицом является, конечно, начальник Киевского охранного отделения (*голос слева: а Курлов?*), затем, если расследованием установлено, что это делалось с ведома и согласия выше Богрова стоявших лиц, то и они виновны в этом деле в качестве соучастников. (*Голос справа: браво.*) П. 2 запроса гласит: «какие меры предполагается принять к полному раскрытию преступных действий должностных лиц и к привлечению их к законной ответственности?» Я отвечаю, что Правительство не только предполагает принять, но оно беззамедлительно и приняло соответствующие меры к раскрытию этих действий. Как вам известно, было немедленно исходатайствовано Высочайшее созволение на производство ревизии Киевского охранного отделения, причем поручение этой ревизии было возложено на лицо, не находящееся в ведомстве Министерства Внутренних Дел, на сенатора (*смех слева*), и притом такого, который по прежним своим служебным обязанностям имел полную возможность изучить это дело. (*Слева шум, смех и голоса: провокатор.*) Вслед засим, гг., всеподданнейшим докладом 12 сентября, в целях возможно широкого определения объема этого поручения, «дабы устраниТЬ», как говорится в докладе, «нежелательные толки о каких-либо ограничениях предстоящего расследования», было испрошено Высочайшее разрешение на предоставление сенатору Трусевичу, при выполнении возложенного на него поручения, войти в рассмотрение деятельности всех должностных лиц, принимавших участие в осуществлении охраны во время пребывания Его Императорского Величества в г. Киеве. Когда затем выяснилось, что объем прав сенатора Трусевича, по исполнению им этого расследования, представляется необходимым увеличить, Правительство вошло с третьим всеподданнейшим докладом о расширении этих прав. Из этого, по-моему, следует, гг. члены Государственной Думы, что Правительство выразило доволь-

* Павел Николаевич КРУПЕНСКИЙ (род. 1863) — землевладелец, депутат от Бессарабской губернии, член фракции умеренных националистов.

но определенно свое намерение пролить на это дело самый яркий свет и вместе с тем высказалось, что оно ничего в этом деле скрывать не намерено. (*Голоса справа*: браво.) Но вас интересует, помимо того, какие меры были предприняты к раскрытию преступных деяний, что сделало Правительство для привлечения виновных должностных лиц к ответственности. По этому поводу я должен вам сказать, что в настоящее время я лишен возможности прямо и откровенно заявить вам, кто же из нарушивших свой долг будет подлежать законной ответственности. Вы понимаете, что этот вопрос можно разрешить только тогда, когда будет закончено сенаторское расследование. Между тем это расследование еще не окончено, материал, собранный ревизией, не систематизирован, отчет не составлен, и поэтому Правительство не располагает теми данными, которые удалось обнаружить в этом отношении сенатору Трусевичу. (*Голос слева*: пора прекратить это.) Могу сказать вам только одно, что ревизия сенатора Трусевича должна получить и получит в законе указанное ей направление. Что касается, наконец, п. 3 вашего запроса, то это и есть тот пункт, который, к сожалению моему, не дает мне возможности дать вам желательный, подробный и определенный ответ. (*Голос слева*: странно.) Вы спрашиваете, какие предполагается принять меры при организации учреждений, призванных охранять государственный порядок от террора и анархии, для предупреждения подобных преступлений? Дело в том, гг., что если бы я подробно изложил вам все эти меры, то это значило бы представить вашему вниманию всю предполагаемую организацию охранного дела в России. (*Кузнецов, с места*: провокации.) Между тем вы, конечно, поймете, что такого рода заявления здесь, с этой трибуны, я сделать вам не могу (*Крупенский, с места*: не имеете права), не имею права, потому что, если бы я это сделал, я бы сыграл только в руку революции. (*Голоса справа*: браво, правильно; *рукоплескания справа и в центре*; *слева шум, смех и голос*: хитро сказано.) Мы уже знаем, что со стороны социалистов-революционеров предпринимались меры для проникновения в охранные отделения с целью ознакомления с организацией политической полиции в России. Против такого проникновения предпринимаются, конечно, все меры, и не нам идти навстречу желанию социалистов-революционеров ознакомиться с теми способами борьбы, которые Правительство имеет в виду применять по отношению к ним. (*Голоса справа*: совершенно верно, правильно.) Я могу вам сказать лишь одно, что по мере того, как в революционных кружках меняются приемы и тактика, должны меняться приемы и тактика и у лиц, борю-

шихся с революцией,— у Правительства и у его агентов. (*Шум слева.*) Среди социалистов-революционеров тактика изменилась. Как я уже вам доложил, появляется стремление проникнуть в охранные отделения, как это сделал Петров, убивший начальника С.-Петербургского охранного отделения Карпова. Кроме того, чрезвычайно развилась наклонность к сыску. Сыск поставлен в революционных партиях очень сильно в настоящее время. (*Слева голос: а у вас?*) Этот сыск старается изловить всех сотрудников Правительства (*смех и шум слева*), всех секретных его агентов. Против изменения тактики революционеров надо применить, конечно, и нам новые приемы. Я вам могу сказать только одно, что я вменяю себе в обязанность провести полное отстранение секретных сотрудников от всего того, что так или иначе связано с организацией розыскного дела. (*Голос слева: вы бы конвенцию с ними заключили.*) Я нахожу нужным не допускать секретных сотрудников к осуществлению внешней охраны ни под каким видом; я признаю необходимым установить несогласимость исполнения обязанностей сотрудника с какими бы то ни было революционными выступлениями и я выражаю вторично уже в этом зале полное и безусловное обсуждение провокации в том смысле, как она определена мною выше. (*Слева смех и голос: на словах. Вы это уже три года тому назад говорили. Шум; звонок Председателя.*) Вот, гг. члены Государственной Думы, те положения, которые я признаю возможным сообщить вам, не считая, что это вызовет какие-нибудь невыгодные последствия для постановки розыскного дела. Дальнейших соображений своих о борьбе с революцией я вам излагать не могу, ибо это было бы изменой тому делу, которому я призван служить Высочайшей властью. (*Рукоплескания справа.*) Я думаю, гг., что вы в большинстве своем согласитесь со мной в этом отношении, ибо должны с этим согласиться все, кому дорог успех борьбы с революционерами, кто принимает близко к сердцу благополучие России (*голос слева: министров*), кто стремится всеми силами души, чтобы государственная и общественная жизнь скорее вступила в период широкого, но мирного, не омраченного революционными выступлениями развития, все, кто истинно любит свою родину. (*Бурные рукоплескания справа и в центре; слева рукоплескания и голоса: bravо, бис, провалился.*)

РЕЗОЛЮЦИЯ ДУМЫ

(«Формула перехода к очередным делам»)*

Формула, внесенная фракцией союза 17 октября, гласит следующее: «Выслушав объяснения г. Министра Внутренних Дел и выражая уверенность, что Правительство подвергнет ответственности по суду тех должностных лиц, виновность коих выяснится в деле об убийстве Председателя Совета Министров, и безотлагательно приступит к коренной реорганизации политической полиции с подчинением ее деятельности на местах губернаторам, градоначальникам и прокурорскому надзору,— Государственная Дума переходит к очередным делам».

ПЕРЕД ГОСУДАРСТВЕННЫМ СОВЕТОМ

Рассмотрению в 1-м департаменте Государственного совета подлежали дела о преступлениях или других противоправных действиях, в которых были замешаны лица министерского уровня. По делу руководителей Охраны, не сумевших предотвратить убийство Столыпина, перед Государственным советом предстали:

Павел Григорьевич КУРЛОВ (1860—1923) — шталмейстер Двора, генерал-лейтенант от кавалерии. В 1889—1900 прокурор губернских судебных палат. В 1907 вице-директор департамента полиции, затем начальник Главного тюремного управления. В 1907—1911 товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов. В 1914—1915 и. о. генерал-губернатора в Прибалтике. При Временном правительстве арестован, после Октября освобожден, в 1918 эмигрировал.

Александр Иванович СПИРИДОВИЧ (1873—1952) — генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. В корпусе с 1899, в 1903—1905 начальник Киевского жандармского управления. С начала 1906 начальник дворцовой охраны, с августа 1916 ялтинский градоначальник. Автор нескольких книг по истории революционных партий.

Митрофан Николаевич ВЕРИГИН (1878—1920) — статский советник, с 1906 секретарь департамента полиции, в 1911 одновременно и. о. вице-директора департамента.

Николай Николаевич КУЛЯБКО (1873—1920) — подполковник Отдельного корпуса жандармов, муж сестры генерала А. И. Спиридовича. С 1897 помощник пристава Московской полиции, в 1907—1911 начальник Киевского охранного отделения. После увольнения от должности работал в Киеве агентом по продаже швейных машин.

20 марта в 1-м деп. Гос. Совета был рассмотрен доклад сенатора М. М. Трусевича* о произведенном им расследовании обстоятельств убийства П. А. Столыпина. Изложив подробно обнаруженные им обстоятельства, сенатор приходит к следующему заключению.

Оценка распоряжений должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время киевских торжеств, приводит к заключению, что вследствие допущения Мордки Богрова в сад Купеческого собрания 31 августа и на парадный спектакль в городской театр 1 сентября 1911 года возникла чрезвычайная опасность для Его Императорского Величества и Богров получил возможность выполнить свое злодеяние в отношении покойного председателя совета министров. Описанное положение, в котором оказался Богров, создалось при участии должностных лиц, ввиду чего распоряжения их в этой области должны быть отнесены к числу нарушений, имевших весьма важные последствия.

Что касается до товарища министра вн. д., командаира корпуса жандармов, шталмейстера Высоч. двора, ген.-лейт. Курлова, исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции, в звании камер-юнкера Высочайшего двора, статского советника Веригина, и находящихся в отставке, начальника подведомственной дворцовому комитету охранной агентуры, полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича и бывшего начальника киевского охранного отделения, подполковника того же корпуса Кулябко, то, независимо от обнаруженных расследованием в отношении ген. Курлова, полковника Спиридовича и подполковника Кулябко нарушений дисциплинарного характера, названные четыре лица допустили превышение и бездействие власти, имевшие весьма важные последствия. Эти преступления выразились в том, что:

1. Генерал Курлов, статский советник Веригин, полковник Спиридович и подполковник Кулябко, в нарушение возложенных на них обязанностей по обеспечению безопасности во время киевских торжеств, а равно вопреки установленному порядку и существующим распоряжениям по департаменту полиции, допустили на происходивший 1 сентября 1911 г. в киевском городском театре в Высочайшем присутствии парадный спектакль помошника присяжного поверенного Мордку Богрова, заведомо для них политически неблагонадежного.

* Максимилиан Иванович ТРУСЕВИЧ (род. 1863) — тайный советник, сенатор, член Государственного совета. С 1885 по 1906 прокурор губернских судебных палат. С июня 1906 по март 1909 директор департамента полиции.

дежного, что создало непосредственную опасность для Священной Особы Его Императорского Величества и для Августейшей семьи, а также повлекло за собою лишение названным Богровым жизни председателя совета министров, министра внутренних дел статс-секретаря Столыпина.

II. Те же Курлов, Веригин, Спиридович и Кулябко, получив от упомянутого Богрова измышленные им сведения о прибытии в Киев революционной группы для совершения террористических посягательств, проявили бездействие власти, не войдя в тщательное обсуждение упомянутых донесений Богрова и оставив таковые без надлежащего исследования, что дало ему возможность осуществить задуманное им злодеяние.

III. Кроме того, ген. Курлов, будучи своевременно осведомлен о несоответствии подполковника Кулябко занимаемой им должности начальника киевского охранного отделения, о неудовлетворительном положении розыска в этом учреждении, а равно о недостаточности личного его состава для выполнения предстоявшей по случаю означенных торжеств работы, не только не принял мер к устранению указанных непорядков, но и возложил на подполковника Кулябко выходившие из круга его прямых обязанностей поручения по организации и заведыванию наружною охраною, причем не освободил начальника охранного отделения от исполнения таковых даже и после полученных от Богрова сведений первостепенной важности, требовавших тщательной проверки.

IV. Подполковник Кулябко, вопреки установленному порядку и изданным по департаменту полиции распоряжениям, допустил 31 августа 1911 г. упомянутого Богрова, заведомо для него, Кулябко, политически неблагонадежного, в сад купеческого собрания на торжество в высочайшем присутствии, чем создал явную опасность для Священной Особы Его Императорского Величества, так как Богров, замысливший уже террористический акт и вооруженный револьвером, находился на ближайшем расстоянии от пути шествия Его Императорского Величества.

Описанные деяния, заключающие в себе признаки преступлений, подлежащих рассмотрению в судебном порядке, вызывают необходимость в возбуждении против генерала Курлова, статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябко уголовного преследования по установленным в законе правилам.

В заседании 1 департамента Гос. Совета, происходившем под предводительством А. А. Сабурова, помимо членов департамента, участвовали министр юстиции И. Г. Щегловитов и заместитель министра внутр. дел товарищ его, д. с. с. Золотарев.*

При выяснении дальнейшего направления дела возник вопрос о том, как рассматривать деяния всех 4 упомянутых лиц. Являются ли они преступниками политическими или просто учинившими преступления по должности. Политический характер действий ген. Курлова и др. усмотрен в том, что последствием их явилось убийство с политической целью. Министр юстиции и тов. мин. вн. дел высказались в том смысле, что, как установлено расследованием, никакого предварительного уговора должностных лиц с Богровым не было, и их можно лишь обвинять в том, что своим бездействием и небрежным отношением к делу они дали ввести себя в заблуждение. Таким образом, их можно обвинять только в преступлениях по должности.

С этим 1-й деп. Гос. Совета согласился.

Затем возник вопрос, подлежат ли Курлов и др. гражданскому или военному суду?

Некоторые высказались за то, что дело подлежит ведению военного суда, потому что трое из привлеченных военные и притом бывший товарищ министра внутренних дел Курлов, благодаря которому дело в настоящее время рассматривается в 1-м деп. Гос. Совета, а не в сенате,— в генеральском чине. Но министр юстиции указал на то, что все они обвиняются в деяниях, совершенных ими при исполнении обязанностей полицейских, а не военных и что поэтому их следует судить гражданским судом. С этим также согласился 1-й деп. Гос. Совета.

* Андрей Александрович САБУРОВ (ум. 1916)— действительный тайный советник, сенатор, член Государственного Совета, в 1880—1881 министр просвещения.

Иван Григорьевич ЩЕГЛОВИТОВ (1861—1918)— действительный тайный советник, член Государственного Совета, сенатор; с 1881 по 1904 на разных должностях в Министерстве юстиции, с 1906 товарищ министра, затем, до 1915 министр юстиции, в 1917 председатель Государственного Совета. Расстрелян большевиками.

Игнатий Михайлович ЗОЛОТАРЕВ (1868—1918)— тайный советник, сенатор, в 1911—1915 товарищ министра внутренних дел.

23 апреля состоялось новое заседание 1-го деп. Гос. Совета, на котором председательствующий Н. С. Таганцев* сообщил о поступлении в департамент объяснений ген. Курлова, Кулябко, Спиридовича и Веригина, причем заявил, что все объяснения были представлены в установленный срок. Объяснения же ген. Курлова опоздали на 2 дня, по уважительным причинам, ввиду сложности работы.

Затем председательствующий сообщил, что и по существу своему, также и по обилию материала, дело представляется весьма сложным.

Помимо объяснений, из коих объяснение П. Г. Курлова очень пространно,— имеется 9 томов материалов ревизии сенатора М. И. Трусевича и обширный отчет П. Г. Курлова об израсходовании сумм, специально ассигнованных на охрану во время путешествия Высоких особ.

Ввиду этого, Н. С. Таганцев полагает, что следовало бы из среды департамента избрать одно лицо, которому и поручить детально ознакомиться с делом и составить доклад.

Согласившись с этим, 1-й департамент Гос. Совета постановил избрать для этой цели Е. Ф. Турау **, на которого и было возложено составление доклада.

Доклад был составлен, и 11 мая дело Курлова и К° было заслушано в первом департаменте Гос. Совета.

В обстоятельном и подробном докладе Е. Ф. Турау прежде всего отмечает, что мало придает значения не только объяснениям, но даже и самому докладу сенатора Трусевича.

Он больше всего придает значение тому материалу, который был в распоряжении сенатора Трусевича и представлен в 1-й департамент Гос. Совета. Устанавливать из этих материалов факт растраты — не представляется возможности, ибо на все произведенные расходы представлены расписки получавших суммы лиц. Существенным и важным представляется вопрос о самой организации охраны во время путешествия Высочайших особ и министров. С этой точки зрения дело представляется весьма серьезным и требует самого внимательного отношения. При этом вопрос не должно рассматривать

* Николай Степаинович ТАГАНЦЕВ (1843—1923) — действительный тайный советник, член Государственного Совета, сенатор, заслуженный профессор, один из главных деятелей эпохи судебных реформ Александра II. Его сын Виктор Николаевич расстрелян в августе 1921 вместе с поэтом Гумилевым и другими по так называемому «делу Таганцева».

** Евгений Федорович ТУРАУ — тайный советник, сенатор, обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Сената.

с точки зрения того, знал или не знал ген. Курлов о том, что Богров допущен в сад купеческого собрания и в театр. Курлов уверяет, что он не знал; другие показания дают основание думать, что он знал. Но центр тяжести не в том. Ведь если допустить, что Курлов не знал, то является вопрос, как же была организована охрана, если лицо, кему вверена была безопасность Высочайших особ, могло не знать, что в театре находится лицо, именуемое «сотрудником», а на самом деле — предатель. Ведь лицо, стоящее во главе охраны, должно было знать всех, кто находится в театре, где Высокие особы находились свободно. Если бы еще Богров был переодет, скажем, в военную форму. А то ведь он был в штатском, и, очевидно, он, генерал Курлов, если действительно не знал Богрова в лицо, должен был произвести проверку лиц, присутствовавших в театре.

Столь исключительное серьезное положение, как нахождение в театре Высочайших особ и министров, казалось бы, обязывало его самого следить за прибывающими, а не полагаться на своих подчиненных. Ему, а не подчиненным, было оказано доверие. А он всю свою деятельность сосредоточил на улице, где террористу гораздо труднее было бы учинить свое злодеяние, чем в театре, где он мог убить кого угодно. Как он допустил, чтобы в театре было неизвестное ему лицо, да к тому еще человек, которому никак нельзя доверять, ибо неизвестно, кого он в данную минуту предаст. В конце концов, Богров был не что иное, как доносчик, а еще великий преобразователь России говорил, что любит донос, но ненавидит доносчиков.

Еще ярче сказалась преступная небрежность в том, что, допустив Богрова в театр, к нему не приставили никакого наблюдения и он свободно разгуливал по залу, выбирая жертву и имея полную возможность остановить свой выбор на ком угодно.

Еще более преступным и решительно никакого оправдания не заслуживающим является тот факт, что, получив столь важное и серьезное сообщение от Богрова, стоявшие во главе охраны лица отнеслись к этому необычайно легкомысленно.

Предполагалось свидание нескольких террористов, и глава дела ген. Курлов, поручив своему подчиненному это как будто второстепенное дело, спокойно занялся другими делами.

Если бы к этому отнеслись внимательно, то сразу обнаружилась бы вся мистификация Богрова.

Все легкомысление Курлова и других сказывается в том, что, когда в Киеве предполагались налицо террористы, их всецело доверили предателю Богрову.

Что Богров явно мистифицировал, можно заключить по его собственным показаниям на суде. Он объяснил, что акт он выполнил под угрозой революционеров. Возможно, что он рассчитывал, что его приговорят не к смертной казни, и надеялся со временем бежать. Во всяком случае, у него не было исхода.

Самая постановка охраны в зрительном зале доказывает крайне невнимательное отношение. Правда, в зале было 95 агентов и около 100 офицеров. Но они были размещены так, что преступник имел доступ к кому угодно. Докладчик находит, что наиболее существенного вопроса о проникновении Богрова в театр не исчерпывает ни доклад сенатора Трусевича, ни объяснения всех 4 лиц.

Анализируя по материалам ход событий, докладчик доказывает, что налицо был не один только акт, характеризующий бездействие власти, а ряд деяний, подходящих под эту категорию преступлений. Систематическое бездействие началось с момента появления Богрова, до того около 2 лет не работавшего в охранном отд., бывшего, стало быть, вне поля зрения начальника охранного отделения.

Об этом периоде деятельности Богрова никаких сведений охранное отделение не имеет. И подозрительность, которая прежде всего обязательна для охранников, на сей раз, по совершенно непонятным соображениям, отпала. Богрову оказываются такое доверие, что все его шаги и рассказы принимают за аксиому. Ему всецело доверяют. Эта неуместная доверчивость доходит даже до того, что когда Богров, после столь важных сообщений, исчезает на 2 дня, это ничуть никого не тревожит.

Выделение Спиридовича и Веригина в группу невиновных, как это делает Курлов, неосновательно. Нет никакого сомнения в том, что такое серьезное дело, как готовящийся террористический акт, было предметом общего обсуждения и было бы, пожалуй, еще более преступно, если бы они не заинтересовались всеми деталями.

Многое в деле осталось невыясненным, но наличие бездействия, повлекшего весьма тяжкие последствия, неоспорима. И потому докладчик настаивает на назначении предварительного следствия.

Присутствовавшие в заседании министры юстиции и внутр. дел присоединились к докладчику. Оба они указали на совершенно непростительное бездействие. А. А. Макаров при-

бавил, что дело охраны Высоких особ в Киеве во время торжеств, да и вообще все охранное дело в Киеве поставлено было очень скверно.

Предварительное следствие, по его мнению, необходимо для выяснения не только преступности указанных лиц, но и всей постановки охраны в Киеве, которая представляется очень запутанной для него, не специалиста в этом деле.

Прения, происходившие под председательством Н. С. Таганцева, отняли немного времени, которое почти целиком (около 3 часов) ушло на доклад.

Единогласно постановлено назначить над действиями всех четырех предварительное следствие по ст. 3339 и 2-й ч. 341-й статьи.

И в июне последовало утверждение сенатора Шульгина* следователем.

В ноябре следствие было закончено, и 11 декабря дело Курлова и К⁰ снова было поставлено на обсуждение 1-го деп. Гос. Совета. Председательствовал А. А. Сабуров. Докладчиком выступил опять Е. Ф. Турау.

Докладчик заявил, что произведенное сенатором Н. З. Шульгиным следствие подтвердило большинство данных, добытых расследованием М. И. Трусевича. В общем же следствие сенатора Шульгина отличается большей определенностью и яркостью, свидетельские показания представлены в более обширном виде. Сенатору Шульгину удалось восстановить все показание Богрова, данное им в военно-окружном суде. Показание это в протокол военно-окружного суда внесено не было, и сенатору Шульгину пришлось восстанавливать его путем допроса присутствовавших в суде лиц.

Показание это излагает ход сношений Богрова с чинами охраны и обстоятельства, предшествовавшие покушению в театре, совершенно в таком виде, как это излагалось в газетах на основании доклада сенатора М. И. Трусевича.

Представленное в департамент обширное заключение обер-прокурора кассационного департамента Сената сенатора П. А. Кемпе** заканчивается следующей формулировкой обвинения: в отношении всех четырех обвиняемых следует считать установленным бездействие власти, имевшее особо

* Николай Захарович ШУЛЬГИН (род. 1855) — тайный советник, сенатор, член Верховного уголовного суда.

** Петр Альбертович КЕМПЕ — тайный советник, сенатор, обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Сената.

важные последствия, причем заявление их, что нахождение Богрова в театре не грозило опасностью Государю Императору и Его Августейшей Семье, не может быть признано правильным, ибо Богров имел полную возможность подойти во время представления к Царской ложе или даже взять с собою в театр разрывной снаряд и бросить его в Царскую ложу при совершении убийства статс-секретаря Столыпина, какового несчастья не случилось только благодаря опасению Богрова таким злодеянием вызвать среди киевского населения еврейский погром.

Исходя из этого, П. А. Кемпе, руководствуясь статьями 207, 222, 1252, 1075, 1105 и 1107 уст. угол. суд., полагает предать суду судебного присутствия уголовного кассационного департамента правительствуемого сената, с участием словесных представителей: занимавшего должность товарища министра внутренних дел до заведыванию полицией и вместе с тем командира отдельного корпуса жандармов отставного генерал-лейтенанта Курлова, начальника подведомственной дворцовому коменданту дворцовой охраны полк. Спиридовича, бывшего начальника киевского охранного отделения подполковника Кулябко и исполнявшего обязанности вице-директора департамента полиции статского советника Веригина по обвинению:

Подполковника Кулябко в том: 1) что 1 сентября 1911 г., в г. Киеве, в нарушение возложенных на него в качестве начальника киевского охранного отделения обязанностей по обнаружению государственных преступлений и обеспечению безопасности во время бывших в августе и сентябре 1911 г. киевских торжеств, а равно вопреки изданным по департаменту полиции распоряжениям и положению о выдаче входных билетов в места Высочайших посещений исключительно благонадежным лицам, зная о сношениях с преступным сообществом анархистов-коммунистов бывшего помощника присяжного поверенного, еврея Мордки Богрова, сообщившего ему, с целью получить доступ на торжества в Высочайшем присутствии, ложные сведения о готовящемся покушении на жизнь гг. министров Столыпина и Кассо, а также зная, что вечером 1 сентября 1911 г. в киевском городском театре будет присутствовать на представлении Государь Император с Августейшей Семьей, допустил названного Богрова — этого явно политически неблагонадежного и опасного человека — в партер зрительного зала названного театра, не удостоверившись об отсутствии у него оружия или взрывчатого снаряда, не учредив внутри театра охраны Царской ложи и вышеуказанных министров и оставив его, Богрова, в театре без

всякого надзора, каковое преступное бездействие власти со стороны его, Кулябко: а) создало непосредственную опасность для Священной Особы Его Императорского Величества и для Августейшей Семьи, дав Богрову полную возможность покуситься на Их жизни, причем такого злодеяния не последовало лишь благодаря боязни Богрова вызвать этим еврейский погром, и б) повлекло за собою лишение тем же Богровым жизни председателя совета министров и министра внутренних дел статс-секретаря Столыпина;

2) что он не произвел надлежащего исследования заявлений Богрова о революционном сообществе путем учреждения надзора за самим Богровым и выяснения действительного нахождения в квартире его члена названного преступного сообщества;

3) что допустил Богрова — этого явно политически неблагонадежного и опасного человека — в сад киевского купеческого собрания на торжество в Высочайшем присутствии, не удостоверившись об отсутствии у него оружия, не учредив внутри означенного сада охраны Царского шествия и оставив самого Богрова в саду без всякого надзора, каковым своим преступным действием власти создал непосредственную опасность для Священной Особы Его Императорского Величества, так как Богров, замысливший террористический акт и вооруженный револьвером, находился в ближайшем расстоянии от пути шествия Государя.

Генерал-лейтенант Курлов в том: 1) что, будучи по Высочайшему повелению от 21 мая 1911 г. в качестве товарища министра внутренних дел по заведыванию полициею командирован в Киев для сосредоточения в своих руках всей власти по обнаружению государственных преступлений и обеспечению безопасности во время киевских торжеств в Высочайшем присутствии и зная из сделанных ему начальником киевского охранного отделения Кулябко 27 и 31 августа и 1 сентября 1911 года докладов, что бывший помощник присяжного поверенного Мордка Богров находится в сношениях с преступным сообществом анархистов-коммунистов и заявил о прибытии в Киев членов этого сообщества для террористических посягательств, а также о нахождении одного из означенных злоумышленников в квартире упомянутого Богрова, он, Курлов, в нарушение возложенных на него вышеизложенных обязанностей, невзирая на явную опасность, грозившую всей Царской Семье и вышеназванным министрам, не распорядился о надлежащем исследовании вышеозначенного заявления Богрова путем учреждения надзора за самим Богровым и выяснения действительного нахождения в его квартире

члена названного преступного сообщества, каковое умышленное бездействие власти имело своим последствием несвоевременное обнаружение ложности заявления Богрова, сделанного с целью получить доступ на торжества в Высочайшем присутствии, и повлекло за собою лишение тем же Богровым жизни статс-секретаря Столыпина;

2) что не только не воспретил выдачу Богрову билетов на упомянутые торжества и допущение последнего 1 сентября 1911 года в киевский городской театр, но не распорядился даже, в случае выдачи оных, об учреждении за Богровым на торжествах бдительного надзора и выяснении отсутствия у него метательных снарядов или оружия.

Полковник Спиридович и ст. сов. Веригин в том: 1) что не доложили своему начальству о неотложной необходимости надлежащего исследования заявления Богрова путем учреждения надзора за самим Богровым и выяснения действительного нахождения в его квартире члена названного преступного сообщества, каковое умышленное с их стороны бездействие власти имело своим последствием несвоевременное обнаружение ложности заявления Богрова, сделанного с целью получить доступ на торжества в Высочайшем присутствии, и повлекло за собою лишение тем же Богровым жизни статс-секретаря Столыпина;

2) что не только не воспрепятствовали выдаче Богрову билетов на упомянутые торжества и допущению последнегого 1 сентября 1911 года в киевский городской театр и не доложили об этом своему начальству, но не распорядились даже, чтобы в случае выдачи оных был учрежден за Богровым на торжествах бдительный надзор и было выяснено отсутствие у него метательных снарядов или оружия.

Вышеописанные преступные деяния, ввиду их особенной важности, предусмотрены в отношении всех обвиняемых 339-й и 2-й ч. 341-й ст. уг. улож. о наказ.

Докладчик Е. Ф. Турау в продолжительной и обстоятельной речи поддерживал заключение обер-прокурора Кемпе о необходимости предать суду всех четырех обвиняемых. Представленные ген. Курловым объяснения в том, что Богров был допущен в театр без его, Курлова, ведома, не могут иметь смягчающего значения; даже более того, это усугубляет его вину. Богров ведь прошел, значит ген. Курлов не знал, что в театре находится неизвестное лицо. И не обратил внимания на это, несмотря на то, что Богров резко выделялся в толпе. По показаниям некоторых свидетелей, почти вся публика в театре, ввиду жаркого времени, была в светлых одеждах,

а военные в платье защитного цвета, а Богров был во фраке и пестрел черным пятном.

На Курлова была возложена обязанность охранять, и он обязан был лично удостовериться обо всех присутствовавших. В необычайно серьезных вопросах,— а дело очень серьезно, ибо в театре были Высочайшие Особы, нельзя всю вину взваливать на подчиненных. Потому и был командирован Курлов, что столь ответственное дело, как охрана Высоких Особ, нельзя было возложить на местное охранное начальство.

Докладчик не придает особого значения вопросу о том, что Богров был пропущен в театр. Важно, что Богров находился в театре, а тот, кому была поручена охрана, не знал, что в театре опасный человек. Ему поручили охрану, он и должен отвечать. Счастливый случай спас Россию от величайшего несчастья. А от этого несчастья должен был гарантировать своей бдительностью и внимательностью тот, кому вверена была самая серьезная миссия.

Вот почему докладчик находит, что не только Кулябко, но и все трое остальных подлежат преданию суду, как это предлагаетober-прок. Кемпе.

После доклада возникли чрезвычайно горячие прения, обнаружившие неожиданное течение. Правое крыло 1-го департамента во главе с П. П. Кобылинским выступило весьма решительно в защиту ген. Курлова, а также полк. Спиридовича и с. с. Веригина. По мнению правых, по отношению ген. Курлова можно признать наличие несчастья, а не бездействие. Центр тяжести именно в том, знал ли Курлов, что допущен в театр Богров. Он не в состоянии один все осуществить и должен положиться в некоторых деталях на подчиненных, заслуживающих доверия. Кулябко занимал ответственный пост, и Курлов имел все основания доверить ему известные обязанности вверенного ему огромного и сложного дела. Между тем, из обстоятельств дела вытекает заключение, что ген. Курлов не знал о допущении Богрова в театр. Утверждение противного основано на первоначальных показаниях Кулябко. Но показания Кулябко многочисленны и противоречивы. В объяснениях, данных Кулябко Госуд. Совету, когда впервые слушалось дело о назначении предварительного следствия, а также на предварительном следствии Кулябко отказался от своих первоначальных показаний и заявил, что допустил Богрова в театр без ведома Курлова, и специально просил именно эти показания считать действительными. Прокурору Чаплинскому Кулябко сначала заявил, что не может считать себя виновным в происшедшем несчастье, так как

Богров был допущен в театр с ведома генер. Курлова. Но тут же Кулябко спохватился и добавил: «да нет, виноват я, конечно, один; мне остается пустить себе пулю в лоб». На предварительном следствии по делу об убийстве П. А. Столыпина Кулябко заявил, что официального доклада о нахождении Богрова в театре он не делал и что ни Курлову, ни Веригину, ни Спиридовичу он не говорил, что Богров будет в театре, да и не мог говорить об этом, так как окончательное решение этого вопроса последовало за полчаса до начала спектакля. Сам сенатор Трусевич признает показания Кулябко сбивчивыми и противоречивыми.

Таким образом, по мнению защитников Курлова, последний не знал, что Богров-Аленский допущен в театр, и ответственным является один Кулябко. Ему Курлов имел полное основание вверить техническое выполнение розыскных мер, как лицу, занимающему среди чинов, ведающих политическим розыском, самостоятельное положение и имеющему практический опыт в розыскном деле. Кулябко тем более ответствен, что Курлов с 15 по 27 августа был болен. Первый доклад об Аленском был сделан Кулябко 27 августа. Курлов мог не придать особо серьезного значения заявлению о возможном приезде террористов, потому что при путешествии Высоких Особ всегда получаются многочисленные угрожающие сообщения, как это было не только теперь, но и в 1909 и в 1910 г. Неустановлению Курловым наблюдения за Богровым сторонники Курлова не придают значения. Во-первых, это было, по их мнению, всецело дело Кулябко, а во-вторых, суть не в наблюдении, а в допущении Богрова в театр; благодаря только этому допущению Богрову удалось совершить злодеяние. Далее, сторонники Курлова находят, что вообще нельзя одновременно винить и Курлова, и Кулябко. Если виноват последний в неисполнении известных обязанностей, то Курлов ни при чем. Если виноват Курлов, а Кулябко выполнял его указания, то нельзя обвинять Кулябко. Тут же во всем виноват Кулябко.

Курлов, а также Спиридович и Веригин виноваты разве в том, что доверяли Кулябко. Но они не могли ему не доверять как по его положению, так и по его опытности. И, во всяком случае, эта доверчивость неизбежна, тем более при обилии работы, и не является ни преступлением, ни бездействием власти. Их действия можно подвести под ст. 410 и 411, влекущие за собой удаление от службы без суда.

Равным образом виноваты — помимо Кулябко — Спиридович и Веригин. Они отговариваются формальностями, тем, что не их дело и не их миссия была ведать охраной. Когда

дело идет о таких вопросах, оно касается всех граждан, а тем более лиц, состоящих на государственной службе. Они-то ведь знали, кто такой Богров-Аленский, знали и по делам его со слов Кулябко, и в лицо, видели Богрова в театре и все же молчали. Все данные говорят за то, что со стороны всех четырех обвиняемых была преступная небрежность, бездействие, полное отсутствие сознания великой важности возложенного на них поручения. Вина их тем более тяжка и не заслуживает смягчения, что последствия могли быть самые тягостные.

При голосовании единогласие получилось лишь по вопросу о предании суду по указанным обер-прокурором Кемпе статьям подполк. Кулябко.

По отношению к ген. Курлову, Веригину и Спиридовичу — 6 членов Госуд. Совета высказались за применение ст. 410 и 411 (упущения и нерадения в отправлении должности) и устранение, согласно названным статьям, от должности без предания суду. Пять членов Гос. Совета и министр внутр. дел А. А. Макаров высказались за предание суду и этих трех по ст. 339 и 341 (преступное бездействие власти).

Так как на стороне последних был председатель 1-го департамента А. А. Сабуров, то большинство получилось за предание суду всех обвиняемых.

Меньшинство настояло на том, чтобы в журнал, который будет представлен на утверждение, было внесено и их мнение.

Формулировку обвинения, сделанную в заключение П. А. Кемпе, признано необходимым, ввиду неудачной ее редакции, могущей стеснить суд слишком детальным перечислением проступков, вменяемых в вину обвиняемым, изменить, упростив ее и придав ей самую общую форму.

С этого момента дело Курлова и К⁰ стало принимать весьма любопытный оборот. Защитники Курлова пустили в ход всю свою закулисную силу, чтобы мнение меньшинства восторжествовало. Происходила борьба. То сей, то оный набок гнулся. И газетам приходилось чуть ли не каждый день опровергать то, что было напечатано накануне. С одной стороны, сообщались точные сведения о дальнейшем формальном ходе дела: о черновых работах по составлению обвинительного акта; об авторе его, обер-прокуроре Сената Кемпе; о том, что заседания верховного уголовного суда будут происходить в Екатерининском зале и что дело будет слушаться частью при открытых дверях, частью при закрытых, тогда,

когда будут разбираться вопросы, связанные с техникой и порядком охраны высокопоставленных особ; о времени слушания дела (20-е числа февраля 1913 г.); и даже о защитнике Веригина М. Г. Казаринове. С другой стороны, утверждалось, что журнал 1-го департамента Госуд. Совета утверждения не получил, и дело в отношении всех обвиняемых, кроме Кулябко, будет прекращено или, в другой версии, что журнал, будет утвержден, но все обвиняемые, кроме Кулябко, будут помилованы, а ген. Курлов получит высокое назначение. 31 декабря газеты сообщили, что журнал будет утвержден. А 1 января 1913 г. стало известно, что из состава 1-го департамента Гос. Совета выбыли два члена левого крыла, Н. С. Таганцев и Н. Э. Шнеман, понизив таким образом количество членов департамента до 10, из которых сторонников предания всех обвиняемых суду образовалось меньшинство, а только одного Кулябко — большинство. Дело Курлова и К⁰, говорили газеты, теперь обеспечено.

6 января петербургские газеты заявили, что, вопреки ранее напечатанным сведениям, журнал 1-го деп. Гос. Совета утверждения не получил. В этот же день московские газеты опубликовали циркулировавший в кулуарах Гос. Совета слух, что дело Курлова и К⁰ получило уже окончательное разрешение: все дело прекращено без всяких последствий для ген. Курлова, полк. Спиридовича и ст. сов. Веригина; Кулябко же решено отстранить от службы.

Слух этот оправдался вполне.

ПЕРЕД ИМПЕРАТОРОМ

Эпизод, описываемый В. Н. Коковцовым на следующих страницах, имел место 14 октября 1912 г. в охотничьем угодье Спала под Варшавой, где Николай II отдыхал после торжеств, которыми в России была отмечена 100-летняя годовщина Бородинской битвы.

В. Н. КОКОВЦОВ*

Мой доклад затягивался, приближалось время к завтраку. Государь сказал мне:

«Отложите остальное до после-завтрака; погода такая скверная, что нигде нельзя выйти, а у Меня на душе есть большой камень, который Мне хочется снять теперь же. Я знаю, что Я вам причиню неприятность, но я хочу, чтобы вы Меня поняли, не осудили, а главное не думали, что Я легко соглашаюсь с вами. Я не могу поступить иначе. Я хочу ознаменовать исцеление Моего Сына каким-нибудь добрым делом и решил прекратить дело по обвинению генерала Курлова, Кулябко, Веригина и Спиридовича. В особенности Меня смущает Спиридович. Я вижу его здесь на каждом шагу, он ходит как тень около Меня, и Я не могу видеть этого удрученного горем человека, который, конечно, не хотел сделать ничего дурного и виноват только тем, что не принял всех мер предосторожности.

Не сердитесь на Меня, Мне очень больно, если Я огорчаю вас, но Я так счастлив, что Мой Сын спасен, что Мне кажется, что все должны радоваться кругом Меня, и Я должен сделать как можно больше добра».

Для того, чтобы это обращение Государя ко мне и мой ответ Ему были понятны, я должен напомнить, чем было вызвано обращение Государя ко мне.

После смерти Столыпина от пули Богрова назначено было следствие через сенатора Трусевича, о чем я писал уже в своем месте; оно установило с очевидностью виновную небрежность, допущенную четырьмя лицами: Товарищем Министра Внутренних Дел Курловым, Начальником Киевского Охранного Отделения Кулябко, Вице-Директором Департамента Полиции Веригиным и, состоявшим при Курлове, подполковником Спиридовичем. Совет Министров решил предать всех их суду.

Против этого не возражал и Министр Внутренних Дел Макаров. Покойный Министр Юстиции Щегловитов был одним из ревностных поборников необходимости привлечения их к суду.

Первый департамент Государственного Совета потребовал от них объяснений и, находя их совершенно неудовлетворительными, постановил испросить Высочайшее разрешение на

* Граф В. Н. Коковцов «Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг.», в двух томах, Париж, 1933 т. II, стр. 116—118.

О В.Н.Коковцове см. примеч. на стр. 54.

предание их Верховному Уголовному Суду после рассмотрения дела в I-м Департаменте Правительствующего Сената и назначения им предварительного следствия.

Решение Государя по этому делу ожидалось мною уже более месяца, и меня крайне озабочивало, почему так медлит Государь с утверждением постановления (мемории) Государственного Совета, тогда как и я и Министры Внутренних Дел и Юстиции неоднократно докладывали Ему это дело, и Государь прекрасно усвоил себе, казалось, ту мысль, что предание суду не предрешит окончательного решения дела. Оно требует еще производства нового следствия через Сенат, Верховный Суд мог прийти к совершенно другому выводу, и его решение, во всяком случае, должно было идти на утверждение Государя.

Говоря со мною, Государь, видимо, волновался и смотрел мне прямо в глаза, ожидая моего ответа. Я хорошо помню первые, сказанные мною слова.

«По Вашим словам,— начал я,— я вижу, Государь, что Вы приняли уже окончательное решение и, вероятно, привели его уже в исполнение». Государь подтвердил это наклонением головы. «Мои возражения будут поэтому совершенно бесцельны и только огорчат Вас в такую минуту, которой я не хотел бы ничем омрачить. Но я должен высказать Вам то, что лежит у меня на душе, и не с тем, чтобы склонить Вас переменить Ваше решение, а только для того, чтобы вы не имели повода упрекнуть меня в том, что я не предостерег Вас от вредных последствий Вашего великодушного шага. Ваше Величество, знаете, как возмущена была вся Россия убийством Столыпина и не только потому, что убит Ваш верный слуга, но еще более потому, что с такою же легкостью могло совершиться гораздо большее несчастье. Всем было ясно до очевидности, что при той преступной небрежности, которая проявилась в этом деле, Богров имел возможность направить свой браунинг на Вас и совершив свое злое дело с такою же легкостью, с какою он убил Столыпина. Все, что есть верного и преданного Вам в России, никогда не помирится с безнаказанностью виновников этого преступления, и всякий будет недоумевать, почему остаются без преследования те, кто не оберегал Государя, когда каждый день привлекаются к ответственности неизмеримо менее виноватые, незаметные агенты правительственной власти, нарушившие свой служебный долг. Ваших великодушных побуждений никто не поймет, и всякий станет искать разрешения своих недоумений во влиянии окружающих Вас людей и увидит в этом, во всяком случае, несправедливость.

И это тем хуже, что Вашим решением Вы закрываете самую возможность пролить полный свет на это темное дело, что могло дать только окончательное следствие, назначенное Сенатом, и Бог знает, не раскрыло ли бы оно нечто большее, нежели преступную небрежность, по крайней мере, со стороны генерала Курлова.

Если бы Ваше Величество не закрыли теперь этого дела, то в Вашем распоряжении всегда была бы возможность помиловать этих людей в случае осуждения их. Теперь же дело просто прекращается, и никто не знает и не узнает истины. Будь я на месте этих господ и подскажи мне моя совесть, что я не виновен в смерти Столыпина и не несу тяжкого укора за то, что не оберег и моего Государя, я просто умолял бы Вас предоставить дело своему законному ходу и ждал бы затем Вашей милости уже после суда, а не перед следствием».

Государь внимательно выслушал меня и сказал мне:

«Вы совершенно правы. Мне не следовало поступать так, но теперь уже поздно. Я сказал Спиридовичу, что Я прекратил дело и вернул меморию Государственному Секретарю. Относительно Курлова Я уверен, что он, как честный человек, сам подаст в отставку, и Я прошу вас передать Мои слова Министру Внутренних Дел. Вас же прошу, Владимир Николаевич, объяснить в Совете Министров, чем Я руководствовался, и не судить Меня. Повторяю — вы совершенно правы, и Мне не следовало поддаваться Моему чувству».

ПЕРЕД ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

(ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ*)

* Чрезвычайная Следственная Комиссия для расследования противозаконных по должностям действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств была учреждена Временным правительством 5(18) марта 1917 под председательством московского присяжного поверенного Н. К. Муравьева и действовала до Октябрьской революции. Ее задачей было собрать обвинительный материал для проведения беспрецедентного в истории судебного процесса (за три десятилетия до Нюрнбергского) над руководителями свергнутого режима. В том, что Россия при царе управлялась преступниками, врагами, собственного народа и даже прямыми немецкими агентами — Временное правительство не сомневалось. Об этом давно говорил, по словам Миллюкова, «инстинктивный голос всей страны».

Но начались допросы, и ко всеобщему разочарованию перед комиссией предстали малозначительные, средней руки чиновники, которым, в общем, если и было что инкриминировать на суде, то лишь явное несоответствие своему служебному положению. В газетах стали появляться заголовки: «Гора родила мыши». К середине лета в стране окончательно иссяк интерес к работам комиссии. Вопрос о немецких агентах встал тогда в новой и более актуальной плоскости: произошло июльское восстание большевиков — репетиция Октябрьской революции. Материалы, собранные комиссией, частично опубликованы в книге: «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства». Редакция П. Е. Щеголева, тт. I — VII, М — Л, 1924—1927.

ДОПРОС А.И.СПИРИДОВИЧА*

28 апреля 1917 года

Председатель.— Скажите вот что: когда в Киеве был убит Столыпин, вы были там?

Спиридович.— Да.

Председатель.— По должности вашей начальника охраны особы бывшего императора. Вы служили раньше в Киеве. Вы знали тогдашнего начальника киевского охранного отделения, одного из ваших преемников по должности, Кулябко?

Спиридович.— Кулябко женат на моей сестре. Мы с ^{ним} вместе учились.

Председатель.— Он жив, Кулябко?

Спиридович.— Он в полку, на фронте. Всю войну в полку.

Председатель.— Как его зовут?

Спиридович.— Николай Николаевич.

Председатель.— Скажите в общих чертах, какие совещания вы имели с Кулябко и Курловым по охране тогдашнего царя, и какое, в частности, вы имели отношение к Богрову и к выстрелу Богрова в этой истории, окончившейся смертью Столыпина?

Спиридович.— Относительно охраны императора я делал всё то, что нужно было согласно инструкции.

Председатель.— Но сосредоточим ваше внимание на Богрове, на ваших совещаниях с Курловым и Кулябко, касающихся Богрова, и на всем том, что происходило в театре. Скажите в общих словах, что вам Богров сообщил?

Спиридович.— Это все было мною ¹подробно указано на следствии. Разрешите предупредить, что я не могу все помнить и теперь могу спутать. Позвольте еще раз напомнить, что я был там начальником охраны, а не начальником розыска. Все мои обязанности относились к принятию мер по охране, к распределению нарядов охраны, к допуску в места посещения посторонней публики,— вот ²в чем состояли мои обязанности. Распределение мест в театре, билетов в театр — это меня не касалось, это лежало, с одной стороны, на местных органах, а затем был создан особый орган — бюро по выдаче билетов. Это бюро и вело дело.

* «Падение царского режима», т. III, стр. 38—44.

Об А.И.Спиридовиче см. на стр. 237

Председатель.— Сообщите, пожалуйста, при каких условиях вы совершали эти поездки? Царь, например, едет в Киев — вы едете с целым отрядом?

Спиридович.— На этот счет существует целая печатная инструкция.

Председатель.— Где она может находиться?

Спиридович.— В департаменте полиции, должно быть.

Председатель.— В каком отделе,— не помните?

Спиридович.— В особом отделе, должно быть.

Председатель (обращаясь к секретарю).— Нужно будет ее затребовать.

Спиридович.— Инструкция по охране государя императора при выезде из мест государственной резиденции.

Председатель.— А сколько человек бывало у вас в таких отрядах? Это — в зависимости от поездок?

Спиридович.— Да.

Председатель.— А сколько по вашей должности было филеров, которые следят?

Спиридович.— Извините, это не филеры. Это в наших разговорах очень различается. Филер это есть агент наружного наблюдения.

Председатель.— А у вас как они называются?

Спиридович.— Это называется охранник, агент-охранник или младший стражник, младший чин. Я так их называл. А филеры, это — специально агенты охранного отделения.

Председатель.— Сколько у вас таких агентов было?

Спиридович.— У меня их было 250 человек.

Председатель.— Это при выезде в Киев?

Спиридович.— Они и выезжали. Они прибывали из специальной команды. В Петербурге была специальная команда для охраны министров и лиц, которых нужно было охранять; вот оттуда и давали, когда было мало. Такой отряд был у меня. Он был сформирован, разбит на десятки, десятки соединены в команды, над командами были поставлены офицеры. Была принята чисто военная организация.

Председатель.— Жандармские офицеры?

Спиридович.— Так точно.

Председатель.— Каково было число командовавших офицеров?

Спиридович.— Это стояло в зависимости от того, в какую местность их приходилось командировать; а также в зависимости от того, сколько человек было в наличии и чего требовала топография.

Председатель.— Оставим теперь внешнюю часть, она определилась. Коснемся внутренней — ваших свиданий с Кулябко и с Богровым.

Спиридович.— За несколько дней я обедал у Кулябко. Обедало несколько человек. Во время обеда Кулябко говорит: «Зайди в кабинет, выслушай, там у меня один молодой человек». Кончился обед, я пошел с Кулябко в кабинет, молодой человек был мне представлен. Кто он, я не знал, я его видел тогда впервые. И вот этот молодой человек, насколько помню, стал рассказывать при мне Кулябко о заговоре нескольких лиц; указал на партию социал-революционеров, сказал, что партия замышляет убийство Столыпина. О государе ни одного слова не было сказано. Это продолжалось несколько минут. Кулябко предлагал вопросы, а я не помню, предложил я ему вопрос или нет. Еще Веригин пришел, кажется...

Председатель.— Веригин жив или нет?

Спиридович.— Жив. Он был тогда чиновником департамента полиции. Когда я ушел оттуда, выслушавши это, я предложил ему несколько вопросов, и потом на этом разговоре сенатором Трусевичем было построено целое обвинение меня в допуске Богрова в театр.

Председатель.— Зачем Кулябко позвал вас в кабинет?

Спиридович.— Может быть, он волновался.

Председатель.— Отчего же он волновался?

Спиридович.— Может быть оттого, что это было за несколько дней до приезда государя и самих торжеств. Я не знаю, зачем он меня позвал.

Председатель.— Вы обсудили с Кулябко заявление молодого человека?

Спиридович.— При Богрове я с ним ничего не говорил.

Председатель.— Но вы обсудили с ним эти вопросы?

Спиридович.— Тут ничего не было.

Председатель.— Вы подчеркиваете — тут, но мне важно знать не где это было, а что было.

Спиридович.— Потом, должно быть, были и обсуждения, не помню. Богров должен был, несколько времени спустя, еще нечто сообщить. Кто-то должен был, по его рассказам, приехать, он должен был сообщить, в какой дом приедут. Вопрос об установлении наблюдения меня не интересовал.

Председатель.— Понятно, что Кулябко волнуется: он начальник охраны, приезжает царь, приезжают министры, а молодой человек говорит ему, что есть предположение убить министра. Он естественно волнуется и приглашает вас, своего родственника; при Богрове вы ничего, конечно, не говорите,

только слушаете рассказ. Но когда он ушел? Ведь то, что вы сейчас сказали — это нежизненно. Жизнь не допустила бы такого спокойного отношения к делу.

Спиридович.— Да, но Богров говорил о том, что будет.

Председатель.— Я так и понял и, вероятно, каждый понял бы, что ваш родственник и начальник охраны позвал вас, чтобы посоветоваться с вами.

Спиридович.— Потом, вероятно, это и было. Но я хочу остановиться на одном разговоре с Богровым.

Председатель.— Что говорил вам о Богрове Кулябко до того, как позвал вас в кабинет?

Спиридович.— Помню, Кулябко говорил мне, что этому человеку можно верить, потому что он с ним давно работает и вполне ему доверяет.

Председатель.— Богров был осведомителем по какой части?

Спиридович.— По партии социал-революционеров. Но помню, он говорил, что с ним можно вполне спокойно работать. Это была аттестация Кулябко...

Председатель.— Вы говорите, что это было за сутки до театрального представления?

Спиридович.— Может быть. Я не помню, когда это было, но, во всяком случае, до приезда государя.

Председатель.— Вы говорите, что вы никакого участия в выработке плана,— как быть с этим, не принимали?

Спиридович.— Не помню. Разговоры безусловно были, потому что тут был товарищ министра внутренних дел Курлов с чинами департамента полиции.

Председатель.— Очевидно, был разговор с Курловым и с Веригиным по этому поводу?

Спиридович.— Веригин был чин департамента полиции.

Председатель.— Кто еще приезжал из чинов департамента полиции?

Спиридович.— Был Веригин, Сенько-Поповский.

Председатель.— Этим ваше участие и ограничилось? Потом вы были в театре и присутствовали при том, как Богров стрелял?

Спиридович.— Нет, виноват. Подходит день посещения государем театра. В 6 часов утра я выехал на маневры с бывшим государем верст за 50 и вернулся часа в два. Когда я прошел в общую столовую, то услышал там, что организация, о которой предупредил Богров, приехала. Виноват, это было известно нам, кажется, еще утром.

Председатель.— Утром в день спектакля?

Спиридович.— В день маневров. Я взволновался тем, что организация приехала, и уже наметил себе некоторый план

в смысле переброски наряда. Когда я уезжал с маневров, я условился с дворцовым комендантом Дедюлиным, где я буду стоять при въезде в город и какой подам сигнал — куда государю ехать. Все это есть в показании на следствии. Стоя в Святошах, я должен был в зависимости от того, что я узнаю, махнуть таким образом, и шофер должен был узнать, куда ехать. Цель была та, чтобы не везти государя императора по обставленным нарядами улицам.

Председатель. — Почему?

Спиридович. — Потому что, раз мы верили начальнику розыска в том, что прибыла террористическая организация, у меня не могло быть уверенности, что она будет оперировать именно против Столыпина, и я не мог подвергнуть этому риску государя.

Председатель. — Значит, вы допускали возможность, что эта организация будет действовать против бывшего императора?

Спиридович. — На это есть документы. Я говорился с дворцовым комендантом, что я ему махну. Когда я вернулся и застал Курлова, я настоял на том, чтобы Курлов на бумаге сообщил дворцовому коменданту, что та организация, о которой он предупреждал дворцового коменданта, уже прибыла и хотя, по сведениям киевского охранного отделения, она наметила в качестве объекта своих действий министра, но можно опасаться выступлений ее и против государя. Вот смысл той бумаги, которая была послана коменданту.

Председатель. — Зачем нужно было писать такую бумагу?

Спиридович. — Чтобы дать почувствовать дворцовому коменданту, что они должны встрепенуться.

Председатель. — Зачем же бумага? Для этого достаточно было устного осведомления.

Спиридович. — Слишком верили серьезности этого. Во всяком случае, это было сделано.

Председатель. — Вы хотели освободить себя от ответственности?

Спиридович. — Ответственность ни с кого этим не снималась.

Председатель. — Что же предпринималось, ввиду серьезности положения, чтобы арестовать эту организацию?

Спиридович. — Этого я не знаю, потому что я все время был в разъездах, делом розыска и наблюдением за этой организацией я совершенно не мог интересоваться.

Председатель. — Но нельзя же допустить, чтобы вы этим не интересовались.

Спиридович.— Я очень интересовался, но не мог входить в это.

Председатель.— Но если вы этим интересовались, то что же вы сделали для расследования на предмет ваших распоряжений? Вы говорите, что направили царя по какой-то другой улице,— стало быть, ваши собственные распоряжения стояли в зависимости от того, что вам удавалось узнать об этой организации.

Спиридович.— Не помню, видел ли я Кулябко. Может быть, когда я приехал с маневров, с ипподрома, Кулябко сказал, что допустить проезд государя можно.

Председатель.— Вы участвовали в составлении упомянутой бумаги или Кулябко ее писал?

Спиридович.— Писал не Кулябко, писали ее я и Курлов. Кулябко тут не было.

Председатель.— Все-таки на основной вопрос вы не ответили. Положение вещей было такое: утром приехала организация, вы заведуете охраной царя, вы придавали этому серьезное значение, допуская, что объект замышляемого покушения, Столыпин, может быть заменен другим объектом — царем. Что же вы сделали, чтобы узнать, арестована эта организация или нет?

Спиридович.— Очевидно, я спрашивал Кулябко и, должно быть, он ответил мне, что этой организации в действительности нет. Возможно было, что эта организация существует только в мыслях Богрова. Он говорил, что организация приехала, что все они сидят у него в комнате и их нельзя взять; кто-то придет вечером и будет что-то передавать.

Председатель.— Но когда вам рассказывали, что приехала организация, что она сидит в комнате Богрова, не выходит и потому ее нельзя взять,— как вам, опытному лицу охраны, не показалось это бабыми сказками? Ведь вы отлично знаете, что в тысячах случаев организацию брали в той комнате, где она сидит, что если организация не выходит на улицу, то это отнюдь не является в глазах охраны препятствием к тому, чтобы ее арестовать, потому что на улице как раз она может разбежаться, а тут ее можно захватить наверняка.

Спиридович.— Извините, тогда я не мог судить обо всем этом. Я физически находился на улице, я делал свое дело и не мог . . .

Председатель.— Кроме физического дела, у вас было умственное, которое заключалось в том, чтобы исполнить вашу непосредственную задачу — охранять кого нужно в Киеве. Вы получили сведения, что эта организация приехала, как же вы не осведомились, арестована эта организация или нет?

Спиридович.— Моя работа заключалась в физической охране государя на улице при участии товарища министра внутренних дел и начальника охранного отделения с чиновниками.

Председатель.— Охрана царя от возможностей покушения на него — это дело физической охраны или какой-нибудь другой?

Спиридович.— Вся эта работа разделяется на два вида. Одной работой ведает охранное отделение, и я ею не ведал. Я теперь не помню, о чем говорил с Кулябко, но, во всяком случае, у меня не было времени вникать в это.

Председатель.— Председателей совета министров России убивали не каждый день. Это был все-таки исключительный случай. Вы стояли очень близко к этому делу. Вы, вероятно, очень волновались за участь вашего родственника Кулябко и за вашу собственную. Как же все обстоятельства этого дела не врезались в вашу память? Вы должны ясно помнить, как Богров в нескольких шагах от бывшего императора убил Столыпина, причем мог убить царя.

Спиридович.— Я еще не дошел до этого, я могу вам описать весь день подробно.

Председатель.— Но вы помните только одно, что вы написали бумагу Дедюлину.

Спиридович.— Потому что утром все делалось без меня. Я потом из разговоров узнал. Утро для них всех было интересное. С семи часов утра до двух у них было свидание с Богровым, вырабатывался план¹ действий. Все это делалось без меня.

Председатель.— У кого было свидание с Богровым?

Спиридович.— Все это есть во всеподданнейшем докладе. Но все это было без меня, потому что я в 7 часов уехал, вернулся с маневров в 2—3 и, что произошло за это время, я не знаю.

Председатель.— Но что вы делали с двух часов дня? Вы приехали, сошлись с Курловым и написали бумагу Дедюлину.

Спиридович.— И моментально уехал на ипподром, куда должен был приехать государь. Кажется, это был ипподром. Потом поехали в киевскую лавру, куда были направлены и мои наряды. Я метался, у меня не хватало внимания ни на что другое. Может быть, это было ошибочно, но я был слишком спокоен за Кулябко.

ДОПРОС М. И. ТРУСЕВИЧА*

4 мая 1917 года

Председатель.— Скажите пожалуйста, вы производили расследование по поводу действий Курлова? Мы не будем касаться того, что выражено в вашем докладе. Нам бы хотелось спросить вас изустно, в нескольких словах, как вы, ревизовавший дело об убийстве Столыпина, относились к участию в этом деле Спиридовича, Кулябко и самого Курлова?

Трусевич.— Я не знаю, у вас был всеподданнейший доклад или черновик?

Секретарь.— Все производство.

Трусевич.— Мне задача была поставлена весьма узкая. В конце концов, это было производство расследования по поводу убийства Столыпина, организации охраны его величества и высших должностных лиц в Киеве. Для меня, конечно, это было самое тяжелое дело, какое только выпадало на мою долю, потому что это был, можно сказать, вихрь предположений. Высказывались и крайне предположения — о злоумышлении убийства Столыпина ген. Курловым; другие говорили, что абсолютно ничего нет, что это просто промашка Кулябко. В этих пределах надо было найти ту точку, которая отвечала действительности. Было давление со всех сторон, но я считаю, что мы провели это дело довольно удачно. Ни в одну из крайностей не впали, а выяснили хорошую середину, которая дала основание для предания Курлова и его помощника суду за бездействие и превышение власти. Два обвинения было. Надо сказать, что обвинение было поставлено в государственном совете совершенно в соответствии с моим всеподданнейшим докладом. Хотя потом было произведено предварительное следствие сен. Кузьминым, но я старался вести расследование настолько объективно, а это не особенно часто бывает, что административное расследование вылилось в то самое обвинение, которое было в постановлении государственного совета. Я тогда лечился. Меня вызвали, не спрашивая моего согласия, как сенатора. Я явился и выяснил вопрос относительно того, какова моя задача, затем сразу обратился в департамент полиции и взял там дело. При этом оказалось, что департамент полиции был устранен от участия в этом

* «Падение царского режима», т. III, стр. 230—232.
О М.И.Трусевиче см. примеч. на стр.238.

киевском деле. Затем я отправился в Киев. Курлов и Веригин находились в Петербурге, Кулябко был в Киеве, а Спиридович в Ливадии, и мне приходилось разбрасываться. В Киеве я явился в охранное отделение и отобрал все документы. Затем приступил к допросу Кулябко. Кулябко давал крайне сбивчивые показания, и все вертелось на вопросе, был ли осведомлен Курлов о том, что агент Богров был допущен в театр. Я установил, что он еще два раза был в толпе, в которой находился Столыпин. Кулябко после упорных, с его стороны, запирательств все-таки признал это. Я боялся, главным образом, что Кулябко свалит вину на Курлова и прикроется его приказанием. Поэтому надо было вести дело чрезвычайно осторожно. В моем протоколе, я думаю, заметно, что в конце концов я вывел его на эту дорожку, мне стало ясно, что Курлов был осведомлен об этом. По отношению к Кулябко была обнаружена растрата с подлогом. Это дело было выделено и направлено, и он был осужден. Затем, относительно Курлова, было установлено, что Курлов был осведомлен о том, что агент был допущен в театр. Дело было поставлено чрезвычайно неудачно, проверки не было никакой. Я сам установил целый ряд фактов, которыми можно было проверить все заявления этого Богрова. Припоминаю, что там какой-то Николай у него на квартире сидел. Оказывается, там была прислуга, к которой один из филеров ходил в гости, и самое пребывание этого Николая в квартире можно было проверить 20 раз. И было бы обнаружено, что это была сплошная ложь со стороны Богрова. Это я поставил в вину Кулябко.

Председатель.— Вы не ставили своей задачей установить, не был ли Курлов прикосновенен к самому факту убийства Столыпина?

Трусевич.— В каком смысле прикосновенен?

Председатель.— В том, чтобы он принимал некоторое участие?

Трусевич.— Т. е., что это было организованное убийство? Я начал с этого. На этом вопросе пришлось остановиться, потому что в публике, в особенности в кругах близких к Столыпину, высказывалось это; но я должен сказать, что если бы даже подобного рода мысль и явилась, то она была бы выполнена как-нибудь иначе, а не так, как это было в данном случае, потому что привлечь к участию целый ряд людей,— это было бы совершенно...

Председатель.— Кого вы имеете в виду?

Трусевич.— Веригина, Спиридовича и Кулябко.

Председатель.— Могли быть свои люди.

Трусевич.— Я говорю, что если бы человек вел дело на умышленное убийство Столыпина, то они с Веригиным сделали бы как-нибудь иначе. Мне это представляется совершенно немыслимым. Затем я скажу одно: мотив какой-нибудь должен быть; занять место Столыпина — единственный мог быть мотив, потому что существовали ли какие-нибудь разницы в их программе, я, по правде сказать, не знаю.

Председатель.— У вас не было указаний на то, что Столыпин был неприятен Распутину?

Трусевич.— Нет. Я тогда о Распутине ничего не слыхал. Это было в 1911 году,— я тогда занимался географическим исследованием Кавказа, от этих сфер стоял далеко, и был ли тогда Распутин или нет, не знаю. Может быть, я что-нибудь и слыхал о каком-нибудь старце, но чтобы Распутин уже в то время влиял на государственное управление,— я сомневаюсь. Я останавливаюсь на этом вопросе, так как умышленное убийство было бы бесцельно, потому что устранять Столыпина как политического противника у Курлова не было оснований; значит, единственный мотив мог быть карьеристический. Но ведь этим убийством он губил себя, потому что, раз он охранял и при нем совершилось убийство, шансы на то, чтобы занять пост министра внутренних дел, падали,— он самую почву у себя из-под ног выбивал этим и выбил...

Председатель.— На этом мы сегодня и кончим.

Трусевич.— Когда будет продолжение?

Председатель.— Я думаю, через несколько дней, когда мы прочтем запись ваших объяснений.

ДОПРОС П. Г. КУРЛОВА*

6 мая 1917 года

Председатель.— В 1911 году вы были в Киеве и, значит, при вас произошло убийство Столыпина?

Курлов.— Да.

Председатель.— Вы приехали туда за тем, чтобы принять меры к охране особы тогдашнего императора и высших должностных лиц от возможных террористических покушений: вы вошли, по этому поводу, в сношения как с начальником местной охраны Кулябко, так и с начальником дворцовой охраны — Спиридовичем?

Курлов.— Да.

Председатель.— Вам было известно указание Богрова, что предполагалось террористическое покушение и что агенты революционной организации приехали для совершения этого преступления в Киев?

Курлов.— Совершенно верно.

Председатель.— Причем вы знали, что Богров есть секретный сотрудник Кулябко?

Курлов.— Это последнее не совсем верно — бывший сотрудник...

Председатель.— Бывший, но в тот момент, в момент вашего приезда, вновь что-то Кулябко донесший?

Курлов.— Сделавший ему какое-то заявление: он, так сказать, сделал ему новое заявление, но сотрудником не был...

Председатель.— Значит, как вы говорите, вошедший с ним вновь в сношения, после перерыва, и сделавший ему заявление? Это верно?

Курлов.— Верно.

Председатель.— Вы знали, что Богров будет на представлении в театре?

Курлов.— Безусловно, не знал.

Председатель.— Вы когда узнали, что готовится террористическое покушение и что Богров сделал о том заявление? Изложите это, пожалуйста, вкратце — в дополнение к тому, что у нас имеется в нашем распоряжении по этому вопросу.

Курлов.— Позвольте: только немножко, так — вкратце — нельзя сказать... Я приехал в Киев 14 августа, и в ту же

* «Падение царского режима», т. III, стр. 190—198.

О П.Г.Курлове см. на стр. 237.

ночь со мной случился удар, так что я не выходил, но принимал и руководил всем из моей квартиры, из гостиницы. Причем я должен сказать, что на меня, по высочайшему повелению, которое имеется, было возложено высшее наблюдение за охраной, а не непосредственное руководство розыском. Дело в том, что мне подробнейшим образом докладывали о всех обстоятельствах, которые, так сказать, могли нарушить мирное течение всех торжеств. За несколько дней — дня за четыре или пять (теперь трудно припомнить) — ко мне является полковник Кулябко и заявляет мне, что к нему явился его бывший сотрудник (буквальное выражение), который сказал ему, что готовятся террористические акты, может быть, даже и центральный, но, во всяком случае, на высших должностных лиц...

Председатель. — «Центральный»? Т. е. вы имеете в виду покушение на царя?

Курлов. — Да. И что они имеют приехать для того, чтобы его, этот акт, так сказать, осуществить. И этот Богров должен был им оказать услугу двойную. Я, может быть, ошибаюсь, но мною было, в свое время, сенатору Шульгину сделано заявление. Следствие вел сенатор Шульгин. В моем показании сенатору Шульгину это все подробно изложено. Богров должен был им, приезжим, предоставить квартиру и нанять им моторный катер, так как они, по каким-то соображениям, мне не известным (Кулябко мне не докладывал, ему, очевидно, не говорил Богров), предполагали ехать рекой.

Председатель. — Т. е. все это — лишь утверждали Богров или Кулябко, потому что действительность потом обнаружила, что этого не было?

Курлов. — Да. Так как катер должен был приехать в Кременчуг, то я распорядился послать отряд для наблюдения из Кременчуга, безусловно запретив въезд всяким катерам, а квартиру чтобы предоставили у жены или вдовы одного из бывших жандармских унтер-офицеров... Вот это был, так сказать, момент первый, который в себе ничего особенно тревожного не заключал. Но в тот день, когда Петр Аркадьевич приехал в город, я ему подробно доложил все эти сведения. Затем это дело заглохло, и новые сведения поступили только в день покушения.

Председатель. — Но как же такой вопрос мог заглохнуть? Вы приехали туда для охраны, за пять дней вам говорят, что приезжает террористическая организация, имеющая целью покушение, и вы говорите, что этот вопрос заглох. Как он мог заглохнуть?

Курлов.— Новых сведений не поступало. Был назначен отряд для наблюдения за Кременчугом: там никто не выезжал и катера не нанимал. Богров никаких сведений не давал. Так что в этом смысле я понимаю «заглох».

Председатель.— Теперь ясно. Дальше.

Курлов.— Так что новых сведений не поступало. Мне теперь очень мудрено припомнить некоторые обстоятельства и подробности. Потому что тут еще произошло побочное обстоятельство. Кажется, дня за два до этого был арестован... не помню фамилии: он застрелился, и сначала думали, не находится ли это в связи, но потом, безусловно, было установлено, что это в связи не находится. Затем, в день покушения, утром, мне было доложено, что эта группа явилась в Киев не из Кременчуга, и что одно лицо находится на квартире у Богрова, и что, кажется, в 12 или в час, должны прийти другие лица и таким образом, так сказать, организовать покушение. На кого? Это еще не было определено. В 12 час. у меня был второй доклад: что не явились эти лица и что свидание лиц, приехавших, должно состояться на Бибиковском бульваре, если не ошибаюсь,— вечером,— т. е. перед самым театром. Все меры, которые полагаются в таком случае, т. е. наблюдение, были приняты — за квартирой Богрова. Я приказал поставить наблюдение: на самый серьезный пост — начальника наружного наблюдения и принял некоторые меры, так сказать, полицейского характера, т. е. мы не знали, с чем мы имеем дело (это было не выяснено), а день был боевой: государь уехал утром на маневры, должен был вернуться в час дня, затем поехать на ипподром, где был смотр потешным, и хотел уже поехать в театр... Я доложил Петру Аркадьевичу подробно то, что мне доложил Кулябко. В час дня я сел в мотор и поехал по управлению царским поездом и, затем, увидел, что большая толпа собралась в виду выстроенного наряда. Тогда я принял, может быть, очень резкую меру, которая мне иногда удавалась: я останавливался почти на каждом углу и говорил полицейским офицерам, бывшим в наряде, что, вероятно, государь не приедет, что он задержится до вечера и что поэтому наряд снять. Наряд сняли, и тогда разошлась толпа. Я встретился с государем за городом и, как мне говорил командующий, он был очень удивлен, что проехал по пустой улице, где не было даже полицейского наряда — ни толпы, ничего. Засим, я предполагал отстаивать и отстаивал для проезда государя на ипподром закрытый экипаж, но он желал непременно поехать и поехал в открытой коляске, по тому пути, который был намечен раньше.

Председатель.— Вы, может быть, сократите немного эту часть и перейдете к другому моменту, который нас более интересует?

Курлов.— Т. е. театр?

Председатель.— Пока еще не театр, а вот вы начали говорить, что приняли доклад по поводу террористической организации в 12 час.,— а затем что вы делали?

Курлов.— Затем я уехал встречать государя.

Председатель.— А далее?

Курлов.— Затем я поехал с государем ко дворцу, поехал на ипподром . . .

Председатель.— А эту организацию вы потеряли из виду?

Курлов.— Как потерял?

Председатель.— Докладов вам не делали?

Курлов.— Дальше доклада не было, кроме сведений о Бибиковском бульваре.

Председатель.— Вы знали, что Богров член революционной партии?

Курлов.— Нет, я знал, безусловно, что он уже не член . . .

Председатель.— Кто же вам сказал, что он уже не член?

Курлов.— Подполковник Кулябко.

Председатель.— Скажите, отчего вы, получив сведения о том, что один из приехавших революционеров у Богрова, не сделали распоряжения об его аресте?

Курлов.— По той причине, что мне нужна была вся группа, так или иначе, как мы знаем из практики, такие преждевременные аресты влекут . . .

Председатель.— Так что некоторое время этот человек должен оставаться на свободе?

Курлов.— Он должен был оставаться на свободе до 7 часов вечера.

Председатель.— Вы сделали какое-нибудь распоряжение, чтобы эта группа была арестована в 7 часов?

Курлов.— Безусловно, сделал.

Председатель.— Кому?

Курлов.— Подполковнику Кулябко.

Председатель.— Как мирился ваше утверждение о том, что вы знали, что он не состоит членом организации, с полученными вами сведениями о том, что, во-первых, этот человек предупрежден об этом, а во-вторых, что члены революционной организации должны у него остановиться и он их должен встретить? Как вы знаете по 102-й статье, этого рода сношения и такого рода действия, как принятие к себе этих революционеров, составляют признак принадлежности к преступной организации, к преступному сообществу?

Курлов.— Вы хотите, чтобы я сказал...

Председатель.— Вы, на мой вопрос, сказали, что он не состоит членом организации, между тем все факты, о которых вас предупреждали, они такого рода, что говорят о его принадлежности к этой организации: ибо если бы он был членом, эти факты не имели бы места.

Курлов.— Он был членом организации, затем вышел — так, по крайней мере, мне было доложено...

Председатель.— Но и в тот момент, когда вам докладывали, он, по-видимому, вступил в нее?

Курлов.— Юридически — вступил, несомненно.

Председатель.— И этот, юридически вступивший в организацию, член сообщества был отправлен в театр?

Курлов.— Никогда не был отправлен в театр. По крайней мере, я его в театр не отправлял. Никогда этого не разрешал, и это даже противоречит всем моим распоряжениям!

Председатель.— По вашему мнению, это было самовольное действие Кулябко?

Курлов.— Безусловно!

Председатель.— Какое письмо около 3 часов этого дня вы и Спиридович написали по поводу того, что эти лица не приходят на квартиру Богрова?

Курлов.— Кому письмо?

Председатель.— Вы не помните историю с этим письмом?

Курлов.— Я никакого письма не писал...

Председатель.— А вам не писали такого письма?

Курлов.— Не могу сказать... Положительно не помню...

Председатель.— Когда вы пришли на спектакль, что вы узнали об этом юридически вступившем (а юридически он вступил потому, что он фактически вступил) в организацию человеке, который состоял в сношении с Кулябко и был раньше сотрудником?

Курлов.— Я, приехав в театр, ничего не знал...

Председатель.— Не хотели знать?

Курлов.— Я не мог знать — по обстановке: я приехал в театр, сопровождая государя, и вместе с ним вошел в партер.

Председатель.— Разве вы не потребовали доклада о том, как обстоит дело с этим молодым человеком?

Курлов.— Доклад я принял в первом же антракте: он (Кулябко) мне сказал, что свидание на Бибиковском бульваре не состоялось...

Председатель.— Я про этого молодого человека, про этого гостя, который пришел?

Курлов.— Что он у него находится, что наблюдение стоит и что об этом ему приехал доложить в театр Богров...

Я приказал немедленно, чтобы Богров не смел отлучаться из квартиры, пока группа не будет выяснена.

Председатель.— Но как связать это с тем, что вам сказали, что Богров приехал в театр?

Курлов.— Да, по словам Кулябко, выходило так...

Председатель.— Значит, его отправили назад еще до доклада вам?

Курлов.— Да, по словам Кулябко, выходило так...

Председатель.— Вы помните, что именно до доклада Богров должен был уехать из театра, а не после?

Курлов.— Т. е. после доклада мне?

Председатель.— Да.

Курлов.— Нет, по-моему, до доклада, насколько я теперь помню...

Председатель.— Так что вы продолжаете сейчас утверждать, что Богров без вашего ведома был отправлен в театр?

Курлов.— Безусловно!

Председатель.— Вы не знаете, зачем Кулябко, незадолго до этого убийства, вызывал другого своего сотрудника в Киев и рекомендовал ему взять с собою фрак и приехать?

Курлов.— Совсем не знаю...

Председатель.— Какие у вас были отношения с Васильевым, бывшим директором департамента полиции?

Курлов.— Когда я, в 1906 году, был назначен временно исполнять обязанности вице-директора департамента полиции, то Васильев был заведующим особым отделом, и я с ним познакомился.

Председатель.— Значит, вы, после губернаторства, были назначены исполнять обязанности вице-директора департамента полиции?

Курлов.— Я был членом совета и исполнял обязанности вице-директора.

Председатель.— Сколько времени?

Курлов.— Восемь месяцев,— должно быть, в 1907 году...

Председатель.— Какие же у вас были отношения с Васильевым?

Курлов.— Я с ним познакомился впервые в департаменте и отнесся к нему в высшей степени симпатично: он мне очень понравился, и наши отношения не прекращались все время. Затем, когда я был назначен товарищем министра, то он в это время не служил в департаменте полиции, а ушел опять в прокурорский надзор, и мы продолжали видеться постоянно.

Председатель.— Вы помните, что вы были с ним в переписке, когда он несколько позже (это было, кажется, в 1912 году) находился в Киеве?

Курлов.— Очень может быть... Я теперь не помню, но возможно.

Председатель.— Вы помните, что он вам какие-то деньги доставал?

Курлов.— Да. Такая переписка была, т. е. я не знаю, была ли это переписка или это было устно, но это имело место.

Председатель.— Какое у вас составилось представление об убийстве Столыпина,— в отношении участия в этом деле Кулябко и Спиридовича?

Курлов.— Дело в том, что по отношению к участию Кулябко у меня взгляд такой, что Кулябко совершил тот легкомысленный и недопустимый поступок, который так свойствен, к сожалению, офицерам розыска: это полное доверие к своим сотрудникам,— настолько сильное, что они рисуют своей собственной жизнью... Если разрешите, я вам иллюстрирую сейчас примером.

Председатель.— Примером Карпова?

Курлов.— Да.

Председатель.— К этому перейдем позже... Значит, Кулябко совершил поступок легкомысленный?

Курлов.— Рассчитывая на то, что это даст прекрасные результаты...

Председатель.— Какие результаты?

Курлов.— В том смысле, что, если кто-нибудь из этой группы лиц появится в театре, они будут своевременно задержаны и, таким образом, будет предупрежден террористический акт...

Председатель.— Вы не знаете, что есть прием, хорошо известный многим русским гражданам, жившим при старом режиме: арестовывали человека и потом оставались в его квартире и устраивали засаду? Почему этот прием не был применен в отношении Богрова и его товарища-революционера, относительно которого он говорил, что тот находится в его квартире?

Курлов.— По той причине, что если бы должны были пойти в квартиру,— этот прием можно было применить, но когда они отказались пойти в квартиру и свидание должно было быть на Бибиковском бульваре, то эта мера повлекла бы за собой...

Председатель.— Вам сообщили, что один революционер пошел туда?

Курлов.— Мне нужен был не один, а целая группа...

Председатель.— Но, позвольте, для этого именно и делали «засады». Скажем, живет студент,— пошлют полицию и его

арестуют, а на квартире сидят. Звонок, приходит другой — другого арестовывают, и так просиживают по неделям.

Курлов. — Тут высиживать некогда было: тут шёл вопрос о сегодняшнем вечере!

Председатель. — Но, не сделав этого, вы сделали то, что агент Кулябко пошел на место стрелять в Столыпина!

Курлов. — Дело в том, если бы мы их арестовали, засада не дала бы результатов: потому что они не собирались прийти...

Председатель. — Но вы же об этом не знали?

Курлов. — Напротив, — знали, что они туда не придут, а свидятся на Бибиковском бульваре.

Председатель. — Почему же не следили за Богровым и другим человеком?

Курлов. — За другим человеком нельзя было следить, потому что он из квартиры не выходил.

Председатель. — Тогда что же препятствовало взять его на квартире? Не руководило ли здесь, главным образом, стремление не предупредить преступление, а поймать человека в положении, более близком к виселице?

Курлов (прерывает). — Безусловно, нет...

Председатель (продолжает). — Ибо если задержать на квартире, то он может пойти лишь за сообщника, а вот если застать на месте преступления, то будет налицо покушение, и тогда можно повесить...

Курлов. — В этот момент я об этом совершенно не думал... Я думал только о безопасности лиц, которые мне были поручены!

ДОПРОС ГРАФА В. Н. КОКОВЦОВА*

25 августа 1917 г.

Председатель.— Может быть, мы начнем с некоторых частных фактов, а именно с убийства Столыпина, потому что это как раз было перед вашим назначением на пост председателя совета министров. Не можете ли вы припомнить, что вам было известно об обстоятельствах этого убийства?

Коковцов.— До самого поранения?

Председатель.— Быть может, до этого времени. Что вы знали о готовящемся убийстве?

Коковцов.— Я ничего не знал до самого момента выстрела в театре первого сентября. Должен начать вам с того, что я приехал в Киев, как и все министры, вызванные Столыпиным, по специальному поводу. В Киеве предполагался съезд деятелей новых северных и юго-западных земств. Я приехал (сейчас не припомню числа) около 28 августа, день спустя после прибытия туда Столыпина. На следующее утро я отправился к нему. Мы жили на одной и той же улице. Он помещался в доме генерал-губернатора, я — в доме конторы государственного банка. 28 и 29 августа прошли без всяких инцидентов. Мы виделись постоянно, вместе ездили. Он был очень внимателен тогда ко мне. Были особые причины, которые побуждали проявлять несколько большее внимание. Во всяком случае, среди очень трудных переездов, которые были в Киеве, — отыскание экипажа, затем вовремя попасть, вовремя вернуться домой, — я постоянно видел около себя внимание с его стороны, и мой экипаж всегда следовал за ним. 30 августа (быть может, в дне ошибаюсь), 30 или 31 августа, одно из двух, я в условное время приехал к нему в моем экипаже через улицу, чтобы отправиться вместе на скачки, и был удивлен просьбой сесть в экипаж к нему. На вопрос мой, почему он хочет ехать со мной вместе, он говорит: «Вы знаете, трудно с экипажем возиться, и кое о чем переговорить вместе будет удобнее». И вот с этого момента, с момента, что мы поехали на скачки, где, как потом оказалось, Богров его караулил, все время мои разъезды происходили в экипаже Столыпина, я был с ним вместе. Он не делился со мной ничем

* «Падение царского режима», т. VII, стр. 88—92.

О В.Н.Коковцове см. примеч. на стр. 54.

до нашего отъезда в театр, до момента выезда моего из дома генерал-губернатора. 1 сентября я обедал не у него, а в гостинице с товарищами по учебному заведению, в котором я воспитывался. Мы условились, что я заеду к нему перед театром. Мы поехали вместе. Он сказал: «Вот в чем дело. Я не хочу, чтобы это разглашалось, но есть глупые сведения, что какое-то готовится покушение, лучше вместе». Я говорю: «Довольно нелюбезно с вашей стороны, что вы хотите непременно вместе». — «Извините, — говорит, — я в эту историю не верю, а наоборот, в городском отношении гораздо лучше, без всякого вмешательства». Вот единственное, что было до момента выстрела в него Богровым. Это обстоятельство имеет связь с другим эпизодом. Я должен был вечером уехать из Киева, 1 сентября. Мы условились, что он останется сопровождать государя в Чернигов, а затем вернется в Киев и уедет лишь после отъезда государя и его семьи. Я же спешил потому, что было самое горячее время заключения сметы. Бывшему чину государственного контроля известно, какая работа лежит на министре финансов по сводке расписи. Я не мог терять ни одного дня. Мы условились, что в театре простишься, и мои дела были устроены так, что я должен был ехать на вокзал прямо из театра. В последнем антракте, перед тем, как спектакль должен был кончиться, я подошел к Столыпину проститься. Он стоял, повернувшись спиной к сцене и лицом к зрительному залу, а рядом с ним стоял бывший министр Сухомлинов. Я подошел, пожал руку. Причем его последняя фраза была: «Как я вам завидую, что вы едете в Петербург! Возьмите меня с собой». Я говорю: «Сделайте одолжение! У меня лошадь здесь (автомобиля не было), лошадь моя здесь, милости просим! В вагоне мое отделение в вашем распоряжении». Это было последнее, что я от него слышал. Затем, отойдя от него, я подошел к заднему поперечному проходу, где сидел старик управляющий конторой государственного банка и его жена, у которых я пользовался гостеприимством в течение четырех дней, подошел, чтобы проститься с ними. В это время слышу выстрел. Побежал к нему одним из первых и присутствовал при том, как сбитого с ног Богрова уносили в одну сторону, а Столыпина увозили в лечебницу доктора Маковского. И затем я был почти до самой кончины при нем безотлучно.

Председатель. — Скажите, назывался Курлов в руководящих кругах возможным кандидатом на пост министра внутренних дел еще до смерти Столыпина?

Коковцов. — Я этого не думаю, потому что никогда в высшем кругу, т. е. от носителя верховной власти, ничего

подобного не слышал. Должен заметить, что в течение многих лет я пользовался большим доверием и большим расположением, вниманием. При разговоре со мной мне сообщали иногда разного рода мысли, предположения. Но этого никогда не слышал. Ген. Курлова проводила, вероятно, группа «Гражданина» Мещерского. Из этой среды Мещерского и присных его слухи исходили и, вероятно, находили (я «Гражданина» читал, правда, но в памяти всего не удержал) отклик и в Дневнике «Гражданина».

Председатель.— А около сентября 1911 года не стал ли муссироваться слух,— может быть, этим кружком или какими-нибудь отдельными лицами,— что Курлов возможный заместитель Столыпина на посту министра внутренних дел?

Коковцов.— Этого я не могу сказать, потому что около сентября 1911 г. и вообще летом Столыпин проводил значительную часть времени у себя в имении. Приезжал на короткий срок. Я знаю потому, что был заместителем его по закону (на основании ст. 4 положения о совете министров) и фактически вступил в управление делами совета еще в момент поранения, до указа 2 сентября. Так что о слухе я не знаю, хотя впечатление у нас у всех, сотрудников Столыпина, было такое, что дни его сочтены, что он в Киев едет если не пропеть свою лебединую песню, то в предвидении ухода. По крайней мере, в тот день, когда я приехал и спросил его, как он себя чувствует, он сказал: «Я чувствую себя здесь, как татарин вместо гостя. Нечего нам с вами здесь делать». Но не могу сказать, чтобы слухи приурочивались к Курлову.

Председатель.— Вам не приходилось беседовать с бывшим императором по поводу смерти Столыпина и по поводу отношений Столыпина и Курлова?

Коковцов.— Столыпина и Курлова? Нет. По поводу смерти Столыпина, конечно, потому что бывший император до самой кончины первого в это не верил. 2 сентября я приходил со всеподданнейшим докладом во дворец, с докладом, который был заготовлен еще Столыпином. Столыпин, смертельно раненный (он был ранен в 10 ч. вечера 1 сентября, а пуля вынута ночью в 3 часа), в 8 часов утра позвал меня в комнату и, сильно страдая, среди стонов, обратился с просьбой взять ключ из жилета, открыть портфель в его кабинете и там найти срочный доклад, который был заготовлен, и который я, 2 сентября, доложил бывшему императору, и тогда же я сказал ему, что Столыпин не жилец. Император не верил. Он не верил 3, не верил 4. И в этом его поддерживал доктор Боткин, который ездил постоянно в больницу и

передавал добрые вести. У меня, бывшего в больнице и слышавшего рассказы врачей, которые там находились, у меня не посвященного, а просто обывателя, который разбирается в разного рода явлениях, ясно составилась картина, что у раненого перебита печень и он должен умереть. Император этому не верил. Он уехал в Чернигов 4, на маневры под Киевом и был удивлен, когда, 5 сентября, я ему послал известие, что Столыпин при смерти.

Председатель.— Как же он отнесся к факту поранения Столыпина?

Кокоевцов.— Он был очень взволнован и проявил горячее участие. Каждый раз, когда я старался говорить о том, что нужно вызвать жену Столыпина, постараться окружить его вниманием и предупредительностью, видно было, что он очень взволнован. Но, как всегда, очень сдержан; он не был экспансивен...

ВТОРОЙ ДОПРОС ГРАФА В. Н. КОКОВЦОВА*

11 сентября 1917 года

Председатель. Будьте добры в нескольких словах остановиться на сущности того Вашего доклада, относящегося ко времени убийства Столыпина в Киеве, в связи с погромами. Вы изволили уже и раньше сказать, что тут назревали события, о которых мы не знали, которые Вам удалось предотвратить тогда.

Коковцов. Столыпин был смертельно ранен в 11-м часу вечера. Перевозка его в больницу, помещение его в постель, затем осмотр раны — все это заняло очень много времени. Я находился при нем безотлучно и мог выйти из лечебницы Маковского только в три часа ночи. Когда я собирался оттуда выходить, какой-то полицейский чин мне сказал, что ген. губернатор меня ждет у себя и спрашивает, могу ли я его принять, хотя бы ночью, в моем помещении. Взявши извозчика, поехал прямо к Трепову и застал у него помощника командующего войсками бар [она] Зальца. Трепов мне сказал, что, по всем сведениям, которые у него имеются, назревает еврейский погром наутро, что у него в распоряжении полиции очень мало, что жандармские силы совершенно ничтожны, а город без войска, что войска вызваны на маневры. Маневры должны были происходить, начиная с вечера следующего дня, со второго сентября. Доклад мой монарху должен был происходить, кажется, половина второго или в два часа дня 2 сентября. Зальца немедленно уехал, сказав при этом, что никаких войск дать не может, что в его распоряжении войска не имеется, что Трепов должен распорядиться, как ему угодно. Мы остались вдвоем, стали обсуждать положение. Он вновь удостоверял, что погром неизбежен, что у него есть

* Из публикации: Интересная находка. Свидетельские показания графа В. Н. Коковцова в Чрезвычайной следственной комиссии 11 сентября 1917 г. Журнал «Вопросы истории» (Москва), № 4, 1964, стр. 103—104.

Эти показания не вошли в семитомник «Падение царского режима». В предисловии к первому тому редактор П. Е. Щеголев писал: «Наше издание воспроизводит 87 допросов и показаний; одного допроса — графа В. Н. Коковцова — от 11 сентября (это второй допрос Коковцова; первый, от 25 августа, вошел в иаше издание) в нашем собрании не оказалось, и мы, несмотря на все старания, не могли разыскать его».

Показания В. Н. Коковцова обнаружились в Центральном госархиве Октябрьской революции. О В. Н. Коковцове см. примеч. на стр. 54.

40—50 человек городовых и больше ничего нет и не ожидает. Невзирая на то, что бар[он] Зальца только что уехал, я поехал на квартиру и потребовал, чтобы с маневров были вызваны к утру в Киев два казачьих полка. Бар[он] Зальца отказал мне, сказавши, что это зависит от командующего войсками ген[ерала] Иванова, а Иванова уже не оказалось в Киеве. Он выехал на место маневров, и не знали, в какую сторону. Ввиду большой с моей стороны назойливости, п[отому] ч[то] я не мог ехать в николаевский дворец будить монарха и получить от монарха разрешение, я договорился с бар[оном] Зальца в том смысле, что беру на себя ответственность вызова двух полков, что если монарх будет недоволен, то мною, а не им, что войска будут вызваны. Я ссылался на ст. 4 положения совета министров, хотя ссылка была не вполне лишена отсутствия законности, что я делаю это именем председателя совета министров, должность которого я исправляю, хотя никакой власти распорядительной как председатель совета министров не имел, и все-таки обратился к нему с прямым требованием. Тогда он сказал, что требованию подчиняется и договаривается, что он берет с меня слово доложить монарху, что я от него потребовал невзирая на его протест, и снимаю с него ответственность, что на маневрах не будет двух полков. Таким образом, была дана телеграмма ночью бар[оном] Зальца ген[ералу] Иванову, которую он прочел в телефон по настойчивому требованию, со ссылкой, что я беру ответственность пред монархом, должны быть спешно в походном порядке высланы два казачьих полка, которые должны прийти не позже семи-восьми часов утра. Полки прибыли в начале восьмого часа утра, и погрома в Киеве не было. Это ли^бстановило — судить не могу. Думаю, остановило прибытие в Киев на Подол двух казачьих полков. А выезд еврейского населения настолько начался, что ночью было в полном смысле переселение евреев из Киева. Станция Киев и площадь перед станцией на следующее утро, когда в 10 ч [асов] у[тра] я был там, представляли собой сплошное море голов, вузов, подушек, перин. Поэтому мне на докладе пришлось этого вопроса коснуться, принять на себя ответственность, что я распорядился и, быть может, превысил власть, но что я должен был это сделать, что недопустимая вещь, чтобы погром произошел в том городе, где находится император и его семья. Я должен сказать, что получил полное одобрение и при этом получил разрешение разослать по всем губерниям Северо- и Юго-Западного края, в черте еврейской оседлости, ту телеграмму, которая мне потом была поставлена в вину статьями «Киевлянина» и статьями Меньшикова

в «Новом Времени», которые говорили, что я после смертельного поранения Столыпина занимался только тем, что спасал евреев от того гнева, который они заслужили. Я был называем весьма недвусмысленными именами. Я знаю, что потом это было принято к учету и повторялось в «Гражданине» и, очевидно, повторялось в целом ряде докладов, которые последовали из этого источника. Тогда мне пришлось широко осветить в этом докладе вопрос еврейский, как он стоял в ту пору, и о значении погромов с точки зрения власти государственной. Я должен сказать, что я освещал не только открыто и откровенно, но даже нисколько не выбирал ни выражений, ни рамок доклада.

Председатель. У вас были данные предполагать, что не только в Киеве, но и в других местах готовятся погромы?

Коковцов. Я получил телеграммы из шести губерний в течение следующего дня, утром и вечером. 2 сентября я получил из Херсона и Могилева. Во всяком случае, я получил шесть телеграмм после моего доклада. Мне в особенности вменялся в вину конец телеграммы, которой я вменял в обязанность губернаторам принять меры в предотвращении погромов не стесняясь мерами, какие будут нужны, вплоть до употребления оружия. Это в особенности ставилось мне в вину, что я, защищая евреев, будто бы дал возможность проливать христианскую кровь.

Председатель. Вы можете воспроизвести весь текст этой телеграммы?

Коковцов. Это наспех делалось. Телеграмма была приблизительно такая. «В связи с событиями, произшедшими в Киеве и закончившимися смертельным поранением статс-секретаря Столыпина, до сведения моего доходит о готовящихся еврейских погромах в отдельных местностях. Обращаю внимание вашего превосходительства (то есть губернатора) на совершенную недопустимость подобного рода явлений. Всякие погромы и всякие насильтственные действия одной части населения против другой должны быть признаваемы преступлением, и власть существует для того, чтобы преступления не допускалось, какими бы мотивами оно ни выражалось. Поэтому, по предварительному моему докладу его величеству, предлагаю вашему превосходительству войти немедленно в сношение со всеми местными войсковыми частями и принять под личную вашу ответственность меры к устраниению всякого рода насильтственных действий, в связи с событиями в Киеве, из коих бы побуждений и источников они ни происходили и на какую бы часть населения они ни были направлены. В порядке принятия этих мер вы должны доходить до

пределов, допускаемых законом, не исключая и применения оружия». Вот эта телеграмма была мне поставлена в вину и в течение долгих месяцев и лет я служил мишенью для нападок известной печати.

НА СМЕРТЬ СТОЛЫПИНА

А. И. ГУЧКОВ*

«Мы потеряли Столыпина, но оценить все последствия этой потери сейчас слишком трудно, однако же для понимания момента необходимо вспомнить, кто такой был Столыпин и чем он был ценен.

«Прежде всего Столыпин был искренним, убежденным и горячим сторонником народного представительства; в своей деятельности он одинаково горячо и энергично отстаивал народное представительство от тех опасностей, которые грозили ему с двух сторон. Они грозили ему слева, со стороны революционного натиска, и в этом смысле акт 3 июня, передавший работу народного представительства в руки спокойных умеренных элементов, привыкших к созидающей работе в учреждениях земского и городского самоуправления, был актом спасительным для самой идеи народного представительства.

«Но когда революционная война улеглась, Правительство оправилось и почувствовало, что материальная сила у него снова в руках, то народному представительству стала грозить опасность гораздо более страшная — со стороны реакционных кругов. Замечательна пометка, сделанная Столыпиным на письме известного раскаявшегося революционера Льва Тихомирова, писавшего ему о том, что можно было бы, воспользовавшись моментом успокоения, законодательные учреждения превратить в законосовещательные. Столыпин на этом письме сделал пометку, что это была бы «злая провокация».

«Искренний сторонник народного представительства, Столыпин в то же время был истинным демократом, так как полагал, что твердою основою государственных начал в народных массах должно быть обеспеченное благоустроенное крестьянство. В этом направлении Столыпиным был частью проведен, частью предпринят ряд серьезнейших мер. Достаточно указать на широкое развитие ссудо-сберегательных товариществ и касс, а вместе с тем на такие законопроекты,

* Речь А. И. Гучкова, произнесенная 3 октября 1911 в Петербургском Клубе общественных деятелей, опубликована в книге: «Государственная деятельность П. А. Столыпина», Сост. Е. В. [Е. Верпаховская], т. III, Спб, 1911, стр. 281—284.

Александр Иванович ГУЧКОВ (1862—1936) — основатель и председатель партии октябристов («Союз 17 октября»). С марта 1910 по март 1911 председатель III Думы. 2(15) марта 1917 принял, вместе с В. В. Шульгиным, отречение Николая II. С того же дня по 2(15) мая 1917 военный министр Временного правительства. С 1918 в эмиграции.

как законопроекты о поселковом и волостном самоуправлении.

«Было время, когда либерально-просвещенные круги русского общества, увлеченные организацией и устройством мелкой земской единицы, страстно этого добивались, а дереформенные административные власти всеми силами этому противодействовали. Столыпин же сам внес эти законопроекты в законодательные учреждения.

«Столыпин был другом религиозной свободы: им внесены были в Государственную Думу законопроекты, обеспечивающие свободное исповедание веры, свободный переход из одного вероисповедания в другое, старообрядческий законопроект.

«Если Столыпину не удалось провести эти законопроекты в жизнь, то во всяком случае в административной области дух и смысл этих законопроектов был широко использован.

«Огромной важности дело было совершено Столыпиным в области государственной обороны. Если взять состояние государственной обороны пять лет назад и положение этого дела в настоящую минуту, то между этими двумя моментами нет ничего общего,— так много работы здесь произведено. Но это могло быть сделано при том обязательном условии, что народные представители и глава Правительства идут совершенно дружно, не щадя усилий и труда.

«Столыпин любил Россию. Лица, близко его знавшие, обращали внимание на то, что когда он произносил слово «Россия», то произносил его таким тоном, каким говорят о глубоко и нежно любимом существе. Всех поражала его изумительная всегдашняя готовность не только безгранично работать, но жертвовать собой для блага Родины.

«Не всегда мы были с ним единомысленны, да и широкая своеобразная натура П. А. Столыпина не укладывалась в рамки существующих партийных взглядов. Поэтому, работая согласно с ним или расходясь с ним во взглядах, мы всегда уважали и ценили его глубокую искренность и благородство убеждений.

«В последнее время обнаружился совершенно ясный план охоты против Думы и Столыпина.

«Столыпина нет, текущая действительность заволакивается какой-то серой пеленой, а на горизонте вспыхивают зарницы, и что даст нам ближайшее будущее, предугадать трудно, но теперь, больше чем когда-нибудь, нужно беречь народное представительство и в ряды народных представителей не вводить тех людей, которые своей политической деятельностью вели эту идею к гибели».

В. В. ШУЛЬГИН*

«Диогенов фонарь». «Ни о чем не хочется говорить, думать, писать... На минуту забудешься, но потом мысль снова возвращается к этому бледному, выразительному, так знакомому лицу... Неужели это правда? Неужели его действительно нет уже с нами? Кто-то сказал мне вчера: «Знаете, у меня такое чувство, что случилось что-то очень важное и ужасное, и хочется заехать к Петру Аркадьевичу и спросить его, как быть; понабраться сил и уверенности у того, кто никогда не терял мужества, и в то же мгновенье я с ужасом ловлю себя на том, какой трагический вздор заключается в этом невольном привычном чувстве»...

«Нет Петра Аркадьевича, к которому можно было бы броситься с этой ужасною вестью, что умер Столыпин... Всегда ужасы совершились вокруг него, а он, он был прибежище... А теперь именно это прибежище, этот утес, твердый, как гранит, и прекрасный, как мрамор, смыло в море. Но руки по привычке протягиваются к знакомой скале и обхватывают роковую пустоту.

«Кажется, первый раз я увидел его в тот знаменательный день, когда, после обвала потолка в Таврическом дворце, заседания Государственной Думы происходили в длинном зале Дворянского собрания. Я ясно помню его фигуру и лицо. Он стоял совершенно спокойно на кафедре и, облокотившись обеими руками, в которых он держал свою знаменитую декларацию, говорил ее, то есть рассказывал, что и как он думает сделать для России. Он говорил очень спокойно, очень благожелательно, почти ласково. Он говорил так, как будто перед ним были люди, понимавшие его, способные отнести сочувственно к его планам и намерениям, способные подвергнуть добросовестной критике свиток реформ, который он разворачивал перед ними. Необычайная чуткость этого человека, та чуткость, которая так редко дается, но без которой немыслимы политические люди, чуткость к толпе, к массам,

* Статья «Диогенов фонарь», опубликованная в газете «Киевлянин», перепечатана в книге «Государственная деятельность П. А. Столыпина». Сост. Е. В. [Е. Верпаховская], т. III, Спб, 1911, стр. 218—223.

Василий Витальевич ШУЛЬГИН (1878—1976) — лидер думской фракции националистов, сотрудник газеты «Киевлянин». 2(15) марта 1917 принял, вместе с А. И. Гучковым, отречение Николая II. В годы гражданской войны участвовал в создании Добровольческой армии ген. Деникина. В 1920 эмигрировал. В 1944 захвачен в Югославии спецкомандой НКВД, привезен в СССР и заключен во Владимирскую тюрьму. В 1950 освобожден, оставлен в пожизненном во Владимире на положении ссыльного.

пониманием и умение владеть ими оказались уже и в этот день. Он отлично знал, кто сидит перед ним, кто, еле сдерживая свое бешенство, слушает его. Он понимал этих зверей, одетых в пиджаки, и знал, что таится под этими низкими лбами, какой огонь горит в этих впавших, озлобленных глазах, он понимал их, но делал вид, что не понимает. Он говорил с ними так, как будто это были английские лорды, а не компания «Нечитайло», по ошибке судьбы угодивших в законодательные кресла, вместо арестантских нар. Ни малейшая складка презрения, которое дрожало в его сердце, пережившем Аптекарский остров, не затронула его губ. Спокойный, благожелательный, он с большим достоинством и серьезностью излагал план реформ.

«Но только он кончил, зверинец сорвался. Боже мой, что это было! Больше всего меня удивляет, однако, что выдержаный, и умный Маклаков, который впоследствии старался отмежеваться от господ этого сорта, в этот день по-товарищески работал вместе с ними. Как не стыдно было участвовать в травле одного тремя стами, наравне с этим сбродом, бывших и будущих убийц, грабителей, воров, негодяев и обманщиков! Но пальму первенства в этот день, как, впрочем, и всегда, когда идет конкурс на зверство, заслужили азиаты. Никто не выказал столько необузданной, чисто животной, свирепой злобы, ни в чьих глазах нельзя было прочесть столько ненависти, как в этих черных масляных кружках без зрачка, сверкающих всеми переливами безнадежной тупости.

«Зверинец завывал в течение нескольких часов. Головин, голый, как колено, меланхолически, но совершенно равнодушно выслушивал этот поток, подпирая холодные глаза жесткими усами. Мы, небольшая кучка правых, прекращали на мгновенье мутные потоки восточного красноречия взрывами негодования, но нас было слишком мало и мы были еще слишком поражены и растеряны, чтобы дать им серьезный отпор. Нас не слушали, над нами издевались презрительно и легкомысленно, и кровью чреватое красноречие лилось дальше. Тогда вдруг, совершенно внезапно, случилось то, что сделалось гранью между двумя процессами, что оказалось гребнем революционной волны, той точкой, с которой бунт пошел на убыль.

«П. А. Столыпин, сидевший на своей красной бархатной скамье в продолжение всех этих речей, забрызгавших его грязью и пеной бешенства, сидевший совершенно спокойно и безучастно, с каким-то тусклым, почти отсутствующим выражением в глазах, вдруг попросил слова.

«Я помню эту минуту.

«Разъяренные и злобные, они не ждали этого. Они с первой Думы привыкли к безмолвию министров перед революционным красноречием. П. А. Столыпин взошел на кафедру, с виду такой же, как прежде. Бледный, бесстрастный, красивый. Но первые же слова, которые вырвались из его уст, вдруг показали многоголовому зверю, с кем он имеет дело: Я не знаю и не видел, как укрощают зверей, но, должно быть, их укрощают так.

«Его ораторский талант, сила, образность и красота сравне-
ния и слов, точно кованых из бронзы, меди и серебра, в этот
день еще не развернулись во всей своей силе. Все мягкие
металлы, глубокие, нарастающие и звенящие, тогда отсутство-
вали. В тот день говорила сталь. Он говорил недолго. Несколь-
ко слов холодных, но прозрачных, как лед, слов, которыми он
безжалостно сорвал лживую кожу ненужных, лишних и
затуманивающих фраз с того одного, что было важно в ту
минуту, важно потому, что это одно была правда. Это одно
правдивое и страшное — была смерть. Четырехсотголовый
зверь разными словами, в разных формах, разными способами
грозил ему смертью. И не только ему, он грозил смертью
всему тому, что защищать и чему служить присягнул министр
своему Государю. Они осмелились грозить Ему... И после
холодных и прозрачных, как льдина, слов, резюмировавших
весь смысл их диких речей, сверкнуло вдруг, неожиданно
и ослепительно, раскаленное железо:

— «Не запугаете!!!»

«Он сделал неуловимое и непередаваемое короткое движе-
ние головой и сошел с кафедры.

«Маски были сброшены. Зверя пробовали укротить ласко-
вым взглядом, добрыми словами. Зверь не послушался. Тогда
укротитель твердой рукою взялся за железо.

«И зверя укротили.

«Через полчаса на улицах Петербурга люди поздравляли
друг друга.

«Россия могла потушить свой Диогенов фонарь: она нашла
человека.

«Прошло пять лет: снова надо зажигать фонарь».

П. Б. СТРУВЕ*

Покушение на П.А. Столыпина, приведшее к трагическому исходу — убийству и казни, подымает в уме целый рой мыслей и оживляет в душе множество образов и картин из первого, но бурного периода нашей конституционной жизни...

Впервые в России было произведено «политическое» убийство государственного деятеля, которого столь многие люди знали как живую индивидуальность, а не как отвлеченный знак некой политической системы. «Конституция» свела как-то министров на землю, сделала их, по крайней мере физически, гораздо более «близкими» обществу — и это, по моему непосредственному ощущению, разительно сказалось на впечатлении, произведенном известием о выстреле в Столыпина. Сколько людей в и деле его своими глазами в Государственной Думе, не говоря уже о том, что ни об одном министре в России не писали так много и так свободно...

Правда, широкие общественные круги, настроение которых, мне кажется, не передается никакой печатью, ни левой, ни правой, с поразительной, болезненной апатией отнеслись к известию о киевском событии. Но при всей апатичности широкого общества и при всем глубоко несочувственном отношении его преобладающего либерально настроенного большинства к политике правительства и его главы, впечатление от выстрела 1 сентября было все-таки совершенно недвусмысленное. Его можно охарактеризовать как непреодолимое естественное отвращение.

Есть в настоящее время охотники бить в набат по поводу «возрождения» террора и эксплуатировать на этот предмет

* Из статьи «Преступление и жертва». Журнал «Русская мысль», октябрь 1911, кн. 10, стр. 135—143.

Петр Бернгардович СТРУВЕ (1870—1944) — философ, экономист, историк, публицист. Один из первых марксистов в России, в 1898 автор «Манифеста», изданного от имени I съезда РСДРП, в 1900 участвовал с Лениным в создании газеты «Искра» и журнала «Заря». В 1902—1905 редактировал за рубежом журнал «Освобождение», подготовивший образование кадетской партии. В 1909 участник знаменитого сборника «Вехи», предупреждавшего русскую интеллигицию, что подготавливаемая ею революция погубит и Россию, и ее саму. В 1907—1918 редактор журнала «Русская мысль». В годы гражданской войны входил в совет Добровольческой армии ген. Деникина и в правительство ген. Врангеля в Крыму. В эмиграции вновь редактор журнала «Русская мысль» (1921—1927, София, Прага, Белград).

действие Богрова. Не вдаваясь тут в обсуждение общего вопроса о политических убийствах, как явлении нашей истории и современности — читатель найдет в настоящей книжке рассуждения на эту тему А. С. Изгоева, — я хотел бы только подчеркнуть, что киевское событие свидетельствует лишь о вырождении террора и ни о чем более. Из всех крупных политических убийств, когда-либо совершенных в России, оно есть самое случайное, наименее «органическое». Даже акт первого марта 1881 г., как ни недвусмысленно реагировало на него общественное мнение, даже это убийство Царя, окруженного ореолом двойного освободителя и великого реформатора, по своим виновникам не могло не ощущаться обществом как зародившееся как-то в недрах самого общества, как некое болезненное завершение каких-то понятных обществу человеческих переживаний.

Поэтому оно, своей внутренней стороной, вызвало отвращение, но не породило никакого душевного волнения, причиной которого был бы виновник убийства, а не его жертва. С внутренней жизнью самого общества это убийство никак не связано.

Дело тут, конечно, вовсе не в том, что Богров — еврей. Это обстоятельство — случайное с той точки зрения, с которой я обсуждаю событие. Важно только то, что общество в данном случае не только не сочувствовало убийству, оно абсолютно не понимало его. Это был какой-то «технический» акт, бессмысленно непонятный, какое-то загадочное происшествие, ключ к которому недоступен общественному сознанию. Вот почему в обществе почти ожесточенно спорят на тему о том, чем же был на самом деле Богров, «охранником» или «революционером».

Самый спор показывает, что общество не способно понимать такого «революционера». А между тем, он есть. Народился новый тип революционера. Подготовлялся он — незаметно для общества, незаметно для каждого из нас — в дореволюционные годы и народился в 1905—1906 гг. «Максимализм» означал слияние «революционера» с «разбойником», освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек. Но «разбойничество» в конце концов есть только средство. Душевный переворот шел глубже абсолютной неразборчивости в средствах. В революцию ворвалась струя прожиганий жизни и погони за

наслаждениями, сдобренной «сверхчеловеческими» настроениями в стиле опошленного и оподленного Пшибышевского.

Быть убитым — это судьба, которая может постигнуть каждого крупного государственного деятеля в любой момент и в любой политической обстановке.

А между тем — Столыпин был крупным человеком и именно такая судьба постигла его.

Правда, не во всем. В одном очень важном пункте он восторжествовал над коварной судьбой. Как бы ни относиться к аграрной политике Столыпина — можно ее принимать как величайшее зло, можно ее благословлять как благодетельную хирургическую операцию, — этой политикой он совершил огромный сдвиг в русской жизни. И — сдвиг поистине революционный и по существу, и формально. Ибо не может быть никакого сомнения, что с аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в экономическом развитии России в один ряд могут быть поставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог.

10890
1.088 ГО
1910 г.

П. Н. МИЛЮКОВ*

П.А. Столыпин принадлежал к числу лиц, которые мнили себя спасителями России от ее «великих потрясений». В эту свою задачу он внес свой большой темперамент и свою упрямую волю. Он верил в себя и в свое назначение. Он был, конечно, крупнее многих сановников, сидевших на его месте до и после Витте. Для заслуженных сановников Государственного Совета он был чужим, высокочкой, пришельцем со стороны — и болезненно чувствовал свою изоляцию. Он был призван не на покой, а на проявление твердой власти; власть он любил, к ней стремился и, чтобы удержать ее в своих руках, был готов пойти на многое и многим пожертвовать. Не чуждый идеологий, которые были традицией в его семье, он был не чужд и интриги. Своих союзников он склонен был трактовать как очередные орудия своего продвижения к власти, и менять их по мере надобности. Если принять в расчет его нетерпение победить и короткий срок его взлета, эта быстрая смена могла легко превратить вчерашних друзей в соперников и врагов — и раздражать покровителей сменой внезапных капризов. А главным покровителем был царь, не любивший, чтобы им управляла чужая воля. Такова история взвышения и падения Столыпина, вернувшая его в конце к одиночеству, из которого он вышел, и к трагической

* П. Н. Милюков «Воспоминания. 1859—1917», в двух томах, изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1955, стр. 80—81.

Павел Николаевич МИЛЮКОВ (1859—1943) — историк, публицист, председатель ЦК кадетской партии («Партия народной свободы»), редактор ее центрального органа — газеты «Речь». Со 2(15) марта по 2(15) мая 1917 министр иностранных дел Временного правительства. В эмиграции глава «партии революционных демократов», образованной из левого крыла кадетской партии. Автор ряда трудов по истории революции. Враг белого движения. В 40-е годы пересмотрел свое отношение к большевизму и заявил о «положительной роли» Сталина в судьбе России.

развязке. Призванный спасти Россию от революции, он кончил ролью русского Фомы Бекета*

* Фома БЕКЕТ (Thomas BECKET, 1118—1170) — с 1155 канцлер английского королевства, с 1162 архиепископ Кентерберийский, в 1173 причислен к лику святых католической церкви. Будучи личным другом короля Генриха II, он в то же время твердо и бескомпромиссно отстаивал независимость церкви от королевской власти, в частности не признавал светского суда над духовенством. Был зарезан на ступенях алтаря четырьмя рыцарями после того, как раздраженный король неосторожно воскликнул: «Почему никто из моих трусливых придворных не хочет избавить меня от этого беспокойного попа!» Намек Милюкова, что Столыпин был-де убит, как и Бекет, по инициативе своего «главного покровителя», показывает, насколько партийная тенденциозность преобладала в нем над объективностью профессионального историка.

А.В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС*

В единодушии с которым вся оппозиция, и социалисты, и либералы, отказывались осудить террор, было что-то жуткое, нездоровое. Как и в тех разговорах, которые в дни прений о терроре кипели в Потемкинской бальной зале.

Столыпин первой своей задачей считал успокоение страны, борьбу с анархией. Но для этого было необходимо восстановить правосудие. Только тогда мог он требовать от кадетов, от Думы осуждения террора. Несмотря на свою малочисленность в Думе, кадеты в стране имели большой авторитет. Их моральное осуждение террору многих из тех, кто необдуманно помогал революционерам, могло бы отрезвить. Но очень уж были обострены отношения между властью и общественным мнением. Одно появление Столыпина на трибуне сразу вызывало кипение враждебных чувств, отмечало всякую возможность соглашения. Его решительность, уверенность в правоте правительственной политики бесили оппозицию, которая привыкла считать себя всегда правой, правительство всегда виноватым.

Столыпин отметил новую эру в царствовании Николая II. Его назначение премьером было больше чем простая бюрократическая перестановка однозначащих чиновников. Это было политическое событие, хотя значительность Столыпина оппозиция отрицала, да и царь вряд ли до конца оценил. Но годы идут, и Столыпину в смутном переходном думском отрезке русской истории отводится все больше места. Но и тогда, при первой встрече с ним, Дума почувствовала, что перед ней не угасающий старый Горемыкин, а человек полный сил, волевой, твердый. Всем своим обликом Столыпин закреплял как-то брошенные им с трибуны слова:

— Не запугае!

Высокий, статный, с красивым, мужественным лицом это был барин по осанке и по манерам и интонациям. Говорил он ясно и горячо. Дума сразу насторожилась. В первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр,

* А. Тыркова-Вильямс «На путях к свободе». Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952, стр. 343—347.

Ариадна Владимировна ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС (1869—1962) — журналистка, писательница, литературовед. В 1906—1917 член ЦК кадетской партии. Жена английского журналиста Гарольда Вильямса, сестра народовольца Аркадия Тыркова — участника покушения 1 марта 1881 на Александра II. В марте 1918 эмигрировала в Англию. Сотрудничала с эмигрантской прессой, издала фундаментальную «Биографию Пушкина», в 2-х томах.

который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам. Столыпин был прирожденный оратор. Его речи волновали. В них была твердость. В них звучало стойкое понимание прав и обязанностей власти. С Думой говорил уже не чиновник, а государственный человек. Крупность Столыпина раздражала оппозицию. Горький где-то сказал, что приятно видеть своих врагов уродами. Оппозиция точно обиделась, что царь назначил премьером человека, которого ни в каком отношении нельзя было назвать уродом. Резкие ответы депутатов на речи Столыпина часто принимали личный характер. Во Второй Думе у правительства уже было несколько сторонников. Но грубость и бес tactность правых защитников власти подливала масла в огонь. Они не помогали, а только портили Столыпину. В сущности, во Второй Думе только он был настоящим паладином власти.

В ответ на неоднократное требование Думы прекратить военно-полевые суды Столыпин сказал:

— Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках палача.

Левый сектор, занимавший большую часть скамей, ответил ему гневным гулом. Премьер стоял на трибуне выпрямившись во весь рост, высоко подняв красивую голову. Это был не обвиняемый. Это был обвинитель. Но лицо его было бледно. Только глаза светились сумеречным огнем. Не легко ему было выслушивать сыпавшиеся на него укоры, обвинения, оскорбления.

После этой речи я сказала во фракции:

— На этот раз правительство выдвинуло человека и сильно-го, и даровитого. С ним придется считаться.

Только и всего. Довольно скромная оценка. У меня, как и других, не хватило политического чутья, чтобы понять подлинное значение мыслей Столыпина, чтобы признать государственную неотложность его стремления замирить Россию. Но даже мое простое замечание, что правительство возглавляется человеком незаурядным, вызвало против меня маленькую бурю. Особенно недоволен мною был Милюков. Пренебрежительно пожимая плечами, он бросил:

— Совершенно дамские рассуждения. Конечно, вид у Столыпина эффектный. Но в его доводах нет государственного смысла. Их ничего не стоит разбить.

У меня с Милюковым тогда были хорошие отношения, которые отчасти выражались в том, что мы без стеснения говорили друг другу, что думали. Но в этот раз у меня мелькнула смутная мысль, которой я ему не высказала:

«А ведь Столыпин куда крупнее Милюкова».

С годами эта мысль во мне окрепла. Не знаю, когда и как вернется Россия к прежнему богатому и свободному литературному творчеству, но думаю, что придет время, когда контраст между государственным темпераментом премьера и книжным догматизмом оппозиции, волновавшейся в Таврическом дворце, поразит воображение романиста или поэта.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книжные публикации

Аронсон Григорий. *Загадки убийства П. А. Столыпина*. В кн.: Россия накануне революции. Исторические этюды. Нью-Йорк, 1962, стр. 3—23.

Богров Владимир. *Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Разоблачение «действительных и мнимых тайн»*. Изд. «Стрела», Берлин, 1931.

Богров Григорий Исаакович. В кн.: Еврейская энциклопедия в 16-ти тт. Изд. Брокгауз-Эфрон, Спб, 1908—1913, т. IV.

Бок М. П. *Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине*. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953.

Бухбиндер Н. *Драма писателя*. В кн.: Литературные этюды. Изд. «Наука и школа». Л-д, 1927, стр. 50—69.
— О деде Богрова Григории Исааковиче Богрове и его переходе, незадолго до смерти, в православие.

Венгеров С. А. *Богров Григорий Исаакович*. В кн.: Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. V, Спб, 1897, стр. 6—7.

Витте С. Ю. *Воспоминания*, т. III. Изд. социально-экономической литературы, М., 1960.

Герасимов А. В. *На лезвии с террористами*. YMCA-Press, Париж, 1985.
— Бывший начальник Петербургского охранного отделения пишет о борьбе с революционным подпольем в годы «столыпинской реакции».

Гирс А. Ф. *Смерть Столыпина. Из воспоминаний бывшего киевского губернатора*. В кн.: А. Столыпин. П. А. Столыпин (1862—1911). Париж, 1927, стр. 86—102.

Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина. Т. 1—3. Составитель Е. В. [Е. Верпаховская] Изд. составителя, Спб, 1911.

Государственная дума. *Стенографические отчеты за период 1906—1911*. Гостипография, Сиб (г. изд., соответственно, 1906—1911).
— В отчетах опубликованы полные тексты речей Столыпина в думе; в томе за 1911 г.—запросы депутатов III думы в связи с убийством Столыпина.

Государственный Совет. *Стенографические отчеты за период 1906—1911*. Гостипография, Спб (г. изд., соответственно, 1906—1911).
— Тексты выступлений Столыпина в Государственном Совете.

Гучков А. И. в 3-й Государственной думе (1907—1912 гг.). Сборник речей. Спб, 1912.

Зеньковский А. В. *Правда о Столыпине*. Всеславянское издательство, Нью-Йорк, 1957.

— В 1985 вышло ротапринтное переиздание книги в изд. «Орфей», Нью-Йорк.

Изгоев А. П. А. Столыпин. *Очерк жизни и деятельности*. Изд. К. Ф. Некрасова, М., 1912.

Клячко Л. М. *Повести прошлого*. Изд. писателей, Л-д, 1929.

— Автор — известный писатель и журналист — воспроизводит множество историй (не всегда достоверных) и анекдотов из эпохи «столыпинской реакции».

Коковцов В. Н., граф. *Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг.* Т. I — III. Изд. журнала «Иллюстрированная Россия», Париж, 1933.

Крыжановский С. Е. *Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря*. Изд. «Петрополис», Берлин, без г. изд.

Курлов П. Г., генерал. *Гибель императорской России*. Изд. Отто Кирхнер и К°, Берлин, 1923.

— Эта же книга была издана в СССР в «отредактированном» виде под названием: *Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов*. С предисловием М. Павловича, Госиздат, М-Петр, 1923.

Маевский Вл. *Борец за благо России*. Мадрид, 1962.

Мартынов А. П. *Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. Воспоминания*. Под ред. Р. Враги. Изд. Стэнфордского университета, Калифорния, 1972.

— Есть характеристики руководителей российской Охраны (Курлова, Спиридовича и Кулябко).

Милюков П. Н. *Воспоминания (1859—1917)*. Т. I — II. Под редакцией М. М. Карповича и Б. И. Элькина. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1955.

Мушин А. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. С предисловием В. Л. Бурцева. Кооперативное издательство, Париж, 1914.

Оболенский А. В. *Мои воспоминания и размышления*. Изд. журнала «Родные перезвоны», Брюссель, 1961.

Ольденбург С. С. *25 лет перед революцией*. Изд. 3-е, без указ. года и места издания.

— В книгу вошли статьи автора, публиковавшиеся в журнале «Русская мысль», Прага, Белград.

Особый журнал Совета Министров, № 157. Гостипография, Спб, 1906, стр. 1—61.

— В журнале за октябрь и декабрь 1906 г. опубликован полный текст законопроекта «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев».

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства. Редакция П. Е. Щеголева. Т. I — VII. Госиздат, Л-д, 1924—1927.

Понизовский Владимир. *Не погаси огонь. «Советский писатель»*, М., 1981.

— Часть вторая книги *Загадка 1 сентября 1911 года* — целиком посвящена убийству Столыпина.

Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин. Сост. Е. В. [Е. Верпаховская]. Изд. составителя, Спб, 1909.

Рейн Г. Е., академик. Из пережитого, 1907—1918. Т. I — II. Изд. «Парабола», Берлин, 1933.

Скрипицын В. А. Богатырь мысли, слова и дела. Гостипография, Спб, 1911.

Солженицын А. С. Красное колесо. Узел первый Август Четырнадцатого, главы 62—73. Собр. соч., т. 11—12, Вермонт-Париж, 1983.

Столыпин А. П. П. А. Столыпин. 1862—1911. Париж, 1927.

Столыпин П. А. Речи в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг. Ред. Ю. Г. Фельштинский. Изд. «Эрмитаж», США (в печати).

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952.
— В книге есть интересные характеристики многих деятелей столыпинской эпохи.

Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. Типография «Печатня Яковлева», М., 1918.
— На стр. 461—466 говорится об отношении Столыпина к еврейскому вопросу.

Журнальные статьи

Базылев Л. Загадка 1 сентября 1911 года. Вопросы истории (Москва), 1975, № 7, стр. 115—129.

Бобринский А. А. Дневник А. А. Бобринского. Красный архив (Москва), т. 26, 1928, стр. 127—150.

Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 г. Красный архив (Москва), т. 17, 1926, стр. 81—87.

Ган Л. Убийство Столыпина. Исторический вестник (Петроград), т. 135, март 1914, стр. 960—997 и т. 136, апрель 1914, стр. 192—215.

Головин Ф. А. Записки. Красный архив (Москва), № 19, 1926, стр. 133—148.

Гроссман-Рошин И. Дмитрий Богров, убийца Столыпина. Из записной книжки. Былое (Петроград), № 26, 1924, стр. 152—158.

Гучков А. И. Из воспоминаний. Публикация С. Ляндреса. Новый журнал (Нью-Йорк), № 161, 1985, стр. 150—189 и № 162, 1986, стр. 184—221.
— Впервые опубликованы в газ. «Последние новости» (Париж), август-сентябрь 1936.

Изгоев А. С. По поводу убийства П. А. Столыпина. Русская мысль (Москва), 1911, кн. X, разд. 3, стр. 1—7.

Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым. Красный архив (Москва), т. 30, 1928, стр. 80—88.

«Интересная находка». Вопросы истории (Москва), 1964, № 4, стр. 103—104.

— Стенограмма второго допроса В. Н. Коковцова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

Книжник И. Воспоминания о Богрове, убийце Столыпина. Красная летопись (Петроград), № 5, 1922, стр. 287—294.

Коковцов В. Н. 22 года тому назад. *Иллюстрированная Россия* (Париж), № 38(436), 16 сентября 1933, стр. 1—4.

Лазарев Егор. *Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Воля России* (Прага), 1926, № VI — VII, стр. 53—98 и 1926, № VIII — IX, стр. 28—65.

Львов Л. *Переписка графа С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. Русская мысль* (Москва), 1915, № 3, стр. 134—153.

Лятковский П. *Нечто о Богрове. Каторга и ссылка* (Москва), ки. 23, 1926, стр. 35—49.

Майский Б. Ю. *Столыпинщина и конец Столыпина. Вопросы истории* (Москва), 1966, № 1, стр. 134—144 и 1966, № 2, стр. 123—140.

Панкратов А. С. *Первое сентября 1911 года. Исторический вестник* (Петербург), т. 126, ноябрь 1911, стр. 613—639.

Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. Красный архив (Москва), т. 5, 1924, стр. 102—128.

Петр Аркадьевич Столыпин. Редакционная статья. *Исторический вестник* (Петербург), т. 126, 1911.

Пешехонов А. *За уходящей волной. По поводу смерти Столыпина. Русское богатство* (Петербург), № 9, 1911, раздел: Хроника политической жизни, стр. 166—171.

Письма П. А. Столыпина на имя кн. Николая Николаевича от 27 января по 10 февраля 1908 г. Красный архив (Москва), т. 19, 1926, стр. 215—221.

Письмо председателя Совета Министров и министра внутренних дел П. А. Столыпина на имя наместника на Кавказе гр. И. И. Воронцова-Дашкова от 11 апреля 1908 г. Красный архив (Москва), т. 34, 1929, стр. 187—202.

Прилежаева-Барская Б. *Дмитрий Богров. Исторический иллюстрированный альманах «Минувшие дни»* (Ленинград), № 4, 1928, стр. 80—86.

Рейн Г. Е. *Убийство Столыпина. Иллюстрированная Россия* (Париж), № 38(436), 16 сентября 1933 г., и № 39(437), 23 сентября 1933 г.

Рейннер М. А. *Либерализм П. А. Столыпина в иностранной прессе. Всемирный вестник* (Петербург), 1906, № 10 (октябрь), стр. 114—121.

Сандомирский Г. *К вопросу о Дмитрии Богрове. Каторга и ссылка* (Москва), ки. 23, 1926, стр. 11—34.

Струве П. Б. *Преступление и жертва. Русская мысль* (Москва), 1911, кн. X, раздел 2, стр. 135—144.

Струмило Б. *Материалы о Дм. Богрове. Красная летопись* (Ленинград), № 9, 1923, стр. 177—189 и № 1(10), 1924, стр. 226—240.

Тверской П. А. *К историческим материалам о покойном П. А. Столыпине*. Вестник Европы (Петербург), 1912, № 4 (апрель), стр. 183—201.

Тихомиров Л. *Из дневника*. Красный архив (Москва), 1936, № 1 (74), стр. 190—191.

Федюшин К. *Петр Аркадьевич Столыпин и студенты*. Исторический вестник (Петербург), т. 136, май 1914, стр. 531—537.

Циркуляр председателя Совета министров П. А. Столыпина от 15 сентября 1906 г. генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам. Красный архив (Москва), т. 32, 1929, стр. 162—181.

Газеты

Знамя труда (1907—1914, Париж) — центральный орган партии эсеров. Возобновленный после Февраля в Петрограде, в 1918 закрыт большевиками.

Новое время (1868—1917, Петербург-Петроград) — основанная А. С. Сувориным газета право-консервативного направления. Закрыта большевиками.

Правительственный вестник (1868—1917, Петербург-Петроград) — официальный орган царского Министерства внутренних дел.

Речь (1906—1918, Петербург-Петроград) — центральный орган партии кадетов. Закрыт большевиками.

Санкт-Петербургские ведомости (1728—1917, Петербург-Петроград) — издание царского Министерства народного просвещения.

Современное слово (1907—1918, Петербург-Петроград) — газета кадетской партии. Закрыта большевиками.

Социал-демократ (1908—1917, Париж, Женева) — нелегальный центральный орган ленинской фракции РСДРП (легальным органом ленинцев в 1912—1914 была «Правда», издававшаяся в Петербурге).

Литература на иностранных языках

Chmielewski, Edward. *Stolypin and the Russian ministerial Crisis of 1909*. California Slavic Studies, v. 4, 1967, pp. 1—38.

Chmielewski, Edward. *Stolypin's Last Crisis*. California Slavic Studies, v. 3, 1964, pp. 95—126.

Conroy, Mary S. *Peter Arkad'evich Stolypin. Practical Politics in Late Tsarist Russia*. Westview Press, Boulder, Colorado, 1976.

Guerassimov, A. V., général. *Tsarisme et terrorisme*. Paris, 1934.

Gurko, V. I. *Features and Figures of the Past*. Stanford University Press, 1939.

Hosking, Geoffrey A. *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907—1914*, N. Y. and London, Cambridge University Press, 1973.

Kokovtsev, V. N. *Out of my Past*. California, Stanford University Press, 1935.

Kurlov, P. G. *Das Ende des russischen Kaisertums*. Berlin, 1920.

Legras, Jules. *Souvenirs sur P. A. Stolypine*. Vie des peuples, v. 7, Paris, 1922, pp. 1003—1020.

Levin, Alfred. *Peter Arkad'evich Stolypin: A Political Appraisal*. The Journal of Modern History, v. 37, No. 4, 1965, pp. 445—463.

Rogger Hans. *Russian Ministers and the Jewish Question, 1881—1917*. California Slavic Studies, v. 8, 1975, pp. 15—76.

Savickij, Nicolas. *P. A. Stolypine*. Le monde slave. Nov., 1933, pp. 227—263 et Dec., 1933, pp. 360—383.

Spiridovitch, Alexandre, général. *Les dernières années de la cour de Tzarskoïé Selo, 1910—1914*. Vol. 1—2. Payot, Paris, 1929.

Stolypine, Alexandra. *L'homme du dernier Tsar*. Paris, 1931.

Strakhovsky, Leonid I. *The Statesmanship of Peter Stolypin: A Reappraisal*. Slavonic and East European Review, v. 37, 1958—1959, pp. 348—370.

Tokmakoff, George. *Stolypin's Assassin*. Slavic Review, v. 24, No. 2, June, 1965, pp. 314—321.

Tokmakoff, George. *P. A. Stolypine and the Second Duma*. Slavonic and East European Review, v. 50, No. 118, Jan., 1972, pp. 49—62.

Tokmakoff, George. *P. A. Stolypine and the Third Duma: An Appraisal of the Three Major Issues*, Lanham, MD, University Press of America, 1982.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПО ГАЗЕТАМ

1—12 сентября 1911	6
--------------------	---

Отклики социалистов	22
---------------------	----

СТОЛЫПИН

Биография	28
-----------	----

«ИМ НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ, НАМ НУЖНА ВЕЛИКАЯ РОССИЯ» (Столыпин)

Правительственное сообщение 24 августа 1906 г.	40
--	----

В. А. Маклаков	
----------------	--

(О сущности столыпинских реформ)	45
----------------------------------	----

П. А. Столыпин. Речь в III Государственной думе	
---	--

16 ноября 1907 г.	48
-------------------	----

В. А. Маклаков; В. Н. Коковцов	
--------------------------------	--

(О попытке Столыпина разрешить еврейский вопрос)	54
--	----

Особый журнал Совета Министров от 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г.	57
---	----

В. Н. Коковцов

(Об Особом журнале Совета министров)	63
--------------------------------------	----

Переписка П. А. Столыпина с Николаем II	63
---	----

БОГРОВ

(Личность и жизненный путь)

Владимир Богров. Биографические данные	67
--	----

И. Книжник. Семья и среда Богрова	76
-----------------------------------	----

Б. Прилежаева-Барская	78
-----------------------	----

Вера Богрова	85
--------------	----

«ПАРТИЯ — ЭТО Я» (Богров)

(На службе у революции и в охранке)

А. Мушин. Богров — до 25 августа 1911 г.	91
--	----

Г. Сандомирский	103
-----------------	-----

Б. Струмилло	105
--------------	-----

И. Гроссман-Рошин	111
-------------------	-----

П. Ляtkовский	114
---------------	-----

Владимир Богров	119
-----------------	-----

Егор Лазарев	123
--------------	-----

Письмо Богрова родителям 1 сентября 1911 г.	143
---	-----

СЕНТЯБРЬ 1911

(Свидетельства очевидцев)

Николай II	145
------------	-----

А. С. Панкратов	149
-----------------	-----

А. Ф. Гирс	164
------------	-----

Г. Е. Рейн	173
------------	-----

П. Т. Самохвалов	180
------------------	-----

СЛЕДСТВИЕ, СУД, КАЗНЬ

Следствие	187
-----------	-----

Протоколы допросов	191
--------------------	-----

Суд	208
Казнь	211
Вера Богрова	214
ОХРАНА ДЕРЖИТ ОТВЕТ...	
Перед Государственной думой	222
Перед Государственным советом	237
Перед Императором	252
Перед Временным правительством (Из материалов Чрезвычайной Следственной Комиссии)	256
Допрос А. И. Спиридовича	257
Допрос М. И. Трусевича	264
Допрос П. Г. Курлова	267
Допрос графа В. Н. Коковцова	275
Второй допрос графа В. Н. Коковцова	279
НА СМЕРТЬ СТОЛЫПИНА	
А. И. Гучков	284
В. В. Шульгин	286
П. Б. Струве	289
П. Н. Милюков	292
А. В. Тыркова-Вильямс	294
БИБЛИОГРАФИЯ	

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

Составитель А. Серебренников

Редактор А.Петрапавловская
Корректор Л.Соколовская

Сдано в набор 21.10.89. Подписано к печати 06.01.90. Формат 60Х84 1/16. Офсетная печать. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 1—50 000 экз.).

Заказ № 81 Цена 3 р. 70 к. Молодежное рекламно-информационное агентство «Инфа», Ко-оператор «Курсив». Издание подготовлено с использованием ДИС. Программист Е.Рупайс и Л.Федельман. Отпечатано в типографии Издательства ЦК КП Латвии, 226081, Баласта дамбис, 3.

3 руб. 70 коп.

